

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА
ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Том 16 № 1 2018

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61213 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н., доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Абрамов В.П. — член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета

Бальшихина Т.М. — академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов

Красильникова Л.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мамонтов А.С. — действительный член Российской академии естественных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Чеснокова О.С. — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Хавронина С.А. — кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Эбзеева Ю.Н. — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Дэн Дэвидсон — президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа (США)

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь)

Млечко Т.П. — доктор педагогических наук, доктор хабилитат филологии, иностранный Член российской Академии образования, член правления Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), профессор, ректор Славянского университета Республики Молдова (Молдова)

Рафаэль Гусман Тирадо — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания)

Моника Перотто — профессор, кандидат педагогических наук, научный сотрудник и доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета (Италия)

Урия Лауджес — кандидат филологических наук, профессор Центра интенсивного изучения языков Университета Алжир 1 (Алжир)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Facebook, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов» был создан в 1993 году. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания» вышла в свет в 2003 году. На протяжении двадцати лет журнал публиковал статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистики, анализа текста, лингвокультурологии, методики преподавания языкам и т.д.

В настоящее время тематика журнала охватывает актуальные вопросы филологии: лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, текстоведение, лингводидактика, этнометодика, методика обучения иностранным языкам и их преподавания). Увеличено количество тематических рубрик. Публикуются результаты научных исследований по вопросам изучения русского языка (как родного, неродного, иностранного), иностранных языков.

Цель журнала — создание научно-методической площадки для обмена мнениями российских и зарубежных ученых в области изучения и преподавания русского и иностранных языков по актуальным вопросам формирования межкультурного, языкового, образовательного пространства.

Основные задачи журнала:

- актуализация проблем изучения русского языка и методики его преподавания в школе и вузе;
- рассмотрение вопросов современной зарубежной лингвистики и методики преподавания языков;
- презентация медиадидактических и электронных средств обучения в межкультурном пространстве;
- знакомство с новыми лингводидактическими и педагогическими технологиями;
- представление методических проектов.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Молдовы, Испании, Алжира, Италии).

К сотрудничеству приглашаются российские и зарубежные ученые в области русского и иностранных языков.

Редактор: *М.П. Малахов*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии журнала:
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.university

Подписано в печать 07.02.2018. Выход в свет 21.02.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtopС».
Усл. печ. л. 10,96. Тираж 500 экз. Заказ № 23. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES RESEARCH AND TEACHING

VOLUME 16 NUMBER 1 2018

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Shaklein V.M. Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia), Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Member of Presidential Russian Language Council

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Strelchuk E.N. Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

EDITORIAL BOARD

Abramov V.P. — Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian as a Foreign Language (Kuban State University)

Alefirenko N.F. — Full Member of the Academy of Social Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language (Belgorod State University)

Batykhina T.M. — Member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Dean of Advanced Training Faculty for Teachers of Russian as a Foreign Language (Peoples' Friendship University of Russia)

Krasilnikova L.V. — Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Chair of Russian for Foreign Students (M.V. Lomonosov Moscow State University)

Mamontov A.S. — Full Member of the Academy of Natural Sciences, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Literature and Intercultural Communication (A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language)

Chesnokova O.S. — Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Khavronina S.A. — Candidate of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

Ebzeeva Y.N. — Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Davidson Dan — President of American Council of Teachers of Russian (ACTR) and American Council for International Education (ACCELS), Director of Russian Language Institute, Foreign Member of Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Foreign Language Teaching of Bryn Mawr College

Maslova V.A. — Member of the Presidential Board Of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics of Vitebsk State University (Belarus)

Mlechko T.P. — Doctor of Pedagogy, Doctor Habilitat of Philology, Foreign Member of Russian Academy of Education, Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), professor, Rector of Slavonic University of Moldova

Rafael Guzman Tirado — Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology of Granada University (Spain)

Monica Perotto — professor, Candidate of Pedagogy, research assistant and associate professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University (Italy)

Houria Laouedj — Candidate of Philology, Professor of the Centre of Intensive Language Teaching (University Algeria — 1) (Algeria)

**RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES
RESEARCH AND TEACHING.**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

The scientific journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia" has been published since 1993. The first issue of the series "RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching" came in 2003. The journal has published the results of fundamental and applied research in linguistics, text analysis, cultural studies, methods of teaching languages, etc. for 20 years.

Now the themes of the journal include actual problems of philology: linguistics, psycholinguistics, cultural studies, country studying, intercultural communication, text studying, linguodidactics, ethnomethodics, methods of teaching learning foreign languages. The number of the journal columns has increased. The journal publishes the results of scientific research in teaching Russian (as a native, non-native and foreign language) and other languages.

The aim of the journal is to create a scientific and methodical forum where Russian and foreign scientists could exchange their views on learning and teaching Russian and foreign languages, on actual problems of intercultural, linguistic and educative environment.

The main tasks of the journal are as follows:

- to point out the problems of learning and teaching Russian at school and university;
- to discuss the questions of modern foreign linguistics and methods of teaching languages;
- to present electronic means of education in intercultural environment;
- to get acquainted with new linguodidactic and pedagogic technologies;
- to show methodical projects.

The authors can present scientific articles (theoretical, academic and research, scientific and methodical), reviews, critical reviews, annotations, reports about Russian and foreign scientists.

The journal is on the list of journals reviewed by Higher Attestation Commission for presenting the results of doctorate thesis. Young scientists can publish their articles in the column "The page of a young researcher".

The journal has an international status which is provided by the editorial board and reviewers (famous scientists from international academies and universities in Russia, the USA, Belarus, Moldova, Spain, Algeria, Italy).

Editor *M.P. Malakhov*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Russian and foreign languages.

Methods of its teaching":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-07-45;
e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Хамшовски С.А. Русский язык в Венгрии: от прошлого к будущему..... 7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннушкин В.И. О национально-культурном своеобразии русских филологических дисциплин 27

Иванова М.В., Клушина Н.И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации..... 50

Ковтуненко И.В. Риторические отношения контраста в тексте блога: средства маркирования, семантика, функции..... 63

Курцева З.И., Ерохина Е.Л. Дискурсивная этика как основа развития речевой личности будущего учителя 91

СТРАНИЧКА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Соловьева Д.В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности 109

ХРОНИКА. КОНФЕРЕНЦИИ

Сенаторова О.А. IV Международный педагогический форум «Текст культуры и культура текста»: реферат 124

Буйняк Милан. VII Международный форум русистов «Братиславские встречи под Татрами»: реферат 129

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE IN THE INTERNATIONAL SPACE

Hamsovszki S.A. Russian language in Hungary: from past to future 7

ACTUAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND METHODS OF ITS TEACHING

Annushkin V.I. About national-cultural performance of russian philological disciplines..... 27

Ivanova M.V., Klushina N.I. Publicism in the course of the Russian literature language: from Old Russian literature to internet communications..... 50

Kovtunenko I.V. Rhetorical relations of contrast in the blog text: marking means, semantics, functions 63

Kurtseva Z.I., Erokhina E.L. Discourse ethics as a foundation for development of the speech personality of a future teacher 91

THE PAGE OF A YOUNG SCIENTIST

Solovyova D.V. Word-formative neologisms' riskogenics in modern media texts of social and political orientation..... 109

CHRONICLE. CONFERENCES

Senatorova O. IV International Pedagogical Forum "Text of the Culture and Culture of the Text" 124

Bujnak Milan. VII International Forum of Russianists "Bratislava Meetings in the Tatras" 129

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-7-26

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВЕНГРИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

С.А. Хамшовски

Будапештский экономический университет прикладных наук
1165 Budapest, Diósy Lajos u. 22-24

В статье рассматриваются история становления преподавания и научного исследования русского языка в Венгрии. Автор в хронологическом порядке описывает процесс формирования преподавания русского языка от его возникновения до наших дней, включая компоненты его эволюции, и обращает внимание читателей на влияние исторических и геополитических процессов на объект исследования. Наметившееся повышение интереса к изучению русского языка в Венгрии связано с происходящим в последнее время процессом развития торгово-экономических и культурных связей Венгрии и России, укреплением позиций России и по другим направлениям. На рынке труда увеличивается потребность в венгерских специалистах, достаточно свободно владеющих русским языком и способных стать активными участниками происходящего процесса укрепления двусторонних связей. Процесс овладения русским языком на необходимом для общения и решения профессиональных задач уровне усложняется тем, что преподавание ведется в условиях отсутствия языковой среды. Начинающие изучать русский язык сразу же сталкиваются с трудностями, вызванными не только отличиями кириллицы от латиницы, но и многозначностью некоторых наиболее часто употребляемых слов, флективностью русского языка, наличием двух основ у глаголов, употреблением глаголов движения и видовых пар глаголов. Более того, после перехода высшего образования на Болонскую систему значительно сократилось количество учебных часов, что ставит как перед учащимися, так и перед преподавателями сложные задачи. Количество учебных часов в вузах на нефилологических специальностях в настоящее время составляет не более 60 часов в семестр. Будущие экономисты, маркетологи, работники сферы туризма и гостиничного хозяйства рассчитывают начать изучение русского языка с нуля и за время обучения в бакалавриате, т.е. не более, чем за 360 аудиторных занятий на протяжении шести семестров, овладеть не только языком повседневного общения, но и сдать государственный экзамен по деловому русскому языку (уровень В 2), который, наряду с подтвержденным знанием другого иностранного языка, дает право выпускнику получить диплом. Несмотря на эти сложности, студенты выбирают русский язык в качестве второго или третьего иностранного языка.

С помощью диагностических методов исследования описываются процессы становления преподавания русского языка и мотивации к его изучению на территории Венгрии.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков, языкознание, славянские языки, овладение русским языком, исторические этапы обучения русскому языку, учебники, словари

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления процессов, связанных с ситуацией преподавания русского языка в Венгрии в начале XXI века. В настоящее время актуализируется изучение русского языка, что

связано не только с изменением контингента учащихся, но и с наметившимся расширением торгово-экономических и культурных связей Венгрии и России, а также с другими геополитическими причинами. В последние годы увеличивается потребность в венгерских специалистах, владеющих русским языком, которые смогут стать активными участниками происходящего процесса развития связей между двумя странами, в то время как профессия переводчика как такового, постепенно становится менее востребованной. В создавшихся условиях можно говорить о некотором увеличении спроса на изучение языка повседневного, а также делового общения. Преподавание русского языка проводится вне языковой среды, что, с одной стороны, затрудняет и замедляет изучение языка, а, с другой стороны, ставит определенные задачи перед преподавателями и учащимися.

Русский язык является одним из иностранных языков, преподавание которого опирается на сложившиеся традиции и методические инновации.

Цель

Цели данной статьи состоят в попытке в хронологическом порядке проанализировать ситуацию, связанную с преподаванием русского языка в Венгрии, его месте в системе обучения иностранным языкам; определении значения изучения русского языка в свете меняющейся геополитической ситуации; описании мотивационных и других факторов, влияющих на процесс обучения русскому языку в начале века.

Материалы и методы

Материал исследования составил анализ учебников и пособий по русскому языку, изданных в Венгрии; научно-методической литературы по проблемам теории и практики преподавания русского языка как иностранного; обобщенный опыт венгерских коллег; собственный опыт в преподавании английского и русского языков в системе среднего и высшего образования Венгрии, а также данные многолетних наблюдений за преподаванием русского языка венгерским учащимся в мононациональных и полинациональных группах в условиях отсутствия языковой среды. Применялись следующие диагностические методы исследования:

- метод комплексного теоретического анализа (анализ научно-методической литературы и статистических данных);
- социально-педагогический метод (анализ программ, учебников, учебных пособий и словарей, используемых в преподавании русского языка в Венгрии);
- опорно-диагностический метод (беседы с изучающими русский язык и анкетирование).

Результаты

На основе проведенных исследований было установлено, что в начале XXI века русский язык в Венгрии изучают в общеобразовательных целях при наличии положительной мотивации. Для молодежи и определенной части трудоспособного населения Венгрии постепенно становится необходимым владение не только

английским языком, но и одним из славянских языков. В связи с развитием торгово-экономических и культурных связей Венгрии и России владение именно русским языком становится особенно актуальным. Наряду с существующими учебниками и пособиями во внеаудиторной работе следует шире использовать онлайн-ресурсы.

Таким образом, русский язык остается одним из иностранных языков, преподавание которого опирается на сложившиеся традиции и методические инновации.

Обсуждение

Историю обучения русскому языку в Венгрии до начала 2000-х годов, по мнению профессора Иштвана Бакони, можно разделить на три периода.

Первый период начинается в середине XIX века и продолжается сто лет (до 1949 года) до введения обязательного обучения русскому языку во всей системе образования.

Второй период — четыре десятилетия с 1949 по 1989 годы — время обязательного обучения русскому языку во всей системе образования Венгрии.

Третий период начинается с 1989-го года, когда изучение русского языка в школах и вузах стало факультативным. В 90-е годы, в соответствии с требованиями родителей школьников, русский язык почти «вытеснился» английским и немецким. Приблизительно одинаковое количество учащихся изучает русский и французский языки (Бакони 2001: 8).

По мнению автора, начало *четвертого периода* связано с проведением по предложению президента Российской Федерации В.В. Путина в 2007 году «Года русского языка в России и в мире». Президент России подчеркнул, что, по его убеждению, мероприятия, связанные с Годом русского языка, вызовут большой интерес, принесут пользу и укрепят международные гуманитарные связи. Также стоит отметить исторические события 2007—2008 годов: Мюнхенская речь В.В. Путина, обращенная к европейским и американским политикам и государственным деятелям, запустившая процесс суверенизации российской политики.

Первая информация об обучении русскому языку относится к 1849 году. Следует особо подчеркнуть тот факт, что потребность в овладении русским языком в Венгрии возникла под влиянием нескольких немаловажных факторов (Kiss 2015: 5).

Во-первых, Венский королевский двор для привилегий, а также успокоения национальных меньшинств славян Венгрии, решил удовлетворить их давнюю просьбу о введении обучения славянским языкам и принял постановление об учреждении в Пештском университете кафедры славянских языков. Курсы, объявленные кафедрой славистики, кроме других языков, истории и культуры славянских народов, живущих на территории Венгерского Королевства, давали возможность изучения и русского языка (Kiss 2015: 5).

Во-вторых, с точки зрения науки нельзя было оставить без внимания и тот факт, что к тому времени ученые России показали хорошие результаты во многих областях науки, что вызывало интерес у их коллег в Европе. В целях расширения

научных контактов с представителями российской науки возникла необходимость в изучении русского языка (Kiss 2015: 5).

В-третьих, нельзя не отметить тот факт, что в том же году с помощью огромной царской армии Николая I была задушена венгерская революция. Следует подчеркнуть и тот факт, что в то время на северо-востоке страны, в Закарпатье, проживало около полумиллиона русинов. Представители духовенства и интеллигенции, вступая в контакты с солдатами российских войск, проходящими через эту территорию, ощутили родственную связь с русскими и стали выступать за углубление связей с Россией. Они считали русинов родственниками великорусов, а русинский язык — просто диалектом русского языка. Следовательно, не было необходимости развития какого-либо диалекта русинского языка, не нужно было поднять его на литературный уровень, а следовало просто перенять так называемый «большой» русский язык. Молодое поколение нужно было обучать русскому языку в рамках общего образования, а для обучения взрослых выпускать русскоязычные газеты и журналы. Однако эта идея не нашла нужного отклика в народе, и после Австро-венгерского соглашения 1867 года вернулись к развитию тех языков, на которых говорило население (Kiss 2015: 6—7).

Первым преподавателем кафедры славянских языков был знаток славянских языков Йожеф Ференц, он также преподавал и русский язык.

На первом этапе преподавание русского языка как одного из славянских языков началось в рамках филологического образования. Важно подчеркнуть, что на первых порах проходило изучение западнорусских — малорусских — “kisorosz” — (рутен, русин) языков, только позже началось усвоение (велико)русского “ogosz” языка. Венгерские исследователи изучали русский язык для установления личных контактов с профессорами Петербургского, Московского и Казанского университетов. Русский язык преподавался в некоторых вузах и других военных, торговых и экономических учебных заведениях (Kiss 2015: 5—6).

Изучение русского языка в Венгрии характеризовалось тем, что его преподавали главным образом на начальном этапе обучения в высших учебных заведениях. Русский язык изучался в научных целях, в целях ознакомления с культурой страны, в военных целях, с конца XIX века — в торговых и технических целях, а с 1945 года — в общеобразовательных целях. Эти 100 лет русский язык изучали при наличии положительной мотивации. Необходимо подчеркнуть и сложность обучения русскому языку, с которой столкнулись первые преподаватели. Эта сложность состоит в том, что русский язык существует в двух разновидностях: письменный русский язык и устный русский язык, — каждый из которых учащимся приходится усваивать по сути дела отдельно. У истоков преподавания русского языка не существовало никаких методических разработок преподавания языка, естественно, не было и учебников. Перед составителями первых учебников русского языка в Венгрии стояла непростая задача: надо было изучать русский язык сразу в двух его разновидностях. А такого опыта не было.

Как известно, сначала преподавали русский язык не профессиональные, квалифицированные русисты, не методически подкованные преподаватели, а просто образованные люди, хорошо владеющие русским языком. Первыми авторами «Русских письменных грамматик» были А.В. Духнович (1853), К.А. Сабов (1865), И. Раковский (1867) (Kiss 2015: 6—7).

В 1888 году писатель Эндре Сабо издал карманный русский словарь. Он сам выучил русский язык, чтобы читать произведения великих русских писателей XIX века (Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского) в оригинале, и переводить без помощи немецкого и французского языков в качестве языков-посредников. Кроме интересующихся русской литературой была и немалочисленная группа лингвистов, исследовавших финноугорские языки и решивших усвоить русский язык. Основоположник финноугроведения в Венгрии, профессор кафедры уральской лингвистики Будапештского университета Йожеф Буденц (1836—1892) собрал вокруг себя коллег, своих бывших студентов для изучения языков финноугорских народов (Bakonyi 2000: 30). Для них усвоение практического русского языка было необходимо для осуществления поиска финноугорских народов, проживавших на территории царской России, а также сбора информации об этих народностях. Они организовали «Русский кружок», собирались в ресторанах и совершенствовали свои знания, общаясь между собой на русском языке. На собраниях «Русского кружка» часто присутствовал носитель живого русского языка С.Я. Колумбов, генеральный консул царской России в Будапеште, который одновременно был хорошим другом одного из членов кружка. Они пользовались учебниками русского языка, написанными на иностранных языках (Kiss 2015: 8—9).

После Австро-венгерского соглашения 1867 года стало бурно развиваться общее и высшее образование. Кроме нового университета в Коложваре в стране открылись и многие др. Не только в Венгерской королевской военной академии «Людовика», в Венгерской торговой академии, но и в Королевском техническом университете, кроме изучения основных специальных предметов, важное место уделяли преподаванию иностранных языков (Kiss 2015: 9).

Первый учебник под названием «Краткая практическая грамматика русского языка» вышел в 1888 году. Автором стал Ашбот Оскар (1888). Он написал эту книгу для того, чтобы каким-то образом упростить свою преподавательскую деятельность, однако его учебник оказался весьма полезным и для самостоятельного изучения русского языка (Kiss 2015: 8).

В качестве профессора славистики Ашбот Оскар преподавал в Пештском университете около 4-х десятилетий. Он был первым высококвалифицированным и всемирно известным венгерским ученым, занимающимся славянской лингвистикой. Разработал научную основу преподавания славянских языков в университете и заложил основы научного исследования русского языка в Венгрии (Kiss 2015: 7). Также разработал методику перевода на венгерский язык имен, взятых из славянских языков (русский, украинский, белорусский, болгарский и македонский) и написанных на кириллице. Эта методика является основой для перевода имен, написанных кириллицей, и по сей день.

К началу XX века Королевский технический университет добился очень хороших результатов в подготовке инженеров, фабрики страны достигли высокого уровня производства, а владельцы надеялись на расширение экспорта своей продукции. Возникла необходимость в кадрах, владеющих иностранными языками на высоком профессиональном уровне, способных устанавливать контакты с представителями делового мира. Для достижения этой цели Королевский технический университет решил ввести преподавание русского языка. Преподавателем

русского языка стал Михай Мункачи. Для того, чтобы было легче преподавать, он написал учебник русского языка (Kiss 2015: 10).

Немаловажно, что до настоящего времени остается малоизвестным тот факт, что Венгрия в период между двумя мировыми войнами предоставила убежище нескольким тысячам российских беженцев. Это стало реальностью несмотря на то, что после поражения Венгрии в Первой мировой войне, а также заключения шокировавшего нацию Трианонского мирного договора, Венгрия и сама находилась в крайне сложном положении (Варга Ева Мария 2012: 5). Многие из этих беженцев именно в этот период дали положительный импульс обучению русскому языку.

Самым распространенным методом преподавания иностранных языков того времени был грамматико-переводной метод, в основе которого лежало изучение грамматики. Главным средством обучения любому языку был дословный перевод. Этот метод способствовал развитию логического мышления, что в то время было целью образования как в средних, так и в высших учебных заведениях, однако такой метод не соответствовал основной функции любого языка — функции общения.

Необходимо особо подчеркнуть, что первые венгерские грамматисты изобретательно подошли к проблеме подачи учебного материала, предназначенного для использования в обучении учащихся практическому русскому языку. Языкознание в то время, в том числе и наука о русском языке, были оторваны от практики преподавания языка. Первые венгерские грамматисты сделали очень много для того, чтобы продвинуть вперед «к жизни» (к практике) русскую грамматику.

Преподавание русского языка и на рубеже XIX и XX веков в большой мере зависело от политических событий.

Идея о введении преподавания русского языка, которая могло бы способствовать углублению торгово-экономических контактов с Россией, была выдвинута на рубеже XIX и XX веков. В Восточной торговой академии в Будапеште русский язык преподавался в качестве факультативного предмета с 1899-го года. С 1920-го года представилась возможность изучения русского языка на экономическом факультете Будапештского университета, а позже в Королевском технико-экономическом университете (Бакони 2001: 29).

В начале XX века ведущими специалистами просвещения неоднократно отмечалось, что языком мировой торговли наряду с немецким являются английский и русский языки, поэтому считалось целесообразным в некоторых средних учебных заведениях в качестве обязательного иностранного языка преподавать английский и русский языки.

Тем не менее, в первой половине XX века в гимназиях Венгрии, кроме латинского и греческого языков, предпочтение отдавалось обучению первому в те времена иностранному языку — немецкому. В реальных училищах и гимназиях преподавались немецкий и французский языки, и лишь в качестве факультативного иностранного языка выбирался английский или итальянский (Бакони 2001: 29).

Во время Второй мировой войны в большом количестве выходили в свет учебные пособия по русскому языку, связанные с военной тематикой. В начале войны в соответствии с положением на фронтах учебники содержали лексику «победи-

теля», писались аккуратно, кириллицей. После катастрофического поражения венгерской армии на Дону в 1943 году, тематика и тон лексики сильно изменились. Книги тогда писали уже не кириллицей, а в спешном порядке, просто фонетически латинскими буквами. Но, тем не менее, они оказывали огромную помощь в общении с солдатами советской армии (Kiss 2015: 11).

Как известно, с 1949-го года русский язык на следующие 40 лет стал обязательным предметом во всех учебных заведениях Венгрии (VKM. 1200-A-7/1949. sz. rendelete) (Бакони 2001: 74). Также на протяжении 40 лет он функционировал в качестве языка Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), языка экономического сотрудничества между странами-членами СЭВ.

Изучение языка прекрасно демонстрирует политическое состояние мира.

До конца Первой мировой войны господствующим языком в мире считался французский язык. Позднее стал больше распространяться английский язык. А после Второй мировой войны началось распространение английского языка в западно-европейских странах, эти страны при выборе изучаемого иностранного языка учитывали свои долгосрочные политические и экономические интересы. В Восточной Европе русский язык не имел своих традиций, а обязательность его изучения, т.е. его навязывание как бы отрезали эти страны от другой части Европы.

Политическое решение о всеобщей обязательности обучения русскому языку поставило непростые задачи перед общеобразовательными учреждениями. Однозначно, они не были в состоянии их решить одновременно и нужным образом. Не было необходимых учебников и подготовленных преподавателей. Проблему учебников удалось решить в течение нескольких лет благодаря самоотверженному труду славистов ведущих университетов. Однако нехватка квалифицированных преподавателей русского языка ощущалась еще на протяжении следующих десятилетий. За обучение русскому языку брались все, кто только пожелал. В первые годы во многих общеобразовательных школах уроки русского языка существовали только на бумаге, их некому было проводить и вместо них проводили другие уроки. Во многих школах в роли преподавателей русского языка оказывались вернувшиеся на родину из плена бывшие солдаты, некоторые из которых не имели даже среднего образования. Вследствие низкого уровня преподавания и результат оказался катастрофически низким.

До 1951 года существовали только наскоро составленные карманные словари русского языка и разговорники, изданные частными предпринимателями. В этих книжках русские слова часто были напечатаны фонетически, латинскими буквами. Научно составленного словаря не было. Первый грамотно составленный на основе научных методов русско-венгерский словарь появился в 1951 году. Его авторами были славист Хадрович Ласло, бывший член Венгерской академии наук, и Галди Ласло — лингвист, бывший член-корреспондент Венгерской академии наук.

Также в 1951 году вышел первый «Учебник русского языка для начинающих», авторами которого были Ласло Бати, Вилмошне Надь, Иштванне Шаш, Лайош Сабо, Иштван Вербени, Имре Вегер.

Во всех вузах страны были созданы самостоятельные кафедры русского языка. В этот период русистика — исследование русского языка, русской литературы, русской культуры — в Венгрии стала успешно развиваться.

Во всех педагогических университетах и институтах была организована подготовка учителей русского языка. В эту подготовку с большим энтузиазмом включились русисты, с помощью которых были разработаны научно обоснованные учебные материалы, а также соответствующая той эпохе методика, ставшая для преподавателя русского языка прочным фундаментом профессиональной деятельности на долгие годы.

Следует упомянуть венгерских русистов, внесших существенный вклад в развитие русистики в Венгрии. Федосов В.А. в своей монографии «Русский язык в Венгрии» (Федосов 2015) отмечает следующих русистов: *Ференц Палп, Иштван Т. Мольнар, Йожеф Крекич, Ласло Ясаи, Иштван Пете, Михай Эрдейи, Эрна Палл, Бела Леваи, Эдит Саламин, Эржебет Репашине, Иштван Феньвеши, Аттила Холлош, Лайош Хайзер, Эндре Лендваи, Габор Секей, Эржебет Ч. Йонаш, Бела Татар, Золтан Дьёрке, Андраш Золтан, Карой Гадани, Михай Петер, Иштван Бакони, Мария Янкович.*

В рамках данного исследования не представляется возможным отметить всех исследователей, и приведенный список далеко не полон, но прекрасно показывает высокий уровень накопленного потенциала. Этот потенциал и обусловил активное развитие методики преподавания русского языка. Появились новые учебные предметы, например, страноведение, лингвострановедение. В этот период сложилась новая форма обучения иностранному языку — включенное (в языковую среду) обучение — обязательная стажировка: в течение полугода или года для всех венгерских студентов, будущих преподавателей русского языка. Студенты имели возможность изучать русский язык в языковой среде, где преподавателями были учителя — носители русского языка, а языковая среда, в том числе и специально организованные мероприятия, способствовали эффективному усвоению русского языка. По вопросам организации стажировок венгерских студентов-филологов в языковой среде, с обобщением этого опыта, в 1970—1980-е годы регулярно проводились российско-венгерские встречи и конференции с участием министерств, руководителей вузов, с широким привлечением преподавателей русского языка из обеих стран (Федосов 2017).

В этот период проводились различные конкурсы на всех уровнях от общеобразовательных школ до высших учебных заведений. Перед венгерской молодежью открылась дорога в высшие учебные заведения Советского Союза. Были организованы летние международные лагеря для молодежи, где с помощью русских преподавателей и студентов венгерские школьники могли углубить свои знания русского языка.

Во время существования социалистического лагеря в рамках Совета экономической взаимопомощи основной внешнеторговый товарооборот Венгрии приходился на страны СЭВ, большая часть из них — на Советский Союз. СЭВ долгие годы определял торговую деятельность, структуру производства и систему связей Венгрии. В 1980 году гражданин Венгрии Берталан Фаркаш совершил свой первый полет в космос на борту космического корабля «Союз 36».

Языком межгосударственного общения между странами СЭВ был русский язык, а языковыми посредниками, главным образом, специалисты — выпускники советских вузов.

С 1968-го года в Венгрии проводилась новая экономическая политика, преобразование управления народным хозяйством и расширение внешнеэкономических связей. Венгрия постепенно включалась в международное разделение труда, увеличивалась хозяйственно-финансовая самостоятельность предприятий, возобновлялись «уже забытые», но традиционные внешнеторговые контакты с западноевропейскими партнерами, со странами Европейского Союза, а также с развивающимися странами. Появилась необходимость владения другими иностранными языками.

Во второй половине 1980-х годов уже во многих странах-членах СЭВ стал заметен кризис социалистического строя, началась новая волна либерализации, все больше предприятий получило право вести самостоятельную внешнеторговую деятельность.

Под влиянием общественно-политических и экономических изменений в странах Средне-Восточной Европы в конце 1980-х годов ослабились контакты с Советским Союзом. Страны-члены СЭВ стали активно вести торговлю с западными странами.

Было очевидно, что географическое и геополитическое положение Венгрии располагает к более активной и разносторонней межкультурной коммуникации, экономическим и социокультурным контактам не только с Россией и соседними славянскими странами, но и со странами Западной Европы. Стало понятно, что Венгрии необходимы не только высококвалифицированные экономисты, но и специалисты, владеющие иностранными языками, тем самым способствуя расширению экономических, туристических, культурных и научных связей. В результате изменений, произошедших в сфере политики, обязательное преподавание русского языка в Венгерской Республике было отменено в 1989 году. Но, вопреки отрицательным выводам в отношении обязательного преподавания русского языка в школах и вузах того времени, русская филология продолжала занимать ведущее место в научных исследованиях. Русисты становились не только успешными преподавателями, филологами, но и переводчиками, специалистами в области политики, экономики и средств массовой коммуникации (Бакони 2001: 8).

Основными причинами решения правительства об отмене обязательного обучения русскому языку были геополитические изменения в мире, но нельзя не сказать и о том, что русский язык, как единственный иностранный язык, который необходимо было изучать, был крайне непопулярен среди обучаемых. Так случилось, что к концу 1980-х годов обязательность изучения языка привела к обратному результату. Начались протесты, демонстрации с требованием отмены обязательного обучения русскому языку.

Однозначно, что в таких условиях и результаты его преподавания были крайне неудовлетворительны. Как следствие решения об отмене обязательности обучения русскому языку могла появиться истинная мотивация и живой интерес к русскому языку и культуре. Необходимо подчеркнуть и тот факт, что решение властей об отмене обязательного изучения русского языка имело и много неблагоприятных последствий, также как и принятое в свое время поспешное и непродуманное его введение.

С начала 90-х годов прошлого века резко сократилось количество желающих изучать русский язык, значительная часть преподавателей русского языка осталась без работы, началась массовая переквалификация преподавателей-русистов. Эти обстоятельства негативно повлияли и на процесс обучения иностранным языкам.

Многие преподаватели заканчивали учебный год в качестве преподавателей русского языка, а в новом учебном году, пройдя летние краткосрочные курсы иностранных языков, уже преподавали английский, немецкий и другие иностранные языки. Еще на протяжении долгих лет, приблизительно до 2000 года, можно было работать преподавателем иностранных языков, имея сертификат, подтверждающий владение этим языком на среднем уровне (Kóósz 2015: 83). Однозначно, что во время этого переходного периода качество работы этих преподавателей иностранных языков оставалось очень низким. Но немало русистов остались верны русскому языку. Они, несмотря ни на что, рискуя достигнутым уровнем жизни, остались самыми верными приверженцами русского языка, боролись за сохранение кафедр русского языка, писали новые учебники, словари, думали над новыми методическими разработками и надеялись, что придет то время, когда интерес к русскому языку возобновится. Особо стоит отметить самоотверженную работу Эндре Тромбиташа, заведующего отделом русского языка непрофильного, экономического, тогда еще института в Будапеште, который невероятным образом смог сохранить обучение русскому языку в то время, когда по всей стране закрывались кафедры даже на филологических факультетах. Под его редакцией в 2016 году было выпущено учебное пособие под названием «Деловой русский язык» (Trombitás 2016). Материалы были подготовлены специалистами-русистами факультета внешней торговли Будапештского экономического университета прикладных наук, который хорошо известен в стране и имеет давние традиции в области преподавания русского языка как иностранного.

Следует отметить, что скромная дружина преподавателей русского языка временно вынуждена была работать по старым учебникам, которые уже не соответствовали новым требованиям преподавания в школах и вузах, так как издание новых учебников русского языка просто прекратилось.

Бурный процесс развития методики преподавания, проходивший в период обязательного обучения русского языка в Венгрии — от грамматико-переводного до коммуникативного — практически прекратился.

Если до начала 90-х годов прошлого века русский язык занимал первое место среди изучаемых языков как в восьмилетних, так и в средних школах, то в начале 90-х находился уже на третьем месте. К середине десятилетия в средних школах после английского и немецкого третье место занимал уже французский язык, а русский — лишь четвертое место.

Но именно в этот трудный для русского языка период, в 1990 году, по инициативе ведущих русистов страны, была основана Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, первым председателем которой стал академик Ференц Папп (в настоящее время председателем этой ассоциации является автор статьи). Чтобы сохранить достигнутые результаты, Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы совместно с филиалом Государственного института русского языка им. Пушкина и Российским культур-

ным центром в Будапеште делали все для того, чтобы русский язык на рубеже XXI века в венгерских учебных заведениях получил равные с другими языками возможности. Успешности работы Ассоциации по организации разнообразных научно-методических мероприятий (конференций, конкурсов, семинаров) способствовала иная, нежели раньше, структура объединения русистов: помимо Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы были созданы региональные ассоциации русистов северо-западного региона г. Дьёр-Сомбатхей и г. Печ юго-западного региона Венгрии. Именно президиумы этих региональных ассоциаций организуют конференции, конкурсы, семинары.

В том же 1990 году под руководством Дьюлы Свак было организовано «Венгерское общество русистов». Задачей Общества было предупредить информационный голод в отношении России, который надвигался на Венгрию. Члены Общества, изучая историю современной России, публикуя результаты своих исследований, обеспечивали венгерское общество достоверной информацией. Это было тогда, когда, как говорит Д. Свак, «...венгерские масс-медиа, опираясь на русофобские средства массовой информации Запада, обрушили на читателей и телезрителей нашей страны огромное количество лживых и дезориентирующих сведений» (Федосов 2005).

Не получая поддержки со стороны государства, «Венгерское общество русистики» оказалось в трудном положении. Успешным стал 1995 год, когда Общество в качестве организационной единицы вошло в структуру филологического факультета Будапештского университета, получив новое название: Центр русистики (Федосов 2005).

Медленный процесс возобновления издания русской учебной литературы в Венгрии начался во второй половине 1990-х годов. Тогда были изданы учебные пособия для экономистов, филологов, словари делового русского языка. Отрадно, что на рубеже тысячелетий вышли большие Венгерско-русский и Русско-венгерский словари (Gáldi— Uzonyi 2000. Budapest. Akadémiai Kiadó) с расширенным экономическим-торговым словарным фондом.

Нельзя не отметить самоотверженную работу Дьюлы Ференци, внесшего огромный вклад в развитие традиций обучения русскому языку, написавшего за полвека своей трудовой деятельности более 50-ти учебников и монографий.

Даже в этот трудный для русского языка в Венгрии период, благодаря любви к русскому языку и упорной работе русистов, вышли некоторые учебники. В 2004 году появились учебник практической грамматики «Это надо знать», авторами которого были Инесса Вуёвич и Петер Данц и учебник делового русского языка (с компакт-диском) Зои Федор.

Как уже было отмечено ранее, изучение языка показывает общее политическое состояние мира. Мюнхенская речь В. В. Путина в 2007 году, обращенная к европейским и американским политикам и государственным деятелям, запустила процесс суверенизации российской политики. 2007 год по предложению президента В.В. Путина был объявлен «Годом русского языка в России и в мире» и в этом же году был создан Фонд «Русский мир» во исполнение Указа Президента РФ В.В. Путина в целях популяризации российской культуры за рубежом. По мнению автора, эти события стали теми импульсами, которые уже были необходимы русистам мира. Россия дала о себе знать, снова заявила о себе, и стало ясно,

что она опять готова активно включиться в международную политическую жизнь. Заново открылись перспективы обучения русскому языку и русский язык заново будут изучать не только бизнесмены, предприниматели, заинтересованные в освоении российского рынка, но и те, кому интересна Россия, ее культура и история, т.е. все, кто надеется на расширение всевозможных контактов с Россией. Первый Русский Центр фонда «Русский мир» открылся в Венгрии в Будапеште еще в том же, 2007 году, в настоящее время работой центра руководит Жужанна Димеши. Второй центр «Русский мир» был открыт в Печском университете в 2011 году, что говорит о международном признании работы Кафедры славянской филологии. Русским Центром г. Печ руководит Валентина Вегвари (Вегвари 2015: 57). В 2017 году в Дебреценском университете был открыт третий Русский центр. Открытие этого центра стало своевременным и необходимым из-за роста спроса у студентов на изучение русского языка, желания изучать культуру и традиции России. Большую роль в открытии Русского Центра в Дебрецене сыграл заведующий кафедры славистики Йозеф Горетить, ставший руководителем Русского Центра (russkie.hu). Работа Русского Центра направлена на популяризацию русского языка и культуры, а также стимулирование академических и студенческих обменов.

Аналогичная практика существует в России и поддерживается венгерской стороной. В некоторых российских вузах — Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), государственных университетах Удмуртии, Мордовии и Марий-Эл — действуют Венгерские кабинеты (russkie.hu). Стало очевидным, что русский язык для Венгрии стал экономической необходимостью, обязательной частью образовательного багажа экономистов, политиков, бизнесменов, более того, всех участников экономической и политической жизни страны.

Начинающийся подъем был сопряжен с определенными трудностями. С одной стороны, для преподавания русского языка в соответствии с требованиями меняющегося общества необходимо было продолжать традицию создания новых учебников и словарей и по деловому русскому языку (в связи с подъемом торгово-экономических отношений двух стран на новый уровень). Существовали только две линейки учебников: линейка учебников Ирины Осиповой «Ключ» (учебник русского языка для начинающих) и линейка учебников Нины Секей и Андраша Секей: «Шаг за шагом». Также необходимо было создание и современных аудиовизуальных учебных материалов. Нужно было усовершенствовать методику преподавания русского языка с учетом использования современных технических средств обучения и использование онлайн-ресурсов, обеспечивающих возможность и дистанционного обучения, облегчающих коммуникацию между участниками процесса обучения во внеурочное время.

С другой стороны, необходимо было постепенно восстанавливать подготовку преподавателей русского языка. Из-за потерянных двух десятилетий — из процесса подготовки учителей выпало целое поколение.

Желательно решить вопрос и языковой среды. Этому положила начало договоренность между премьер министром Венгрии В. Орбаном и президентом России В.В. Путиным в начале 2017 года об обмене студентами.

В стране за последние десятилетия была свернута и подготовка переводчиков русского языка. Поэтому часто партнеры проводят деловые переговоры с помощью какого-то третьего, часто английского языка.

В начале третьего тысячелетия языковая политика и преподавание иностранных языков является вопросом, решающим будущую судьбу Венгрии (Бакони 2001: 6). Решение этого вопроса определяет и общедоступное начальное и среднее образование, а также и высшее образование. Венгрия старается поддерживать дружеские отношения со всеми странами мира, но при этом должна правильно оценивать и свое геополитическое положение. Верно оценив свое положение в мире, государство должно решить вопрос о необходимости создания условий для подготовки специалистов, владеющих иностранными языками, умеющих эффективно, с использованием коммуникативных средств культуры, вести переговоры на языке партнера. На данный момент изучение иностранных языков в Венгрии означает, в первую очередь, преподавание английского языка, владея которым можно уверенно передвигаться по всей Европе, немецкого как традиционного в Венгрии иностранного языка и, в лучшем случае, одного из славянских языков (Бакони 2001: 6–7).

Возрождающийся интерес к русскому языку продиктовал появление в 2015 году нового «Русско-венгерского учебного словаря», авторами которого являются Эдит Дьярфаш, Аннамария Дьюрац, Каталин Куглер и Дина Законова; пособия Светланы Хамшовски «Основные диалоги по-русски А2—В1» для начинающих изучать русский язык, отвечающего требованиям времени (содержит материалы, которые можно прослушать онлайн или скачать на телефон). В 2016 году вышел в свет учебник с компакт-диском Нины Магочи и Жужанны Калафатич «Диалоги, ситуации, описание картинок и аудирование».

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что при обучении иностранному языку необходимо учитывать геополитическое расположение страны, ее политические и экономические реалии. Данные Службы государственной статистики Венгрии (ksh.hu, nepszamlalas.2001.hu) (таблица) свидетельствуют о том, что обязательное обучение русскому языку не дало впечатляющих результатов. В 1949 году, во время введения обязательного обучения русскому языку, количество говорящих по-русски и по-английски было почти одинаково, соответственно 35 881 и 37 853 человек. А через сорок лет, в 1990 году, на момент отмены обязательного изучения русского языка, по-английски говорили 228 956, а по-русски только 152 885 человек. Получается, что по-английски, обучение которому шло только в средних и высших учебных заведениях или в индивидуальном порядке с помощью репетиторов, говорили на 50% больше. Не менее интересным представляется и тот факт, что в течение 20 лет, во время так называемого свободного выбора изучаемого языка, к 2011 году количество говорящих по-русски по существу не изменилось — 158 497, что составляет 1,5% населения страны, а количество говорящих по-английски увеличилось на 700% — 1 589 180, т.е. 15% населения страны говорило по-английски. Отчетливо видно, что решающую роль при выборе иностранного языка играет наличие мотивации.

В целях правильной организации процесса обучения русскому языку желательно знать, что побуждает выбирать в качестве изучаемого именно русский язык. Автор статьи, имеющая опыт преподавания русского языка в Венгрии на протяжении более двух десятков лет, по результатам опроса своих учеников, разделяет эти мотивы на три основные группы.

Таблица

**Результаты переписи населения разных лет в Венгрии —
знание иностранного языка, кроме родного**

Язык	1930 год	1941 год	1949 год	1960 год
Английский	51693	51735	37853	43183
Русский	19240	12324	35881	66504
Язык	1980 год	1990 год	2001 год	2011 год
Английский	114342	228956	941139	1589180
Русский	130809	152885	182982	158497

К *первой группе* относятся те, кто делает свой выбор на основании рационального подхода: нужен сертификат о знании русского языка; знание русского языка нужно для ведения бизнеса или карьерного роста; желание изучить один из славянских языков; знание любого иностранного языка необходимо для повышения самооценки.

Ко *второй группе* относятся те, кто подходит к выбору изучаемого языка из эмоциональных соображений. Это выражается в любви ко всему, что связано с Россией: любовь к русским людям, к русскому языку (нравится мелодичность русского языка и кириллица; любовь к русской культуре; поездки в Россию и общение с русскими людьми (есть русские друзья или знакомые, с которыми хотят разговаривать по-русски); желание читать в оригинале произведения всемирно известных русских писателей.

К *третьей группе* можно отнести тех, кто русский язык считает или хочет считать родным (один из родителей русского происхождения), но в силу каких-то обстоятельств они не говорят по-русски, и тех, кто имеет русские корни. Их мотивы совершенно иные: любовь к своей Родине и к своим предкам. Многие из них просто хотят говорить на родном языке, желая восполнить утраченное.

В последнее время в высших учебных заведениях Венгрии обучаются иностранные студенты, не владеющие венгерским языком. Многие из них говорят по-русски и хотят овладеть русским языком делового общения. Процесс преподавания значительно осложняется из-за отсутствия в группе единого языка-посредника и разного уровня владения русским языком. Работа в таких группах требует высокого уровня профессиональной подготовки преподавателя.

Очевидно, что работа преподавателя русского языка как иностранного может быть успешной только в том случае, если данные такого характера учитываются при определении целей обучения и организации учебного материала.

По данным Российского культурного центра в Будапеште общее количество изучающих русский язык в высших и средних учебных заведениях страны на данный момент составляет около 5,4 тыс. человек (ruscenter.hu).

Основные центры изучения русского языка и подготовки филологов-русистов следующие: Будапештский университет им. Л. Этвёша, Дебреценский университет, Сегедский университет, Университет г. Печ. К ведущим университетам экономического и технического профиля с преподаванием русского языка относятся Будапештский экономический университет прикладных наук, Экономический университет «Корвинус» (г. Будапешт) (ruscenter.hu).

В настоящее время происходит постепенное увеличение количества школ, гимназий и других средних образовательных учреждений, где ведется препода-

вание русского языка, в том числе в таких небольших городах, как Домбовар, Кишкунхалаш, Мако, Мартфю, Тата, Вац и др. Лидируют по количеству учащихся, выбравших для изучения русский язык, гимназии городов Будапешта, Дебрецена, Печ и Сегеда.

Возможности для углубленного изучения русского языка предоставляются будапештскими гимназиями им. Ш. Кёрёши Чома и им. Я. Ксантуша, в которых на русском языке преподается ряд предметов: всемирная история, страноведение и математика. В каждой из этих гимназий русский язык изучает около 120 человек (ruscenter.hu).

Последние 2 года совместными усилиями Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и преподавателей русского языка средних школ школьники Венгрии становятся участниками финала Международной олимпиады по русскому языку для школьников зарубежных стран, которую ежегодно объявляет Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.

В общеобразовательных школах (восьмилетка) обучение русскому языку практически не проводится, только, как правило, по инициативе местных преподавателей энтузиастов, которые организуют факультативное обучение русскому языку во внеурочное время.

Говорить о перспективах русского языка в Венгрии, как видно из изложенного, не просто. Бесспорно, многое зависит и от политики.

Знаковым событием, подтверждающим переход торгово-экономических и культурных отношений Венгрии и России на новый уровень, стало открытие в столице Венгрии на берегу Дуная, напротив острова Маргит осенью 2017 года Аллеи Москвы. Произошло это в рамках Дней Москвы, являющейся городом-побратимом Будапешта. «Эта аллея символизирует хорошие отношения между Москвой и Будапештом, их взаимное уважение», — подчеркнул Багди Габор, заместитель мэра Будапешта. В свою очередь, заместитель мэра российской столицы Леонид Печатников пожелал, чтобы и впредь, какие бы события ни происходили, в отношениях двух столиц побеждали бы принципы гуманизма и здравомыслия (rg.ru).

Заключение

Анализ процесса формирования преподавания русского языка в Венгрии от его возникновения до наших дней позволяет отметить высокий научный потенциал венгерских русистов.

Русский язык остается одним из иностранных языков, преподавание которого опирается на сложившиеся традиции и методические инновации.

В то же время выявляются следующие факторы, усложняющие как сам процесс преподавания, так и процесс изучения русского языка в Венгрии:

- отсутствие языковой среды;
- значительное сокращение количества учебных часов в вузах, связанное с переходом высшего образования Венгрии на Болонскую систему;
- недостаточное количество национально-ориентированных учебников.

Выявлено, что венгерские студенты и школьники выбирают русский язык в качестве второго или третьего иностранного языка, однако не во всех школах Венгрии есть такая возможность.

Отмечается увеличение потребности в специалистах, владеющих русским языком и способных стать активными участниками происходящего процесса укрепления двусторонних связей Венгрии и России. Русский язык для Венгрии становится экономической необходимостью.

Остается выразить надежду, что в дальнейшем в Венгрии количество желающих изучать русский язык будет увеличиваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакони Иштван*. Основные направления в методике преподавания русского языка в Венгрии: базовое, профессиональное и деловое обучение: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 326 с.
- Болла К., Палл Э., Папп Ф.* Курс современного русского языка / под ред. Ф. Паппа. 4-е изд. Будапешт, 1977.
- Варга Ева Мария*. Вместо предисловия. Российская белая эмиграция в Венгрии (1920—1940-е годы). М.: ПРОБЕЛ, 2012.
- Вегвари Валентина*. Кафедра славянской филологии Печского университета (прошлое, настоящее и будущее) / Юбилейный сб. науч. тр., посвященный 165-летию преподавания русского языка в Венгрии. Печ: Печский университет, 2015. С. 50—58.
- Золтан А.* *Inter斯拉vica*. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М.: Институт славяноведения, 2014. 224 с.
- Крекич Й.* Семантическое влияние внутренних и внешних факторов на лексическое значение начинательных глаголов с приставками за- и по-. *Diss. Slavicae*, XII, Szeged, 1977. С. 125—146.
- Лендваи Э.* Прагмалингвистический портрет русского анекдота. Pécs, 2006. 330 с.
- Пете И.* Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт, 1991.
- Пете И.* Иллюстрированная фразеология русского языка. 3-е изд. Szeged, 2001. 206 с.
- Сабов К.А.* Грамматика письменного русского языка. Ужгород, 1865.
- Свак Д., Биро З., Силади А., Чоба Л., Краус Т.* Ельцинщина. Будапешт: Центр русистики, 1993.
- Татар Б.* Фразеология современного русского языка. Будапешт, 1992. 371 с.
- Федосов В.А.* Рецензия. Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?dir=&menu=57&lang=r> (дата обращения: 25.11.2017).
- Федосов В.А.* Первые в Венгрии «Русские грамматики» (XIX — начало XX в.) / Юбилейный сб. науч. тр., посвященный 165-летию преподавания русского языка в Венгрии. Печ: Печский университет, 2015. С. 156—179.
- Федосов В.А.* Советско-венгерское сотрудничество в подготовке преподавателей русского языка для Венгрии (в 60—80-ые годы XX века) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?dir=&menu=84&lang=h> (дата обращения: 17.11.2017).
- Федосов В. А.* Русский язык в Венгрии Научные исследования. Будапешт: Tolsztoj Társaság — Argumentum, 2015. 521 с.
- Хидаши Юдит — Тромбитаи Эндре*. История обучения русскому языку на Факультете внешней торговли БЭИ / Юбилейный сб. науч. тр., посвященный 165-летию преподавания русского языка в Венгрии. Печ: Печский университет, 2015. С. 184—188.
- Янкович М.* Русско-венгерский и венгерско-русский словарь аббревиатур и сложно сокращенных слов. Szombathely: BDF, 2003. 86 с.

- Ясау Л.* Видовая пара по отношению к лексеме. Будапешт: *Studia Russica VII*, 1984. С. 21–34.
- Bakonyi István.* Az orosz nyelv oktatása Magyarországon. Győr — Budapest. 2000. 191 с.
- Cs. Jónás Erzsébet.* Kognitív szemantika a fordításban. Orosz kognitív nyelvészet. Alkalmazott Nyelvészeti Közlemények, Miskolc, VI. évfolyam, 1. 2012. 149 с.
- Fenyvesi István.* Orosz-magyar és magyar-orosz szlengszótár. Budapest, 2001.
- Ferenczy Gyula.* Orosz nyelvtan és nyelvhasználat, Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1996.
- Fodor Zója.* Деловой русский. Как подготовиться к экзамену. Budapest: Nemzeti Kiadó, 2004. 170 oldal.
- Fodor Zója.* Деловой русский (CD Hangfelvétel), Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2004. 152 oldal.
- Gyáfrás Edit, Gyurác Annamária, Kugler Katalin, Zakonova Dina.* Orosz-magyar, magyar-orosz tanulószótár. Budapest: Grimm Könyvkiadó, 2015. 1376 oldal.
- Hamsovszki Szvetlana.* Alaptársalgás oroszul A2–B1. Budapest: Lexika Kiadó, 2015. 157 oldal.
- Kiss Kálmán.* Az orosz nyelv az 1945 előtti Magyarországon. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://oroszkozpont.pte.hu/sites/oroszkozpont.pte.hu/files/1.ch_sborm.pdf (дата обращения: 17.11.2017).
- Koósz Margit* (Pécs, Magyarország) Orosznyelv-oktatás a 80-as években a magyar felsőoktatásban. [Электронный ресурс]. URL: http://oroszkozpont.pte.hu/sites/oroszkozpont.pte.hu/files/1.ch_sborm.pdf (дата обращения: 26.11.2017).
- Mágoesi Nyina, Kalafatics Zsuzsanna.* Társalgás, szituációk, képleírások és hallás utáni szövegértés oroszul, Budapest: Lexika Kiadó, 2016. 277 oldal.
- Oszipova Irina.* Kulcs 1–2. Orosz nyelvkönyv és munkafüzet. Budapest: Corvina Kiadó, 2008. 203 oldal.
- Székely András, Székely Nyina.* Sag za sagom 1–2. Orosz nyelvkönyv és munkafüzet. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2012. 112 oldal.
- Székely Gábor.* A lexikai fokozás. Budapest: Scholastica, 2001. 26 oldal.
- Trombitás Endre.* Orosz üzleti nyelv. Budapest: Lucidus Kiadó, 2016. 424 oldal.
- Zoltán András.* Szavak, szólások, szövegek Nyelvészeti és filológiai tanulmányok, Budapest: Lucidus Kiadó, 2005. 273 oldal.
- Vujovits Inessza-Dancz Péter.* «Это надо знать» Orosz nyelvtani gyakorlókönyv. Budapest: Nemzeti tankönyvkiadó, 2004. 192 oldal.

© Хамшовски С.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.10.2017

Дата принятия к печати: 27.12.2017

Для цитирования:

Хамшовски С.А. Русский язык в Венгрии: от прошлого к будущему // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. С. 7–26. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-7-26

Сведения об авторе:

Хамшовски Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета внешней торговли Будапештского экономического университета прикладных наук. *Сфера научных интересов:* методика преподавания русского языка как иностранного, тестирование, психолингвистика. Автор 40 научных публикаций. Председатель Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. *Контактная информация:* hamsovszki.szvetlana@uni-bge.hu

RUSSIAN LANGUAGE IN HUNGARY: FROM PAST TO FUTURE

S.A. Hamsovszki

Budapest Business School
Diósy Lajos str., 22-24, Budapest, Hungary, H-1165

The article deals with history, process and scientific researches of teaching Russian as a foreign language in Hungary since the middle of the XIX-th century. The author in chronological order defines the different periods of learning the language withing the system of teaching foreign languages from the genesis upto these days dealing with the evolution components. The author pays attention on the influence of historical and geopolitical processes on the object of research. The emerging increased interest in the study of the Russian language in Hungary is due to the recent development of trade-economic and cultural ties between Hungary and Russia, strengthening Russia's position in other areas. In the Hungarian labour market the need for specialists, fluent in Russian and able to become active participants in the ongoing process of strengthening bilateral relations increases. Teaching Russian outside the language environment makes it difficult and complicated the process of mastering it at the appropriate level needed for communication and solving professional problems. Beginners than start learning Russian immediately face with difficulties caused not only by differences of the Cyrillic alphabet from the Latin alphabet, but also the polysemy of some of the most frequently used words, flexions the Russian words, the two stems of the verb, usage of verbs of motion and aspects of the verbs.

Moreover, the number of training hours significantly reduced after the transition of higher education in Hungary to the Bologna system., that puts as to students and to teachers a complex task. Currently the number of teaching hours in universties at non-philological specialties is no more than 60 hours per semester. Future economists, marketing specialists, workers in the tourism and hospitality industry expect to start learning Russian from the beginning and during the bachelor, i.e. after not more than 360 classes during six semesters, to be proficient not only in the language of everyday communication, but also to pass the state exam in Business Russian (level B 2), which, along with proven knowledge of another foreign language entitles the graduate to receive a diploma. Despite these difficulties, students choose Russian language as a second or third foreign language.

The research of the process of developing teaching Russian in Hungary and the motivation to study it bases on diagnostiv methods.

Key words: teaching foreign languages, linguistics, slav languages, command of Russian language, historical stages of teaching Russian language, textbooks, dictionaries

REFERENCES

- Bakonyi I. (2001). *Osnovnye napravleniya v metodike prepodavaniya russkogo yazyka v Vengrii: Bazovoe, professional'noe i delovoe obuchenie. [The main directions in the methodology of teaching Russian in Hungary: Basic, professional and business training: dissertation of doctor of pedagogical Sciences].* (Doctoral dissertation, Moscow). (In Russ).
- Bolla K., Pall Je. & Papp F. (1977). *Kurs sovremennogo russkogo yazyka. [A course of modern Russian language].* Budapest. (In Russ).
- Varga E.M. (2012). *Vmesto predisloviya. Rossiiskaya belaya emigratsiya v Vengrii (1920—1940-e gody). [Instead of a Preface. Russian white emigration in Hungary (1920—1940-ies)].* Moscow: PROBEL Publ. (In Russ).
- Vegvari V. (2015). *Kafedra slavyanskoi filologii Pechskogo universiteta (proshloe, nastoyashhee i budushhee). [Department of Slavic Philology of the University of Pecs (past, present and future)]. Jubilee collection of scientific works, dedicated to the 165th anniversary of Russian language teaching* (pp. 50—58). Hungarian: University of Pécs Publ. (In Hung).

- Zoltan A. (2014). *Interlavica. Issledovaniya po mezhszlavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam Interlavica. [Studies mislanski linguistic and cultural contacts]*. Moscow: Institut slavyanovedeniya Publ. (In Russ).
- Krekics J. (1977). *Semanticheskoe vliyanie vnutrennikh i vneshnikh faktorov na leksicheskoe znachenie nachinatel'nykh glagolov s prstavkami za- i po-. [The semantic influence of internal and external factors on lexical meaning nacionalnih verbs with prefixes za -, and po-]*. (Diss. Slavicae, Szeged). (In Hung).
- Lendvai E. (2006). *Pragmalingvistichekii portret russkogo anekdota. [Pragmalinguistic portrait of a Russian joke]*. Pécs. (In Hung).
- Pete I. (1991). *Sintaksis russkogo yazyka dlya vengerskikh studentov-rusistov. [The syntax of the Russian language for Hungarian students-specialists in Russian Philology]*. Budapest. (In Russ).
- Pete I. (2001). *Illustrirovannaya frazeologiya russkogo yazyka. [The illustrated phraseology of the Russian language]*. Szeged. (In Hung).
- Sabov K.A. (1865). *Grammatika pis'mennogo russkogo yazyka. [The grammar of the written Russian language]*. Uzhgorod. (In Russ).
- Svak D., Biro Z., Szilagyi A., Choba L. & Krausz T. (1993). *El'cinszhchina. [Eltinschina]*. Budapest: Tsentr rusistiki Publ. (In Russ).
- Tatar B. (1992). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. [Phraseology of modern Russian language]*. Budapest. (In Russ).
- Fedosov V.A. (2005). *Retsenziya. Dvenadtsat' stoletii vengersko-russkikh otnoshenii. [Review. Twelve centuries of Hungarian-Russian relations]*. Retrieved November 25, 2017 from: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?dir=&menu=57&lang=r>
- Fedosov V.A. (2015). *Pervye v Vengrii «Russkie grammatiki» (XIX — nachalo XX v.) [The first Hungarian “Russian grammar” (XIX — beginning of XX century)]*. *Jubilee collection of scientific works, dedicated to the 165th anniversary of Russian language teaching in Hungary*. (pp. 156–179). Pécs. (In Russ).
- Fedosov V.A. (2017). *Sovetsko-vengerskoe sotrudnichestvo v podgotovke prepodavatelei russkogo yazyka dlya Vengrii (v 60–80-e gody XX veka). [Soviet-Hungarian cooperation in the training of teachers of the Russian language in Hungary (in the 60–80-ies of XX century)]*. Retrieved November 17 2017 from: <http://www.russtudies.hu/Aindex.php?dir=&menu=84&lang=h>
- Fedosov V.A. (2015). *Russkii yazyk v Vengrii Nauchnye issledovaniya. [Russian language in Hungary research]*. Budapest: Tolsztoj Társaság — Argumentum Publ. (In Russ).
- Hidasi Judit — Trombitás Endre (2015). *Istorija obuchenija russkomu jazyku na Fakul'tete vneshnej. [The history of teaching the Russian language at the Faculty of foreign trade]*. *Jubilee collection of scientific works, dedicated to the 165th anniversary of Russian language teaching in Hungary* (pp. 184–188). Pécs. (In Russ).
- Jankovics M. (2003). *Russko-vengerskii i vengersko-russkii slovar' abbreviatur i slozhno sokrashhennykh slov. [Russian-Hungarian & Hungarian-Russian dictionary of abbreviations and acronyms of difficult words]*. Szombathely: BDF Publ. (In Hung — In Russ).
- Jaszai L. (1984). *Vidovaya para po otnosheniyu k lekseme. [The aspect pair of the verb in relation to the token]*. *Studia Russica VII*. (pp. 21–34). Budapest. (In Russ).
- Bakonyi István. (2000). *Az orosz nyelv oktatása Magyarországon*. Győr — Budapest. (In Hung).
- Cs. Jónás Erzsébet. (2012). *Kognitív szemantika a fordításban. Orosz kognitív nyelvészet*. *Alkalmazott Nyelvészeti Közlemények*, Miskolc, VI. évfolyam, 1. szám. (In Hung).
- Fenyvesi István. (2001). *Orosz-magyar és magyar-orosz szlengszótár*. Budapest. (In Hung — In Russ).
- Ferenczy Gyula. (1996). *Orosz nyelvtan és nyelvhasználat*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó Publ. (In Hung).

- Fodor Z. (2004). *Delovoi russkii, Kak podgotovit'sja k ekzamenu. [Business Russian, How to prepare for the exam]*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó Publ. (In Hung).
- Fodor Z. (2004). *Delovoi russkii. [Business Russian]*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó Publ. (In Hung).
- Gyáfrás E., Gyurácz A., Kugler K. & Zakonova D. (2015). *Orosz-magyar, magyar-orosz tanulószótár*. Budapest: Grimm Könyvkiadó Publ. (In Hung — in Russ).
- Hamsovszki S. (2015). *Alaptársalgás oroszul A2 — B1 Letölthető hanganyaggal*. Budapest: Lexika Kiadó Publ. (In Hung — in Russ).
- Kiss Kálmán. (2015). Az orosz nyelv az 1945 előtti Magyarországon. Retrieved November 17 2017 from: http://oroszkozpont.pte.hu/sites/oroszkozpont.pte.hu/files/1.ch_sborn.pdf
- Koós M. (2015). *Orosznyelv-oktatás a 80-as években a magyar felsőoktatásban*. Pecs. (pp. 81–84) Retrieved November 26 2017 from: http://oroszkozpont.pte.hu/sites/oroszkozpont.pte.hu/files/1.ch_sborn.pdf
- Mágocsi N. (2016). Kalafatics Zsuzsanna *Társalgás, szituációk, képleírások és hallás utáni szövegértés oroszul*. Budapest: Lexika Kiadó Publ. (In Hung).
- Oszipova I. (2008). *Kulcs 1-2. Orosz nyelvkönyv és munkafüzet*. Budapest: Corvina Kiadó Publ. (In Hung).
- Székely A., Székely N. (2012). *Sag za sagom 1-2. Orosz nyelvkönyv és munkafüzet*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó Publ. (In Hung).
- Székely G. (2001) *A lexikai fokozás*. Budapest: Scholastica Publ. (In Hung).
- Trombitás E. (2016). *Orosz üzleti nyelv*. Budapest: Lucidus Kiadó Publ. (In Hung).
- Zoltán A. (2005). *Szavak, szólások, szövegek Nyelvészeti és filológiai tanulmányok*. Budapest: Lucidus Kiadó Publ. (In Hung).
- Vujovits Inessza-Dancz P. (2004). “*Jeto nado znat*” *Orosz nyelvtani gyakorlókönyv*. Budapest: Nemzeti tankönyvkiadó Publ. (In Russ).

Article history:

Received: 15.10.2017

Accepted: 27.12.2017

For citation:

Hamsovszki S.A. (2018) Russian language in Hungary: from past to future. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 7–26. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-7-26

Bio Note:

Hamsovszki Szevetlana Alekseevna, Candidate of Pedagogy, Professor, Faculty of Foreign Trades of Budapest Business School. *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language, testing, psycholinguistics. The author of 40 scientific articles. The President of the Hungarian Association of teachers of Russian language and literature. *Contact information*: hamsovszki.szevetlana@uni-bge.hu

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-27-49

УДК 800

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ РУССКИХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В.И. Аннушкин

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье анализируется национально-культурная специфика и терминология русских филологических дисциплин как своеобразная научная доктрина в разных областях знания, сложившаяся на основе классических теоретических руководств и современных исследований русских ученых-филологов. Русская филология восходит к античным теориям языка и речи, но развитие определенных дисциплин (грамматика, риторика, логика, поэтика) принимала своеобразный культурный облик в творчестве соответствующих авторов, и этот облик существенно отличался от западных руководств. Отношение к авторитетным западным руководствам могло быть трояким: копирование и осмысление, перевод-переработка и собственные дополнения, самостоятельное творчество в создании собственной терминологии и новых теорий языка.

Рассмотрены четыре основополагающих термина, соответствующих четырем научным теориям, которые имеют наибольшее отношение к языковой практике и коммуникации современного общества. Это — собственно филология, словесность, риторика, культура речи. Именно в русской научной традиции сформировалось понимание общей филологии как науки, изучающей правила и законы создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Филология связывает развитие культуры человечества, как с технологией создания речи, так и с совершенствованием смысло-содержательной стороны текста.

Русской научной культуре принадлежит создание термина словесность, изначально понимаемого как дар слова, словесная способность, но оформившегося в фундаментальную теорию, изучающую совокупность всех словесных произведений национальной речевой культуры. Словесность понималась и как наука о слове в широком понимании, и как словесное творчество, искусство слова.

В статье обобщаются сведения о национальной специфике русской риторики, которая, конечно, восходит к античным теориям, однако оформилась в оригинальную научную концепцию, предполагающую следующие смыслы: риторика — 1) фундаментальная наука о законах и правилах построения мысли и речи; 2) учение о целесообразной и эффективной, убедительной и уместной речи; 3) искусство речи (красноречие), основанное на таланте, развитии речевых способностей языковой личности человека.

В русской филологической науке XX века оформилось такое оригинальное направление, как культура речи, первоначально понимавшееся как учение о литературной норме. Современная языковая ситуация требует более широкого толкования как термина культура (сохранение и творческое новаторство в речевой деятельности), так и термина речь, требующего и культуры мысли, и культуры слова, и культуры предложения, фразы, текста в целом, и культуры произношения.

Автор статьи утверждает своеобразие русской национальной научной традиции и это — наилучшее свидетельство национального вклада в развитие мировой научной мысли. Пер-

спективы исследования — в сопоставлении существующей русской национальной концепции филологических наук с иностранными традициями и современным состоянием научной мысли как на Западе, так и на Востоке, где развивается собственное видение и толкование рассмотренных вопросов.

Ключевые слова: филология, текст, культура, язык, речь, слово, язык образования, словесность, риторика, культура речи, коммуникация, словесное произведение, философия слова

Введение

Заимствуя классическое античное и западно-европейское научное знание, русская научная культура не только сформировала свой собственный взгляд на понимание теоретических дисциплин (филология, грамматика, риторика, поэтика, стилистика), но и создала на их основе новые, с трудом переводимые или даже вовсе непередаваемые на иностранные языки термины и направления научных исследований (словесность, культура речи). Русская научная культура и русский язык, «переимчивый и общежительный» (А.С. Пушкин), могут по-разному проявиться в наших отношениях с авторитетными иностранными культурами и языками. Авторитетными называются так называемые языки образования и науки, которые вследствие развития приобрели наибольшее влияние в своем регионе мира. Так, для европейской культуры в Средневековье это были классические греческий и латинский языки, для славянских народов — церковно-славянский, т.е. языки, на которых писались тексты духовной литературы; но затем такими **авторитетными языками образования** стали французский и немецкий (именно они изучались как «новые языки» в России), сегодня таким языком как вследствие глобалистических тенденций, так и вследствие укрепления англосаксонской культуры и ее американского варианта стал, прежде всего, английский.

Переимчивость русской ментальности в отношении западных авторитетных языков образования и влиятельных научных теорий может проявляться тройным образом:

1) *отрицательно* — в слепом заимствовании и копировании западного научного знания и опыта. Хотя сегодня к этому располагает всемирная тенденция к глобализации, очевидно, что это путь тупиковый. Именно этим путем шла наша перестройка в 90-е годы прошлого века, когда всю проявилась и слабость нашей филологии, призванной обучать людей мыслить и пользоваться словом. Если идеология как самостоятельное мыслительное творчество отсутствует, то слепое копирование и перенесение чужого опыта на родную почву явно ущербно. К сожалению, эта тенденция сохраняется во многих областях и определенных сочинениях русистов, но речь в данной статье не о критике. Естественно, что «отрицательным» опытом не могут быть признаны переводные сочинения, которые, напротив, обогащают отечественную культуру взаимными контактами;

2) *срединный* путь — заимствование и переработка чужого знания, что традиционно для русского научного творчества. Этот путь типичен для русского научного сознания, о чем свидетельствуют переработки авторитетных трудов западноевропейских ученых с тем, когда через добавления и анонимную переработку формировалось новое и лучшее в отечественной науке. Примерами такой переработки может служить подавляющее большинство курсов риторики и сло-

весности, авторы, которых переводили иностранные книги и, по образному выражению академика В.В. Виноградова, «свою заплатку приляпывали», т.е. анонимно дополняли переводимые тексты собственными размышлениями. Таковы:

а) первая русская «Риторика» 1620 года, анонимный перевод краткой латинской «Риторикой» Филиппа Меланхтона, великого учителя Германии, в переработке его ученика Луки Лоссия. Русский дидаскал-писец диктовал, делая самостоятельные вставки сразу же после устного перевода, писцам, записывавшим его речь — этот процесс изучен автором по ранним рукописям «Риторикой» и сопоставлению их с латинским оригиналом Луки Лоссия (Аннушкин 1999). Вторая редакция 1622 года, возможно, того же автора-переводчика, сохранилась в рукописи ГИМ, собр. Шукина, № 918, где он делал новые добавления-пояснения к сложным терминам риторики. Позднее эти маргиналии вошли в текст с припиской «О том же иначе». Этот автор-переводчик первой русской «Риторикой», ошибочно приписанной новгородскому и великолукскому митрополиту Макарию, до сих пор не установлен (см. подробно: Аннушкин 1999);

б) самый выразительный пример такого — одновременно переводческого и самостоятельного — творчества на основе знания лучших европейских и отечественных риторических сочинений своего времени — «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова 1748 года. К сожалению, академическая публикация «Руководства» при филигранной текстологической точности издания стыдливо обошла вопрос происхождения источников ломоносовского труда (Ломоносов 1952: 89—378). Видимо, это было невозможно сделать в 1952 году по чисто идеологическим соображениям. Между тем, этот вопрос был частично разрешен еще академиком М.И. Сухомлиновым, который отмечал заимствования М.В. Ломоносова из латинских риторик французов Коссена и Помея, основателя Лейпцигской школы Иоганна Кристофа Готшеда, латинской «Риторикой» учителя Ломоносова Порфирия Крайского (Ломоносов 1895). Автору статьи удалось выяснить, как перерабатывалась Ломоносовым и «Риторика» Михаила Усачева: основные определения риторики и «средствий приобретения красноречия» творчески переосмыслены М.В. Ломоносовым в синонимических выражениях (см. подробно: Аннушкин 2014: 219—236). В сущности, перед будущим исследователем вырисовывается грандиозная исследовательско-публикаторская задача подготовки нового академического издания «Краткого руководства к риторике» 1744 года и «Краткого руководства к красноречию» 1748 года, которое позволило бы обнаружить все возможные источники творческой ломоносовской мысли. В настоящее время, читая основополагающее сочинение русской науки по риторике и стилистике, не знаем, где в тексте — перевод М.В. Ломоносовым авторитетного западного источника, а где его собственный текст или собственный пример-иллюстрация;

в) о других анонимных заимствованиях с творческими переделками скажем кратко: это и рукописные петровские риторики, и поздние профессорские курсы. Например, «Риторика» Михаила Усачева 1699 года — анализ текста рукописи ГИМ, собр. Шукина, № 803 с указанием имени писца Михаила Усачева показал, что это — перевод с латинского с дополнениями переводчика, но сам писец писал латинские слова с ошибками, поэтому вряд ли был создателем-переводчиком

текста; «Книга всекрасного златословия» Козмы Афоноверского 1710 года — замечательный перевод-переделка на российско-православный лад обрусевшим греком «Златослова» Францискоса Скуфоса с самостоятельными примерами (!) из российской истории; наконец, более поздние сочинения университетской профессуры первой половины XIX века: популярная «Краткая риторика» профессора Московского университета А.Ф. Мерзлякова 1809—1828 годов (самостоятельное толкование — перевод И. Эшенбурга) (Мерзляков 1809—1828), «Чтения о словесности» И.И. Давыдова 1837 года, для которого образцом были сочинения англичанина Г. Блэра, на которые он прямо указывает во вступлении к 4-томному изданию (Давыдов 1837—1843);

3) *положительный* опыт самостоятельного творчества русских ученых, который также многочислен и может быть исчислен выразительными историко-филологическими примерами. Вот они:

а) создание «Словаря академии Российской» 1789—1794 годов под руководством княгини Е.Р. Дашковой, чей 275-летний юбилей отмечается 28 марта 2018 года. Целью Словаря была «чистота русского языка», а в работе над Словарем принимали участие не только словесники, но весь цвет российской науки. Это говорило об осознании обществом значимости самого феномена славенороссийского языка, организующего всю научно-культурную деятельность государства. Борьба же за развитие отечественного языка проявилась не только в фундаментальных описаниях самих терминов *язык — речь — слово* (тема отдельного разговора), но в стремлении к замене иностранной терминологии русской, например, наравне с «риторикой» объяснялось слово «ветийство», но вместо поэтики вводился термин «стихотворение», т.е. наука о создании стихов. Именно авторы Словаря изобрели термин «словесность», который будет анализироваться далее;

б) «Риторика» профессора российской и латинской словесности Царскоевельского лицея Н.Ф. Кошанского, выдержавшая 10 изданий с 1829 по 1849 годы. Именно этому ученому-педагогу принадлежит заслуга литературного воспитания первой блестящей плеяды выпускников Лицея (Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, Горчаков, Пущин и др.), но сочинения Н.Ф. Кошанского, будучи опубликованными совсем недавно, только сегодня начинают по-настоящему осмысляться (Кошанский 2013; Кошанский 2015);

в) 4-томник профессора Одесского Ришельевского лицея К.П. Зеленецкого, включивший труды по риторике, поэтике и истории русской словесности (Зеленецкий 1849). Именно К.П. Зеленецкому принадлежит уникальный труд «Введение в общую филологию» (Зеленецкий 1853), а в 50-е годы XIX века директор Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге И.И. Давыдов на базе учебников К.П. Зеленецкого и Н.Ф. Кошанского создал анонимную «Теорию словесности», ставшую основным «учебником для Российской империи» (Теория словесности 1851—1860).

Таковы классические примеры инициативного творчества выдающихся русских ученых-филологов, которые, очевидно, могут послужить примером их потомкам для вдохновенного и самостоятельного труда.

Далее научно-культурное своеобразие русских филологических дисциплин анализируется в отношении предметов четырех наук: **филологии, словесности,**

риторики и культуры речи с соответствующим разбором эволюции этих терминов в истории нашей науки.

Цель

Цель настоящей статьи — показать национально-культурное своеобразие русских филологических дисциплин, которое базируется на историческом опыте создания ранних авторитетных научных теорий и собственном творчестве выдающихся русских ученых-филологов. Современное состояние и понимание основных российских научных теорий вместе с активными контактами с западной научной мыслью, продолжает оставаться и развиваться относительно самостоятельно. Как для российских коллег, так и для иностранных коллег должен быть значим именно этот национальный опыт, встроенный в развитие мировой научной мысли. В качестве иллюстрации этих положений в статье анализируется специфика четырех научных дисциплин и соответствующих им терминов, которые сложились в самостоятельные научные направления, продолжающие активно развиваться в рамках российской науки и достойные внимания со стороны иностранных коллег. Этими дисциплинами избраны: 1) **филология**, сложившаяся в рамках Московской университетской школы (основатель Ю.В. Рождественский) и понимаемая как учение о правилах культуры создания, передачи, хранения и воспроизведения текстов; 2) **словесность** как научный предмет, сложившийся в российской науке и педагогике в конце XVIII — начале XIX веков и понимаемый как дар слова, совокупность всех словесных произведений национальной речевой культуры; 3) **риторика** как учение об эффективной и целесообразной, подлинно украшенной и уместной речи (современные российские риторики объединены в Российскую ассоциацию исследователей, преподавателей и учителей риторики, отметившей в прошлом году 20-летие своего существования); 4) **культура речи**, первоначально сложившаяся в 1920—1930-е годы как учение о литературной норме и призванная, в основном, утверждать «правильные» варианты литературного языка, однако само понятие культуры призывает рассматривать это понятие более широко, включая в него и этический, и коммуникативный аспекты речевой деятельности.

Методы

Методы исследования в филологической науке рождаются из самого объекта науки. Поскольку объектом науки является текст, то и самое большое внимание должно быть обращено на предшествующие тексты науки с тем, чтобы, проанализировав или языковую политику общества, или взятую языковую ситуацию, или конкретный изучаемый вопрос, высказать новое суждение. **Методологической основой** работы стали принципы современного историко-культурологического, филологического, риторико-критического и стилистического анализа текстов.

Изучаемые в данной статье вопросы потребовали использования следующих методов: 1) *историко-описательный*, состоящий в описании и систематизации положений классической науки, сложившейся как история русской филологии в совокупности реально исследовавшихся и преподававшихся дисциплин в уни-

верситетах и школах России; 2) *метод семантико-смыслового анализа*, позволяющий исследовать содержание рассматриваемого предмета; 3) *метод контекстуального (или контекстологического) анализа*, вскрывающий глубину содержания текста; 4) *метод компонентного анализа*, рассматривающий природу термина через составляющие его семные компоненты; 5) *метод риторической критики*, оценивающий правильность и объективность научного суждения; 6) *сравнительно-сопоставительный метод*, позволяющий сопоставить разные точки зрения и отследить эволюцию научных суждений; 7) *метод наблюдения*, позволяющий по образному выражению Н.М. Шанского, рассмотреть текст «под лингвистическим микроскопом» (Шанский 1990: 238).

Выводы

Современная отечественная филологическая наука органично встроена в развитие мировой науки. Тенденции неоглобалистики как универсального или преобладающего облика знания какой-либо авторитетной на сегодняшний день научной культуры (например, западноевропейской или американской) вовсе не противоречат возможностям развития национальных наук и культур, а ибо развитие новых информационных технологий, позволяющих накапливать и приумножать научное знание, должно только способствовать гармонии знания национального и ино-национального.

Новое научное знание, его «парадигма» даже в век компьютерных и электронных технологий не может меняться «каждые пять лет», как предписывается в иных современных бюрократических рескриптах. Всякое научное знание опирается на вековые национально-культурные традиции, которые должны изучаться и храниться как «дар, достояние, переданное нам нашими предшественниками» (И.С. Тургенев). В то же время **культурная сохранность** требует от современников активной **творческой новации, интеллектуального новаторства**, без которых в научно-педагогическом сообществе начинаются застой и стагнация. **Культурное творческое новаторство**, вдохновляемое «светом ушедших умов» (В.В. Виноградов), побуждает и современного ученого-филолога (лингвиста, словесника, ритора, литератора, коммуникативиста) на активное и честное служение отечественной науке.

Изучение филологии и основных обсуждаемых в данной статье наук ясно показывает органические возможности развития российского научного знания.

Обсуждение

1. Филология.

Термин *филология* осмысляется прежде всего этимологически. Филология — учение о Слове, объяснять ли «Слово» через его сакральный смысл — как божественный дар, которым обладает человек, или как текст, речь, выражающую мысль во всех ее проявлениях, или просто как лексему-слово (но для этого у нас есть лексикология и лексикография как науки, изучающие и описывающие слово).

Однако филологи, неслучайно настаивают, что именно наша филология как наука лежит в основании гуманитарного знания. Идея Слова — основная идея

европейской философии и культуры. Этому имеется свидетельство в главном тексте человечества — Священном Писании: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Бог был Слово» (Ион. 1, 1). Именно Словом Господь, который и Сам есть Слово, творит мир, и Слово становится орудием создания мира — в этом проявляется орудность слова. Сотворив человека, Господь вкладывает в уста человека способность нарекать имена предметам внешнего мира. От того, насколько умело человек пользуется словом, зависит и благоденствие его бытия. Идея сотворения мира некоей духовной силой, именуемой «словом», имеется во всех религиях и философиях мира, фиксируемых письменной культурой.

Слово как знак именуется все сущее, получая не только внешнюю форму выражения в звуке или на письме, но и наделяя это выражение смыслом. Поэтому слово (греческий *логос*) — не только внешняя речь, но и мысль, и чувство, и воля. Наделяя все предметы, вещи, понятия смыслом, когнитивная идея слова проявляется во всех формах знания, формируя науки и искусства. В русской *философии слова* эти идеи, видимо, первым высказал В.К. Третьяковский в «Слове о витийстве» (1745), когда писал, что «вся вообще филология» объединяет и «узаконяет все знания, науки, художества» (цит. по: Аннушкин 1999: 161).

В современной науке филология должна быть ясно отделена от языкознания (лингвистики) и литературоведения, поскольку филология не есть конгломерат двух этих научных дисциплин, как часто представляется в нашем учебном процессе. Очевидна историческая последовательность в появлении «словесных наук»: филология возникает в древности, языкознание — наука относительно нового времени. Если объяснять развитие науки в связи с «техническим прогрессом в создании текстов» (Рождественский 1996: 19), то филология — наука, появление которой обосновано созданием письма или письменной речи (текстов), необходимостью комментировать их, систематизировать и предложить правила пользования ими, а языкознание — наука, развитие которой инициировано возможностями печатной речи, прогрессом в языковых контактах различных народов, необходимостью исследовать множество языков и их устройство. Последнее оказывается возможным именно в конце XVIII — начале XIX столетий, поэтому говорить об «истории русского языкознания» в Древней Руси терминологически неверно. Более точно говорить об истории филологии, словесных наук, искусств речи, т.е. об истории реально существовавших научно-педагогических предметов, а ими до XVIII века были грамматика, риторика (витийство), пиитика, логика (диалектика). В наш современный век информационных технологий и массового характера научной продукции имеется с трудом исчислимое количество речевых (коммуникативных) наук.

Каков же предмет филологии? Авторитетные мнения следующие. В статье С.С. Аверинцева «Филология», напечатанной еще в БСЭ и перепечатанной посмертно в собрании сочинений «София — Логос. Словарь», филология определяется как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (Аверинцев 2006: 452). Обратим внимание в данном определении на следующие положения, которые весьма точно показывают позицию автора, справедливо считающегося одним из выдающихся филологов-классиков: 1) здесь не

дается определение филологии как самостоятельной науке, но она рассмотрена как совокупность дисциплин; 2) филология соотносится только с письменными текстами — на взгляд автора настоящей статьи, филология имеет отношение ко всем видам словесных произведений, поэтому «духовная культура человечества», выраженная в слове, должна начинать рассматриваться с устной речи, затем продолжаться письменной речью и печатной литературой, а завершаться (но история человечества еще не закончилась!) текстами массовой и электронной коммуникации; 3) филология имеет отношение не только к духовной, но и к материальной культуре, поскольку словесное творчество тесно связано с технологией создания речи, которая также есть культурное совершенствование — ср. новые электронные средства речевой коммуникации, которые формируют новые виды коммуникации и создают новый тип человека.

Степанов Ю.С. справедливо называет филологией «область гуманитарного знания, имеющую своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — текст» (Степанов 1997: 592). Однако вновь филология характеризуется лишь как «совокупность научных дисциплин и их взаимодействие — как общих: языкознание (главным образом стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология, так и частных, вспомогательных: палеография, текстология, лингвистическая теория текста, теория дискурса, поэтика, риторика и др.». Хотя определен главный объект филологии — текст, филология вновь объясняется как «совокупность дисциплин», куда входят странным образом и история, и семиотика, и культурология — научные дисциплины, предметы которых хотя и имеют отношение к филологии, но достаточно самостоятельны.

Характерно, что Ю.С. Степанов переходит от М.В. Ломоносова сразу к «определяющему для русской филологии *лексикографическому* подходу» со ссылкой на работы Я. Грота «Филологические разыскания» (1873), цикл исследований М.М. Покровского на материале греческого и латинского языков (1891). Русская школа словесных наук, словесности, ставшая аналогом филологии и рассматривавшая теорию языка, теорию речи и теорию изящного слога в единой системе (согласно И.И. Давыдову) в первой половине XIX века, оказалась обойденной или опущенной.

Когда Ю.С. Степанов пишет об основных направлениях в современной филологии, представленными оказываются только частные филологии: а) «традиционное толкование художественных текстов» (на ограничение предмета филологии художественными текстами указал Ю.В. Рождественский на первых страницах «Общей филологии»: «Филологи занялись исключительно поэтическими формами речи» (Рождественский 1996: 19)); б) семиотический подход (от А. Белого до Тартуской школы, представленной работами Ю.М. Лотмана); в) лингвистика текста (С.И. Гин-дин, Т.М. Николаева и др.); г) концептуальный анализ терминов духовной культуры (Н.И. Толстой, Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, Н.Д. Арутюнова — группа «Логический анализ языка»); д) герменевтика с историко-философским уклоном (А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев); е) сопоставительная стилистика (И.Р. Гальперин, А.Д. Швейцер); ж) оригинальное направление, основанное на понятии «языковая личность», представленное работами Ю.Н. Караулова (Степанов 1997:

595). Из перечисленных направлений, пожалуй, лишь Г.О. Винокур, с одной стороны, и школа А.Ф. Лосева, с другой, обсуждают непосредственно термин филология.

Характерен вывод Ю.С. Степанова: «Современная филология стремится к “партикуляризму”, основанному на принципе “каждый язык — как никакой другой”; т.о., в отличие от языкознания, нет “универсальной, или общей, Ф.”, но есть единство разных Ф.» (Степанов 1997: 595). Таким образом, в заключении статьи о филологии ученый приходит к выводу о том, что и предмета-то общей филологии, собственно говоря, никакого нет.

Анализируя национальный взгляд на предмет филологии, невозможно не обратиться к суждениям академика Д.С. Лихачева, высказанным в статье «Об искусстве слова и филологии» (Лихачев 1989: 204–207), где он пишет о том, что в настоящее время количество наук возрастает не только за счет появления новых или их дифференциации, но и за счет возникновения связующих дисциплин. «Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения» (Лихачев 1989: 204). Рассуждение Д.С. Лихачева о связующей роли филологии, тем не менее, не предполагает точного определения самой науки. Возможно, в таком осторожном описании есть рациональное зерно, ибо всякое определение ограничено — не в этом ли секрет дальнейшего пространного и вдохновенного рассуждения Д.С. Лихачева, где природа филологии открывается во всей ее широте?

Будучи «высшей формой гуманитарного знания, соединительной для всех гуманитарных наук» (вновь идея связи), филология необходима, например, историкам для правильного истолкования текста. Но и «лингвистическое понимание текста» недостаточно: «...понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи» (Лихачев 1989: 206). Филология определяется как «связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его “глубинных глубинах” лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом; слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит не только в основе науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура» (Лихачев 1989: 206).

Конечно, в рассуждении Д.С. Лихачева прослеживается классическая философско-религиозная мысль об изначальности Слова, пронизывающего все элементы бытия. Но это скорее то божественное Слово, которое имеется во всем «видимом и невидимом», знаково выражая божественную природу всего сущего. В каких «глубинных глубинах» может быть выражена сущность таких несловесных искусств как живопись, танец или музыка? Природа всякого явления может быть объяснена только средствами языка, или «слова». Всякое искусство знаково и

лишь потому «словесно», что можно только с помощью языка описать то, что выражено звуками музыки, кистью художника, движением танцора.

Несомненна связь филологии с культурой — этой мыслью заканчивается статья Д.С. Лихачева, своеобразный гимн-похвала филологии. «Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур» (Лихачев 1989: 207).

В связи с освоением ценностей современного информационно-культурного пространства находится и обращение к «иным культурам». Заключительный аккорд статьи столь же поэтичен и возвышен, сколь и неопределенен: «Филология оправдывает свое название (“филология” — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам» (Лихачев 1989: 204). Возникает вопрос: что такое словесная культура?

При всей глубине и стилистическом изяществе письма Д.С. Лихачева о филологии приходится сказать, что точного определения филологии в нем не содержится, что, возможно, и не входило в задачу автора, поскольку он предварил свой анализ рассуждением о том, что «ответ на вопрос, что такое филология, может быть дан только путем кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса, по крайней мере, когда филология заняла очень существенное место в культуре гуманистов (возникла она значительно раньше)» (Лихачев 1989: 206).

Впрочем, в истории науки была книга, которую слабо анализируют современные исследователи, пытающиеся уточнить сущность филологии как науки и искусства. Это фундаментальное исследование, выполненное Г.О. Винокуром в курсе «Введение в изучение филологических наук», прочитанном им в 1943—1944 и 1945—1946 учебных годах в МГУ им. М.В. Ломоносова и МПГУ им. В.П. Потемкина (Винокур 2000). Он как раз ставил задачу проследить историю филологии, сопоставить филологию с языкознанием и другими науками, и надо сказать, что его монография насыщена таким «кропотливым историческим исследованием», об отсутствии которого в современных работах позднее писал Д.С. Лихачев. На сегодняшний день это основная книга, где последовательно изложено историческое исследование филологии как явления науки и искусства. Однако вывод Г.О. Винокура разочаровывает: «...филология не есть и никогда не была наукой в собственном смысле этого слова, хотя в ее задачи и входит применение научных данных» (Винокур 2000: 72). При всей широте привлеченного материала это исследование более рассматривает фигуру филолога как «человека читающего», правильно понимающего и объясняющего текст, и менее касается человека как творца словесной культуры, осуществляющего создание, воспроизведение, хранение и передачу последующим поколениям лучших произведений словесности.

Насколько известно, современная западная наука в сущности рассматривает филологию как историческую дисциплину, анализирующую историю и комментирование текста. Поэтому все внимание отдано лингвистике, межкультурной коммуникации, коммуникологии и новым коммуникативным дисциплинам. Между тем, именно в русской науке второй половины XX века появилось весьма перспективное понимание общей филологии как самостоятельной науки о тексте

и его связи с культурной историей человечества. Основатель этого научного направления Ю.В. Рождественский рассматривал текст с технологической стороны его создания в связи со смысловой стороной содержания текста и его последующей жизнью в культуре. Филологическое творчество соединено с анализом текста, принципами его порождения, восприятия, бытования в культуре.

Культура рассматривается Ю.В. Рождественским как «форма коммуникации, принятая в данном обществе или общественной группе» (Рождественский 1999: 3). Форма коммуникации, характерная для данного состояния общества, и отражающая определенный этап развития технического прогресса в создании текстов, диктует развитие всех остальных форм культуры. Методология, предложенная Ю.В. Рождественским, позволяет рассмотреть культурную историю человечества как отражение форм словесности, а именно определенных фактур речи, способов создания, передачи, хранения и воспроизведения текста. Эти культурно значимые тексты отражают все «совокупности достижений людей» (второе определение культуры), проявленные в развитии общественной морали, экономическом прогрессе, разных видах семиотической деятельности (например, в развитии видов искусства), т.е. являются отражением форм коммуникаций, в которых существует общество. Материя и дух при этом таинственным образом переплетены: на духе «почиет материя» (технология речи), но реальное воплощение материи в определенном тексте диктуется духом и идеологией, стилем жизни общества в целом, философско-идеологическими устремлениями создателей текстов. Филология, таким образом, становится основанием общественных и экономических движений, вполне отражая основополагающий тезис европейской духовной культуры о Слове как инструменте творения мира и окружающей действительности.

Подводя итоги рассмотрению взглядов ведущих русских ученых на предмет филологии, следует настаивать на том, что филология как наука имеет вполне определенный предмет, но определение его сталкивается с большими трудностями вследствие едва поддающейся обзору истории филологии и разнообразия взглядов на нее. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что предмет филологии существует, и задача исследователей состоит в том обобщении этих взглядов и выдвижении новых идей в связи с развитием новой информационно-речевой цивилизации.

Большинство ученых полагают, что исходным объектом исследования для филолога является текст. Сам текст есть не что иное, как старинное и классическое слово, если понимать последнее не как единицу языка, а как «реализованный» текст, инструмент общения, орудие мысли и взаимодействия, совокупность осмысленных знаков, передаваемых от одного лица к другому. Сегодня многие классические термины принимают новый облик, что обыкновенно случается, когда человечество начинает жить в новых видах речевого взаимодействия. Именно в этом видится автору причина создания нового термина дискурс, которому приписываются новые свойства и смыслы по сравнению с «устаревшим» текстом, однако очевидно, что это есть развитие прежних смыслов культуры в новой информационно-речевой ситуации.

Автор полагает, что в определениях филологии как науки следует учесть следующие компоненты:

1) **филология — учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений.** Современная филология должна быть адресована ко всем существующим родам и видам словесности развитого информационного общества — от семейно-бытовой речи до речи на электронных носителях (массовая информация, информатика, Интернет, мобильная связь и др.);

2) **филология — наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений).** Филологическое знание показывает, как технологическое развитие фактуры речи влияет на смысл речи, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Сложность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности, как массовая информация, чье появление рождает совершенно новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи;

3) **филология — наука о классификации всех словесных произведений данной национально-речевой культуры.** Предмет филологии — тексты всех существующих родов и видов словесности. Было бы недостаточно представлять ее задачи только в сфере изучения стиля преимущественно художественного текста.

Предмет филологии, согласно Ю.В. Рождественскому, — «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих *культурное* значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» (Рождественский 1990: 113);

4) отношения филологии и языкознания не являются отношениями целого и части. «Для правильного прочтения текстов **филология выделяет языкознание** и науки о речи» (Рождественский 1990: 113). Если предмет филологии — текст, то предмет языкознания — система языка и объяснение фактов языка на разных его уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Филология не «шире» языкознания, а имеет свой собственный предмет изучения, состоящий в обращении к сфере функционирования словесных произведений (текстов) в культуре, к правилам их создания, передачи, воспроизведения и хранения в культуре;

5) поскольку «в произведениях слова выражается весь состав культуры общества, **теоретическая задача филологии — построение научной картины культуры, взятой сквозь призму слова**» (выделено авт. — В.А.). Если речь служит «инструментом общественной организации», то филологическое знание становится «основой компетентного управления обществом» (Волков 2006: 7).

Исторически оптимистичный характер современной общественно-языковой ситуации состоит в возможностях приложения языка в речевой действительности. Основой такого приложения может быть только критерий культуры как творческого сохранения национальной культурной традиции, опоры на прецеденты

деятельности, понятия правильности и нормы, возможности риторически эффективного изобретения и воплощения мысли в языковых (словесных) текстах.

Именно в контексте филологии следует говорить о русском языке, который, по всеобщему согласию, должен объединять общество и вдохновлять на служение истине, добру, подлинной красоте и на совершенствование жизни — все это может быть выражено в реальных текстах, или, как говорили традиционно, в слове. Русский язык объединяет нас не через языковую систему, а через **осмысленные языковые тексты**. Иначе говоря, нас объединяет **филология как учение о культуре, проявленной в текстах**. Культура же несет в себе нравственное начало, идеи добра, истины, красоты. Знаком культуры является та **форма коммуникации**, в которой проявлена культура. Сложность современной ситуации состоит в том, что мы живем в новом информационном обществе с принципиально новыми формами и видами коммуникации, которых человечество не знало ранее. Наша задача — освоить эти новые формы речи с опорой на творческое применение филологического знания.

2. Словесность.

Самостоятельно изобретенное слово в русской научной терминологии — **словесность**. До сих пор оно с трудом переводится на иностранные языки, ибо русская словесность это ни английское *literature*, поскольку словесность шире литературы, ни французское *belles lettres* (еще более узкое понимание только как изящной литературы), ни немецкое *Schrifttum*. Таким образом, в переводах, предлагаемых современными словарями Интернета, русские термины филология, словесность, литература как бы смешиваются для иностранного сознания и не имеют принципиального различия. Однако для русского научного сознания это различие принципиально.

Как было сказано ранее, слово *словесность* впервые засвидетельствовано в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 годах, где оно означает 1) «знание, касающееся до словесных наук» и 2) «способность говорить, выражать» (Т. V, с. 536). Любопытно, что здесь это еще не наука, однако именно определения Словаря создали предпосылки для рождения и утверждения *словесности* как одного из ведущих терминов русской филологической науки.

Термин словесность, можно сказать, «ворвался» в русскую науку в самые первые годы царствования Александра Благословенного, когда было создано Вольное общества любителей словесности, наук и художеств 15 июля 1801 года. Над введением и распространением этого слова, безусловно, потрудился Н.М. Карамзин, с 1798 года издававший журнал «Пантеон иностранной словесности» и произнесший похвальную речь о словесности в Российской академии в 1817 году. С 1806 по 1813 годы ежегодно выходят учебники словесности, появляются периодические издания «Журнал российской **словесности**» Н. Брусилова (1805), «Любитель **словесности**» Н. Остолопова (1806).

В первой половине XIX века слово *словесность* стало основным термином, аккумулирующим все филологические науки; во второй половине века оформилось в «теорию и историю словесности», однако уже к концу века объявлено термином «обиходным», согласно Словарю Брокгауза и Эфрона. После революции

1917 года **словесность** выведена из состава преподавания, но сегодня, как видим, этот термин вновь воссоздается (ср. хотя бы создание Общества русской словесности в прошлом 2016 году), однако утвердить его научное содержание удастся с трудом. История слова словесность описана в соответствующей статье (Аннушкин 2013: 16—27). Она чрезвычайно характерна для русского научного менталитета.

Уточним современные определения словесности со ссылкой на фундаментальный учебник А.И. Горшкова, где словесности даются, по крайней мере, три определения.

«**Словесность** прежде всего можно определить как **словесное творчество, словесное искусство**.

Далее **словесность** выступает как все, что составлено, создано из слов, как **совокупность всех словесных произведений** какого-либо народа — книжных (литература) и устных народных (фольклор)....

Наконец, **словесность** — это **словесные науки**, «все, что относится к изучению здравого суждения, правильного и изящного выражения» (В.И. Даль). **Словесность** как наука (или совокупность наук), учебная дисциплина и предмет школьного преподавания может пониматься с различной степенью широты. В широком смысле **словесность** — филологические науки в их современном составе, объеме и соотношении (лингвистика, стилистика, литературоведение и др.). В более узком смысле **словесность** можно соотнести с филологией в том виде, в каком она пребывала до резкого разграничения и даже противопоставления языкознания и литературоведения» (Горшков 1994: 9—10).

Анализ современного содержания термина *словесность* и перспектив изучения словесности как научной и педагогической дисциплины требует сделать следующие замечания:

1) словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. Поэтому словесность объяснялась в классических русских учебниках как природный дар, которым человек отличен от других одушевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нем образ Божий;

2) словесность — это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Филология ставит вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов;

3) словесность — искусство создания словесных произведений. Словесность как искусство речи предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений;

4) современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности — классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества. Теория словесности должна восстановить в правах такие незаслуженно забытые для изучения и обучения виды словесности, как ораторика (публичная речь), деловая проза, письма, показать современному учащемуся разницу между художественной и научной литературой, выяснить специфику и роль средств массовой информации, наконец, оптимально представить современную разговорно-бытовую речь и правила этикета;

5) предмет «словесность» имеет большее право, чем «литература», на то, чтобы быть изучаемым в вузе и школе. Не отрицая значения художественной словесности, необходимо обратить учащихся ко всему богатству речевой действительности. Построение основ современной школьной теории словесности — задача искусного методиста и авторов будущих учебников теории словесности. При этом создатели профессиональных учебников словесности должны давать вначале общие основы и правила словесности, а затем переходить к частным правилам и особенностям создания того вида профессиональной словесности, к которой имеют отношение данные учащиеся (политологи, предприниматели, юристы, педагоги, военные и др.);

6) должен быть кардинально пересмотрен курс *истории русской словесности*, который необходимо восстанавливать и расширять, предусматривая изучение не только «понятной и занимательной» беллетристики, но и Священного Писания как главного культуuroобразующего текста, жанров письменности, в том числе деловой, учебной и научной литературы, жанров ораторской прозы и др. Здесь встанут две проблемы: 1) корректность отбора культурно значимых текстов и 2) подготовка преподавателя-словесника (особенно школьного), знающего и способного комментировать этот состав текстов;

7) в настоящее время в вузах и школах изучается курс истории русской литературы, но, строго говоря, необходимо бы изучать историю русской словесности, понимая под словесностью не только художественную литературу (облегченную для понимания «беллетристику»), но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени. Пока эта действительность предстает в эстетической или художественной упаковке, а необходимо представить ее во всем разнообразии форм и жанров речи. Такова, на взгляд автора, требуемая реформа в отборе материала для преподавания словесности XVII—XVIII веков, где сохранился состав авторов, изучавшихся в дореволюционной гимназии, но отсутствуют важные культуuroобразующие тексты, значительно более понятные и выразительные для восприятия учащихся.

3. Риторика.

Можно ли говорить о национальном своеобразии в понимании русской риторики, если сама наука берет начало из «античной колыбели», а наши связи с европейской наукой тесны и неразрывны? Безусловно. Утвердить это мнение позволяют наши контакты с европейскими коллегами из Международного общества истории риторики (International Society for the History of Rhetoric) и Европейского Риторического общества (Rhetoric Society of Europe). Эти организации проводят биеннале (ежедвугодичные конференции), развивая научные связи не только с европейскими коллегами, но с коллегами других континентов. Представляется особенно важным распространение сведений как об истории русской риторики, связанной тесным образом с историей русского общества, так и современные российские изыскания в области риторики, которые, в основном, направляются Российской ассоциацией исследователей, преподавателей и учителей риторики.

История русской риторики и словесности непосредственно связана с русской общественно-политической историей. Она может быть поделена на следующие периоды, фиксирующие единый общественно-идеологический стиль жизни:

1615/20 — 1690/95 годы — допетровская Русь в начале царствования Романовых, когда наиболее популярной является первая русская Риторика 1620 года, изучаемая в тривиуме свободных «мудростей»;

1690/95 — 1745/50 годы — петровский период и стиль, предложенный руководствами конца XVII — первого десятилетия XVIII веков (С. Лихуд, М. Усачев, А. Белобочкий, С. Яворский, Козма Афоноверский, старообрядческая Выголексинская школа);

1745/50 — 1790/1800 годы — ломоносовский период с безусловным господством руководств великого ученого, стиля русского классицизма (многое не изучено, например, латинские руководства);

1790/1800 — 1850/60 годы — расцвет русской ученой риторики с постепенным становлением науки словесности, охватывающей в отдельных толкованиях все филологические дисциплины (ср. теории Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, К.П. Зеленецкого);

1850/60 — 1920 годы — период новой теории и истории словесности, становящегося научного языкознания и литературоведения; язык изучается как лингвистическая система, а словесность рассматривается как художественная литература и фольклор; риторика выведена из состава преподавания;

1920 — 1985/90 гг. — советский (коммунистический) период в истории русской риторики и общественной идеологии: в советское время на месте старой риторики был создан ряд дисциплин: культура речи, лингвистика текста, функциональная стилистика, прагматика и др. — при всем положительном, что заключают в себе новые теории, вне учета культурно-исторического опыта риторики их современный потенциал становился ограниченным. Практическое свидетельство тому — слом советской пропагандистской машины, не желавшей основывать свою идеологию на идеях прошлого, отсюда — невозможность творчества и дальнейшего существования.

В современной России **риторика** рассматривается как теория и искусство убедительной и эффективной речи, фундаментальная наука, изучающая объективные законы и правила речевого творчества. Поскольку речь — инструмент управления и организации социальных и производственных процессов, риторика формирует норму и стиль общественной жизни. Классическая античная традиция рассматривала риторику как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель), «искусство хорошо (достойно) и украшено говорить» (*ars bene et ornate dicendi* — Квинтилиан). В русской традиции риторика определяется как «учение о красноречии» (М.В. Ломоносов), «наука изобретать, располагать и выражать мысли» (Н.Ф. Кошанский), предметом которой является «речь» (К.П. Зеленецкий).

В определения современной риторики представляется необходимым включить следующие положения:

1) риторика — научная **теория речи**: в теории исследуются законы и правила построения всех видов речи современного информационного общества, а владе-

ние искусством предполагает определенные умения, техническую «выучку», практическую «ловкость» извлекать нужные мысли и выражать их в уместных словах в разных ситуациях общения. Данная дефиниция восходит к классическому определению риторики К.П. Зеленецким: «предмет риторики есть речь» (Зеленецкий 1851: 1);

2) риторика — **искусство мыслить и выражать свою философско-профессиональную позицию в слове**. Обучение в риторике искусству речи не есть только обучение говорению (например, в публичной речи), оно всегда предполагало одновременное обучение **мыслить** (и мыслить **нравственно**), формировать мировоззрение, получать знания и выражать свою жизненную позицию в слове. Отсюда особая серьезность риторики как реального мыслеречевого творчества, выражающего позицию каждого человека в жизни. В сущности, цель профессиональной деятельности каждого ратора — защита своей философско-нравственной и профессиональной позиции, организация людей и общества в целях достижения своей идеи. Основой риторики всегда были *философия, этика, образованность* — вне духовно-нравственной и интеллектуальной основы невозможно представить современные методики преподавания риторики или иных многочисленных речевых технологий;

3) риторика — **теория и практика совершенной речи**: убедительной и эффективной, целесообразной и уместной, подлинно украшенной и др. В определениях риторики обычно ищут точные эпитеты для образцовых качеств речи, поэтому риторику называют наукой об убедительной, украшенной (в классических трудах), целесообразной, эффективной, действенной, гармонизирующей речи (в современных теориях риторики). Качества речи называются также в учении о стиле, где в русской традиции обычно называются ясность, правильность, точность, чистота, логичность, образность, краткость, благопристойность и некоторые др. Ни одно из указанных качеств не исчерпывает представлений о речевом идеале, но их совокупность позволяет назвать риторику учением о *совершенной* речи. Совершенство речи связано с имеющимися в общественном и личном сознании речевыми идеалами, образцами речи, стилистическими предпочтениями.

4. Культура речи.

Вне всякого сомнения, абсолютно своеобразным феноменом является отрасль филологической науки, сформировавшаяся в советское время под именем «культуры речи». Это терминологическое сочетание может только отдаленным образом соответствовать английскому *English standard* как вследствие иных научных традиций, так и иного строения самого языка. Чтобы разобраться в этом национально-культурном своеобразии русского термина, необходимо заглянуть в его историю.

Предмет **культура речи** получает развитие, начиная примерно с 1920-х годов, когда требовалось формировать новую науку, связанную с «живым словом», которое понималось как орудие преобразования нового мира. **Культура речи** — чисто русский феномен, национальный термин, введенный в русскую науку в 1920–1930-е годы Г.О. Винокуром, В.В. Виноградовым, С.И. Ожеговым. Он отсутствует в иностранных филологиях в силу специфичности самих проблем, которые

предлагались к рассмотрению в культуре речи в соответствии с конструкцией самого языка. Культура речи начала пониматься только как учение о литературной норме — впрочем, добавлять в нее идеологическо-содержательные компоненты было опасно, и свидетельством тому прекращение всяких исследований по ораторскому искусству, начиная, по крайней мере, с 1930-х годов. Ограничены нормативной тематикой и большинство современных программ по преподаванию данной дисциплины, введенной ныне во все вузы России. Между тем, для большинства педагогов и учащихся смысл культуры речи, конечно, состоит в развитии культуры языковой личности в целом, формировании образа ратора (говорящего или пишущего) как высококвалифицированного специалиста-речевика.

Чтобы осуществить переход к **культуре речи как учению об эффективной речи общества и личности**, необходимо уяснить, что такое **культура** в отношении к речи и что такое **общественная речь**. Главная идея филологии — устройство жизни и совершенствование человека через язык. Язык никогда не был средством механических умственных операций, анализ любой проблемы для филолога превращается в перспективное видение приложения языка к его практическому применению.

Современная культура речи уже не может пониматься только как учение о литературной норме, хотя уже определения в Энциклопедическом словаре «Культура русской речи» говорят об этическом компоненте коммуникации (Культура русской речи 2007: 247). На взгляд автора статьи, **современная культура речи** как область теоретической и прикладной русистики должна включить все составляющие компоненты общественно-речевого акта коммуникации, куда входят:

1) **культура организации общественной речи** — то, что в общей филологии названо «внешними правилами словесности» (кто, кому, в каком месте, сколько времени, по каким каналам коммуникации, о какой теме и др. будет говорить или писать). Искусство организации речи, например, любого общественного или научного собрания начинается именно с продумывания и подготовки этих «внешних факторов»;

2) **культура общественной мысли**, или состава идей, которые выражаются в речевой практике и утверждаются в сознании общества. Именно культура мысли и ее воспитание создают атмосферу общественного «единомыслия» и благоденствия. Науки о речи при решении теоретических и педагогических задач требуют: а) обращения к нравственной философии, говорящей о «непреложности нравственного закона»; б) обучения культуре аргументации, использованию различных приемов развития и распространения мысли;

3) **культура слова (выбор лексики)**, ибо мысль воплощается в слове (понимаемом как речь, словесная способность человека), а слово есть мысль воплощенная. Богатство и выразительность, красота словесного выражения либо наличествуют, либо их нет в создаваемых текстах, и странно, что о «красоте как стиле жизни» часто говорят только глянцево-журнальные, будто эта категория не может быть соотносима с современными формами «красноречия»;

4) **культура синтаксического развертывания речи**, предполагающая искусство сопряжения и распространения слов в предложении, фразе, периоде, целом тексте. В ней всегда сталкивались две тенденции: простоты (краткости, «суровости», прозрачности) и усложненности (распространенности, услаждающей широты,

изящной затемненности стиля, когда требуется интеллектуальное усилие и подготовка читателя для того, чтобы воспринять текст);

5) **культура произношения**, о значимости которой сказал в свое время Демосфен: в речи «главное — произношение, произношение и еще раз произношение», правда, произношение (*pronuntiatio*) включало в себя не только «глас», но и «действие», т.е. телодвижение. В культуре произношения требуется обратить внимание на стиль произношения, создаваемый делением речи на такты, паузацией, интонационной выразительностью, дикционной ясностью, тембровым богатством голоса, звучностью, ритмом и темпом (ср. «пулеметность» речи у иных наших телеведущих).

Заключение. Итак, **качество общественно-речевых коммуникаций** (именно оно есть предмет филологии как искусства) есть отражение: а) **идей**, характеризующих современное бытие (изобретение мыслей-идей — главный предмет риторической практики); б) **эмоций**, ибо эмоциональная атмосфера в обществе является следствием эмоций, рожденных речью, и управление ими — особый, слабо разработанный раздел риторики как науки и практики общения; в) **воли** (очевидно, что общественная воля как совокупный настрой на будущие преобразования рождается из атмосферы, в которой осуществляется речевая деятельность); г) **культуры** как совокупности нравственных, социальных, коммуникативно-речевых и даже материальных ценностей, которые общество призвано сохранять и творчески развивать в условиях нового информационного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С.* Филология / Слово-Логос. Словарь: собрание сочинений. Киев, 2006. С. 452—462.
- Аннушкин В.И.* История слова «словесность» в русском языке / Язык как материал словесности. Сб. науч. ст. к 90-летию профессора А.И. Горшкова. М.: Литературный институт им. А.М. Горького. 2013. С. 16—27.
- Аннушкин В.И.* О творческом освоении М.В. Ломоносовым риторик петровского времени / «Знатным украшением Отечеству послуживший...» Творчество М.В. Ломоносова и культура России Нового времени: сборник. М.: Сибирская Благовонница, 2014. С. 219—236.
- Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М.: Добросвет, 1999. 362 с.
- Горшков А.И.* Основы русской словесности (от слова к словесности). М., 1994.
- Давыдов И.И.* Чтения о словесности. М., 1837—1843. Курсы 1—4. Курс 1. Введение. Язык. Речь. Слог. М., 1837. 259 с.; Курс 2. Ораторская речь или витийство. Философские сочинения. Исторические сочинения. М., 1838. 327 с.; Курс 3. Поэзия лирическая. Поэзия Эпическая. М., 1839. 352 с.; Курс 4. Поэзия драматическая. М., 1843. 292 с.
- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся. I. Общая риторика. II. Частная риторика. III. Пиитика. История русской литературы для учащихся. Одесса, 1849.
- Кошанский Н.Ф.* О преимуществах российского слова. Речь профессора российской и латинской словесности Н.Ф. Кошанского 19 октября 1811 года: учеб. пособие. М.: Форум, 2015. 100 с.
- Кошанский Н.Ф.* Риторика. М.: Русская панорама, 2013. 320 с.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. Академия наук СССР Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2007. 838 с.

- Лихачев Д.С. Об искусстве слова и филологии / О филологии. М., 1989. С. 204—207.
- Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. ПСС. М.; Л., 1952. Т. УП. С. 89—378, 805—839.
- Ломоносов М.В. Сочинения М.В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Т. III. СПб.: Имп. академии наук, 1895.
- Мерзляков А.Ф. Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона. М., 1809. 2, 100 с.; 2-е изд., М., 1817. 4, 115 с.; 3-е изд., М., 1817. 108 с.; 4-е изд., М., 1828. 113 с.
- Рождественский Ю.В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.
- Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Флинта; Наука, 2003. 176 с.
- Степанов Ю.С. Филология / Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. С. 592—596.
- Теория словесности. Курс гимназический (издание анонимное). Год 1-й. Риторика (авторы К.П. Зеленецкий, Н.Ф. Кошанский). Год 2-й. Теория прозы (автор К.П. Зеленецкий.) Год 3-й. Пиитика. Год 4-й. История русской словесности (автор К.П. Зеленецкий.). Издания 1—5 стереотипичные. СПб., 1851—1860.
- Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1990.

© Аннушкин В.И., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.11.2017

Дата принятия к печати: 26.11.2017

Для цитирования:

Аннушкин В.И. О национально-культурном своеобразии русских филологических дисциплин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. С. 27—49. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-27-49

Сведения об авторе:

Аннушкин Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Сфера научных интересов: филология, риторика, стилистика, культура речи, история русской филологии и риторики, преподавание русского языка как иностранного, текстология. Автор более 300 научных публикаций. Контактная информация: vladannushkin@mail.ru

ABOUT NATIONAL-CULTURAL PERFORMANCE OF RUSSIAN PHILOLOGICAL DISCIPLINES

V.I. Annushkin

Pushkin State Russian Language Institute
Ac. Volgin str., 6, Moscow, Russia, 117485

The article analyzes the national-cultural specificity and terminology of Russian philological disciplines as a kind of scientific doctrine in different fields of knowledge, which was formed on the

basis of classical theoretical guidelines and modern studies of Russian philological scientists. Russian philology goes back to ancient theories of language and speech, but the development of specific disciplines (grammar, rhetoric, logic, poetics) took on a peculiar cultural appearance in the creativity of specific authors and this appearance was significantly different from Western guidelines. The attitude to the authoritative Western leadership could be threefold: copying and comprehension, translation and processing and own additions, independent creativity in the creation of own terminology and new theories of language.

Four basic terms are considered, corresponding to the four scientific theories, which are most relevant to the language practice and communication of modern society. This — actually philology, “slovesnost” (literature), rhetoric, the culture of speech. It was in the Russian scientific tradition that an understanding of general philology as a science studying the rules and laws of creation, transmission, storage, reproduction and functioning of verbal products was formed. Philology links the development of the culture of mankind both with the technology of creating speech, and with the improvement of the semantic content of the text.

Russian scientific culture belongs to the creation of the term “slovesnost” (“literature”), originally understood as a gift of speech, verbal ability, but formed into a fundamental theory that studies the totality of all verbal products of the national speech culture. “Slovesnost” was also understood as the science of word in the broadest sense, and as verbal creativity, the art of speech.

The article summarizes information about the national specifics of Russian rhetoric, which, of course, goes back to ancient theories, but it took shape in an original scientific concept that presupposes the following meanings: rhetoric — 1) the fundamental science of laws and rules for constructing thought and speech; 2) the doctrine of expedient and effective, convincing and appropriate speech; 3) the art of speech (eloquence), based on talent, the development of speech abilities of a person’s linguistic personality.

In the Russian philological science of the twentieth century such an original direction took shape, as the culture of speech, originally understood as the teaching of the literary norm. The modern language situation requires a broader interpretation as the term culture (preservation and creative innovation in speech activity), and the term speech, which requires both a culture of thought, and the culture of the word, and the culture of the sentence, the phrase, the text as a whole, and the pronunciation culture.

The author of the article confirms the uniqueness of the Russian national scientific tradition and this is the best evidence of the national contribution to the development of world scientific thought. Prospects for the study are a comparison of the existing Russian national concept of philology with foreign traditions and the current state of scientific thought both in the West and in the East, where one develops his own vision and interpretation of the issues examined.

Key words: philology, text, culture, “slovesnost”, language, speech, word, language of education, literature, rhetoric, speech culture, communication, word work, word philosophy

REFERENCE

- Averintsev S.S. (2006). *Filologiya. Slovo-Logos. Slovar': Sobranie sochinenii [Philology. Word-Logos. Vocabulary: Collected Works]*. Kiev. (In Russ).
- Annushkin V.I. (2013). Istorija slova «slovesnost'» v russkom yazyke. *Yazyk kak material slovesnosti. Sbornik nauchnykh statei k 90-letiyu professora A.I. Gorshkova. [The history of the word “literature” in Russian. Language as a material of literature. Collection of scientific articles for the 90th anniversary of Professor A.I. Gorshkov]*. Moscow: Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo Publ. (In Russ).
- Annushkin V.I. (2014). O tvorcheskome osvoenii M.V. Lomonosovym ritorik petrovskogo vremeni. «Znatnym ukrasheniem Otechestvu posluživshii...» [On the creative development of M.V. Lomonosov’s rhetoric of Peter’s time. “He served as a decoration for the Fatherland...”]. *M.V. Lomonosov creativity and Russia’s culture of modern times: a collection*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ. (In Russ).

- Annushkin V.I. (1999). *Pervaya russkaya «Ritorika» XVII veka. Tekst. Perevod. Issledovanie.* [The first Russian "Rhetoric" of the XVII century. Text. Translation. Study]. Moscow: Dobrosvet Publ. (In Russ).
- Gorshkov A.I. (1994). *Osnovy russkoi slovesnosti (Ot slova k slovesnosti).* [Fundamentals of Russian Literature (From word to word)]. Moscow. (In Russ).
- Davydov I.I. (1837—1843). *Chteniya o slovesnosti.* Moscow. Kursy 1—4. Kurs 1. Vvedenie. Yazyk. Rech'. Slog. Moscow, 1837. 259 p.; Kurs 2. Oratorskaya rech' ili vitiistvo. Filosofskie sochineniya. Istoricheskie sochineniya. Moscow, 1838. 327 p.; Kurs 3. Poeziya liricheskaya. Poeziya Epicheskaya. Moscow, 1839. 352 p.; Kurs 4. Poeziya dramaticheskaya. [Courses 1—4. Course 1. Introduction. Language. Speech. Syllable. Moscow, 1837; Course 2. Oratory or speech. Philosophical writings. Historical works. Moscow, 1838; Course 3. Poetry is lyrical. Poetry Epic. Moscow, 1839; Course 4. Poetry is dramatic. Moscow, 1843]. Moscow. (In Russ).
- Zelenetskii K.P. (1848). Kurs russkoi slovesnosti dlya uchashchikhsya. I. Obshchaya ritorika. II. Chastnaya ritorika. III. Piitika. [The course of Russian literature for students. I. General rhetoric. II. Private rhetoric. III. Piitika]. *The history of Russian literature for students.* Odessa. (In Russ).
- Koshanskii N.F. (2015). *O preimushchestvakh rossiiskogo slova. Rech' professora rossiiskoi i latinskoi slovesnosti N.F. Koshanskogo 19 oktyabrya 1811 goda. Uchebnoe posobie.* [On the advantages of the Russian word. Speech by professor of Russian and Latin literature N.F. Koshanskogo October 19, 1811. Textbook]. Moscow: Forum Publ. (In Russ).
- Koshanskii N.F. (2013). *Ritorika. [Rhetoric].* Moscow: Russkaya panorama Publ. (In Russ).
- Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference]. *Academy of Sciences of the USSR V.V. Vinogradova.* Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Likhachev D.S. (1989). *Ob iskusstve slova i filologii. O filologii.* [On the Art of Words and Philology. About Philology]. Moscow. (In Russ).
- Lomonosov M.V. (1952). *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. PSS.* [A short guide to eloquence. PSS]. Moscow; Leningrad. (In Russ).
- Lomonosov M.V. (1985). *Sochineniya M.V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M.I. Sukhomlinova.* [Compositions M.V. Lomonosov with explanatory notes of Academician M.I. Sukhomlinov]. T. III. Saint Petersburg: Imp. akademii nauk Publ. (In Russ).
- Merzlyakov A.F. *Kratkaya ritorika, ili pravila, otnosyashchiesya ko vsem rodam sochinenii prozaicheskikh. V pol'zu blagorodnykh vospitannikov Universitetskogo pansiona.* Moscow, 1809. 2; second edition. Moscow, 1817. 4; third edition. Moscow, 1817; fourth edition. Moscow, 1828.
- Rozhdestvenskii Yu.V. (1996). *Obshchaya filologiya. [General Philology].* Moscow: Fond «Novoe tysyacheletie» Publ. (In Russ).
- Rozhdestvenskii Yu.V. (2003). *Printsipy sovremennoi ritoriki. [Principles of modern rhetoric].* Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Stepanov Yu.S. (1997). *Filologiya. Russkii yazyk: Entsiklopediya. [Philology. Russian: Encyclopedia].* Moscow. (In Russ).
- Teoriya slovesnosti.* Kurs gimnazicheskii (izdanie anonimnoe). (1851—1860). Saint Petersburg.
- Shanskii N.M. (1990). *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. [Linguistic analysis of literary text].* Moscow. (In Russ).

Article history:

Received: 12.11.2017

Accepted: 26.11.2017

For citation:

Annushkin V.I. (2018) About national-cultural performance of russian philological disciplines. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 27–49. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-27-49

Bio Note:

Annushkin Vladimir Ivanovich, Doctor of Philology, Full Professor of Russian Literature and Intercultural communication of Philological Faculty in Federal State Budget Educational Institution of Higher Education the “Pushkin State Russian Language Institute” (Russia). *Research interests*: philology, rhetoric, stylistics, culture of speech, the history of Russian philology and rhetoric, teaching Russian as a foreign language, textology. Author of more than 300 scientific publications. *Contact information*: g-vinograd@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62

УДК 811.161.1

ПУБЛИЦИСТИКА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ОТ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ К ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

М.В. Иванова

Литературный институт им. А.М. Горького
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104

Н.И. Клушина

МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 9, Москва, Россия, 125009

В статье рассматривается зарождение русской публицистики и ее развитие до наших дней в историко-лингвистическом аспекте. Выделяются три этапа в становлении публицистики. *Первый* — «исторический» — формирование публицистики на стыке литературной и деловой речи как особой формы русского языка, включающей образ автора, ориентирующегося на русский риторический идеал, автор выражает в тексте авторскую позицию и авторскую оценку достоверных фактов, что и становится конституирующими признаками публицистики. *Второй* этап развития публицистики связан с формированием в отечественной науке функциональной стилистики, описавшей и узаконившей систему функциональных стилей русского языка. Эта система включала пять равноправных ф-стилей, среди которых публицистический стиль определялся через систему публицистических жанров, а основными чертами стиля были признаны *социальная оценочность, авторская позиция, образ автора-журналиста и его типология, структурный блок «адресант/адресат», идеологема* и др. *Третий* этап — новейшее время, когда под влиянием экстралингвистических факторов (особенно Интернета) публицистика трансформируется, приспособляясь к новой медиакультуре. Трансформации затрагивают как жанровую систему публицистического стиля, так и конституирующие признаки всей публицистики. Формируется особый интернет-стиль, основу которого составляет особый тип текста — медиатекст.

Ключевые слова: публицистика, журналистика, норма, узус, история русского литературного языка, медиатекст, функциональная стилистика, интернет-стилистика

Введение

Истоки русской публицистики находятся в древнерусской литературе. Но ни самого понятия публицистики и публицистического стиля, ни самостоятельных жанровых форм не существовало. Тем не менее были созданы предпосылки для формирования публицистики как особой формы речи.

Становление публицистического стиля как самостоятельного функционального стиля приходится на советский период, когда в отечественной лингвистике сложилась устойчивая концепция функциональной стилистики. Изучением функ-

циональных стилей занимались многие известные ученые, но только после широко известной дискуссии конца 1950-х годов, инициированной академиком В.В. Виноградовым, были выработаны основные критерии для дифференциации и описания функциональных стилей, которые легли в основу теории функциональных разновидностей русского литературного языка (В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, М.Н. Кожина и др.).

Функциональная стилистика стала вузовской дисциплиной, а на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова была создана «Практическая стилистика русского языка» (Розенталь 1968), удовлетворяющая практические нужды журналистов. Этот предмет до сих пор успешно преподается будущим журналистам. Но появилась необходимость осмыслить развитие публицистического стиля на современном этапе в новых экстралингвистических условиях.

Резкие изменения в социальной жизни (перестройка) и в медийных технологиях (развитие Интернета) привели к существенной трансформации публицистического стиля, который в современной медиалогии все чаще называется массмедийным стилем, или стилем массовой коммуникации. Поэтому весьма **актуальна** представленная в статье периодизация в истории формирования и развития публицистического стиля, который сегодня выдвинулся в центр системы функциональных стилей и является важнейшим объектом для современных лингвистических изысканий.

Цель

Исследование посвящено выявлению важнейших этапов в формировании и развитии публицистического стиля от древнерусской литературы до современной интернет-коммуникации.

Материалы и методы

Для реализации поставленной цели авторы используют классические и традиционные (потому хорошо проверенные и достоверные) методы лингвистического анализа: аналитическое описание, сопоставление, лингвистическое обобщение. Поскольку, выстраивая периодизацию истории публицистики в русском культурном пространстве, то в первую очередь авторы опираются на сравнительно-исторический метод и диахроническое описание развития публицистики, что позволяет обнаружить истоки публицистики в древнерусской словесности, определить узловые моменты в ее развитии, сформулировать ее конституирующие признаки.

Для изучения трансформации публицистики в новейшее время авторами используются методы стилистического анализа и научной интерпретации, позволяющие раскрыть динамические процессы, происходящие в современном медиадискурсе под влиянием экстралингвистических факторов.

Результаты

Авторы статьи выделяют три этапа в становлении публицистики. *Первый* — «исторический» — формирование публицистики на стыке литературной и дело-

вой речи как особой формы русского языка, включающей образ автора, ориентирующегося на русский риторический идеал, автор выражает в тексте авторскую позицию и авторскую оценку достоверных фактов, что и становится конституирующими признаками публицистики. *Второй* этап развития публицистики связан с формированием в отечественной науке функциональной стилистики, описавшей и узаконившей систему функциональных стилей русского языка. Эта система включала пять равноправных ф-стилей, среди которых публицистический стиль определялся через систему публицистических жанров, а основными чертами стиля были признаны *социальная оценочность, авторская позиция, образ автора-журналиста и его типология, структурный блок «адресант/адресат», идеология* и др. (Клушина 2008).

Третий этап — новейшее время, когда под влиянием экстралингвистических факторов (особенно Интернета) публицистика трансформируется, приспосабливаясь к новой медиакультуре. Трансформации затрагивают как жанровую систему публицистического стиля, так и конституирующие признаки всей публицистики. Формируется особый интернет-стиль, основу которого составляет особый тип текста — медиатекст.

Обсуждение

1. Формирование публицистики в истории русского литературного языка

В древнерусский период весьма длительное время дистанция между высокой языковой системой, представленной в сакральных текстах и книжном употреблении, и низкой живой разговорной речью, во-первых, была значительной, во-вторых, контролировалась. В историко-лингвистической науке эту ситуацию принято объяснять тем, что древнерусская книжность была главным образом богослужбной, потому и снижение ее уровня до обыденной речевой грубости влекло за собой греховную ее десаκραлизацию. Активно пользоваться высокой разновидностью употребления языка могли только избранные и хорошо подготовленные и обученные церковные писатели, переводчики, редакторы; только они могли создавать оригинальные тексты. Их адресатом становились миряне, которые читали, перечитывали, слушали эти тексты, но не создавали своих. Другими словами, основное население Древней Руси пользовалось высокой книжностью лишь пассивно (Алексеев 1986; Успенский 1994).

Принято считать, что функции нормы в истории русского литературного языка выполняли авторитетные тексты, в которых были представлены образцы литературного употребления языка; такая стабилизация нормы, основанная на высоком авторитете образцовых текстов, существовала в России не менее шести веков (Алексеев 1987: 37). Известна также традиция обращения к старославянскому языку как эталонному, но основывалась она не столько на его глубоком изучении и знании, сколько на представлениях о нем (Толстой 1988: 147).

Таким образом, кодифицированной нормы не было, был лишь узус как сложившийся обычай языкового употребления. Но все писатели и редакторы старательно его сохраняли.

Кроме того, автор древнерусского текста, хотя и проявлял себя в уничижительных формульных самооценках, в авторских ремарках и комментариях, в указаниях на самого себя в грамматических формах первого лица, делал все это весьма деликатно и скромно, пряча себя за текст (Иванова 2015).

Постепенно в этой сфере литературного употребления языка начинают накапливаться и развиваться такие средства языкового выражения, которые сформировали к XVIII веку и составили основу публицистического стиля.

В жанре жития в каждом оригинальном древнерусском тексте обнаруживаются реальные факты из жизни святого и вполне реалистичный показ исторической действительности с ее общественно-политическими проблемами; именно в Древней Руси появляется новый тип житий — княжеские, в которых героем становится не церковный, а государственный деятель: Чтение о житии Бориса и Глеба, Житие Александра Невского, Дмитрия Донского, Довмонта Псковского и др.; в Житии Стефана Пермского автор текста — Епифаний Премудрый — регулярно указывает на себя и рассказывает о себе; в Житии митрополита Петра, созданного митрополитом Киприаном, выпукло выражена публицистичность: автор открыто рассказывает о своей борьбе с соперниками; публицистическая тенденция в текстах русских житий позволила трансформировать агиографический жанр так, что именно в нем в XVII появляется первая русская художественная автобиография с субъективными, даже грубыми, политически и публицистически полемичными параметрами текста — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.

Вне жанровой системы находятся два древнейших оригинальных (слишком оригинальных, потому и не находящихся жанровой принадлежности) древнерусских литературных памятника — Поучение Владимира Мономаха и Моление Даниила Заточника, в которых выраженная авторская субъективация укрепляет публицистичность.

Русские хождения, содержащие описание святых мест, постепенно становятся занимательными рассказами о сложной судьбе путешественника и трудностях путешествий. Образ автора ярко предстает в Хождении игумена Даниила, в Хождении за три моря и др.

Уникальные с точки зрения жанровой специфики древнерусские погодные записи компилятивного характера — древнерусские летописи, являясь достоверными источниками исторических событий, пронизаны авторскими замечаниями, комментариями, оценками.

Выражена публицистичность в посланиях Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, в письмах Ивана Грозного и Андрея Курбского, написанных в условиях идеологической и политической борьбы XV—XVI веков.

Сфера употребления делового языка Киевской Руси ограничивалась грамотами, монастырскими уставами, церковными правилами и гражданскими законами. Но к XVI—XVII векам деловой язык расширяет свои функции и сближается с литературным языком. Много колоритных черт и ярких картин русского быта в сборнике постановлений Церковного Собора 1551 года — Стоглаве; политическим трактатом и публицистическим произведением можно считать написанные в форме делового документа челобитные Ивана Пересветова; популярным и весь-

ма занимательным чтением становится свод правил по домостроительству — Домострой; разнообразны по содержанию и по содержащейся в них информации служебные деловые документы — статейные списки (отчеты) русских послов.

Так, расширяя свои функции и захватывая в свою компетенцию самые разнообразные сферы жизни, приобретая публицистические черты, деловой язык включается в литературную сферу.

На основе сложного соединения художественного стиля и делового языка формируется русская публицистика. Такая многокомпонентная историческая основа русского публицистического стиля заложила бесконечные возможности для разнообразного жанрового воплощения публицистических текстов и непрерывного развития языка русских СМИ (Иванова 2007).

С указом Петра I от 1702 года о надлежании печатать куранты и с появлением первой русской газеты «Ведомости» начинается отечественная журналистика. За почти 300 лет своего существования в газетном, журнальном, радио и телевизионном вариантах русская журналистика и публицистика пропагандировала передовые идеи, культуру и просвещение, боролась за справедливость, отстаивала общественные интересы, проповедовала идеи гуманизма и демократии, труда и свободы, всегда обращалась к судьбе человека. И все это время публицистикой и журналистикой занимались «избранные» — одаренные, образованные и специально подготовленные люди.

Еще полвека назад специальность «журналист» была штучной, уникальной. В отношении литературного языкового употребления и речевой композиции тексты русских журналистов, журналистов-пропагандистов, журналистов-аналитиков, политических обозревателей и публицистов можно считать идеальными, выверенными с позиций нормы. Адресатом отечественной журналистики и публицистики была мыслящая интеллигенция, в XX веке — весь народ. И все это напоминало литературно-языковую ситуацию средневековой Руси (и в отношении авторов, и в отношении следования их литературной норме, теперь уже установленной и кодифицированной, и в отношении адресата).

2. Публицистический стиль в системе функциональных стилей современного русского языка

В 60-е годы XX века история русского языка ознаменовалась становлением стройной научной концепции функциональной стилистики, в которой публицистическому стилю было отведено достойное место среди других функциональных вариантов русского языка — научного, официально-делового, литературно-художественного и разговорного.

Стили стали различать на основании реализуемой ими *функции языка* (информативная, коммуникативная и воздействующая). Основная функция публицистического стиля — *воздействующая*, научного и официально-делового — *информативная*, разговорный стиль реализует функцию *общения*, т.е. *коммуникативную* функцию языка, а литературно-художественный — особую, *эстетическую* функцию языка.

По типу отражаемой действительности разговорный, научный, публицистический и официально-деловой стили противостоят литературно-художественно-

му, поскольку отражают окружающую реальность. Стиль художественной литературы отражает эстетически преобразованную действительность, т.е. формирует «вторичную» реальность. Выстроенная система функциональных стилей позволяла нормировать литературный язык, что придавало стройность и устойчивость общественной речевой практике.

Но стилевая система литературного русского языка не является статичной, она развивается, усложняется, дифференцируется с развитием литературного языка в целом. Поэтому современные исследователи дополняют сложившуюся в классической русской стилистике типологию стилей новыми функциональными разновидностями: религиозно-проповеднический, политический, рекламный стили. Но этот вопрос остается дискуссионным. Значительным трансформациям подвергся публицистический стиль, который в современной стилистике понимает как стиль массовой коммуникации.

Поскольку цель авторского исследования состоит в изучении публицистики (в том числе публицистического стиля) в диахроническом аспекте, то отметим, что публицистический стиль, по сравнению с другими функциональными стилями русского литературного языка, претерпел самые значительные изменения. Даже сам термин отражает различные этапы научного осмысления данного стиля. Первоначально в классической функциональной стилистике он назывался *газетно-публицистический функциональный стиль*, поскольку в этой номинации отражалась ведущая роль газеты среди других средств массовой информации. Развитие телевидения и радиовещания привели к корректировке термина — *публицистический стиль*. Дальнейшее бурное развитие современного телевидения, формирование новых конвергентных медиа и возрождение на их платформе радио, а затем и технологическая революция, связанная с Интернетом, привели к вытеснению традиционного для функциональной стилистики термина *публицистический стиль* калькой с английского языка — *стиль массмедиа/массмедийный стиль, стиль массовой коммуникации*.

Претерпели изменения и стилевые особенности данного функционального стиля, связанные с историей его формирования и дальнейшим развитием. Публицистический стиль, как он осмысливается в функциональной стилистике, формировался в тесной связи с литературно-художественным стилем (или в недрах изящной словесности) и наследовал от него образность, экспрессивность, эмоциональность, авторский стиль и другие стилевые черты, которые долгое время признавались ведущими чертами как литературно-художественного, так и публицистического стиля. Но развитие публицистического стиля привело к формированию в нем двух подстилей — информационного и собственно-публицистического, которые принципиально различаются по своим стилевым особенностям. Информационный подстиль ориентирован на официально-деловой функциональный стиль, ему присущи нейтральная стилистическая тональность, намеренное отсутствие образности, безэмоциональность, фактологичность, демонстративная объективность и безличность. Таким образом, современный публицистический стиль, сформированный под влиянием литературно-художественного стиля, сохраняет с ним тесную связь в рамках собственно-публицистического подстиля, но категорически противоположен ему в информационном

подстиле, тяготеющему к другому стилевому полюсу системы функциональных стилей — официально-деловому стилю. В современной медиалогии эти коренные различия закрепляются новыми терминами: *журналистика новостей* (информационный подстиль) и *журналистика мнений* (собственно-публицистический подстиль).

Каждый подстиль публицистического стиля обладает развитой системой жанров. Традиционно различают информационные жанры (новость, репортаж, интервью, анонс и др.), аналитические жанры (статья, рецензия, комментарий и др.), художественно-публицистические жанры (очерк, эссе, фельетон, памфлет и др.). Информационные жанры лежат в основе бытования информационного подстиля, аналитические и художественно-публицистические — в основе собственно-публицистического подстиля. В постсоветской журналистике устоявшаяся система жанров трансформировалась. Исследователи говорят о смешении жанров, явлении гибридизации, разрушении жанровых границ, транспонировании жанровых форм, появлении новых жанров в СМИ. Тем не менее активное перераспределение жанровых форм происходит все же в границах данного стиля.

Позволяют сохранить единство публицистического стиля и общие его закономерности. Они обусловлены такими конституирующими стиль категориями, как *образ автора, интенция, авторская позиция, идеологема, социальная оценочность, стилистическая тональность, образ адресата* (Клушина 2008). Эксплицитность, открытое проявление этих категорий свойственны текстам собственно публицистического подстиля. Для текстов информационного подстиля характерна имплицитность данных категорий, т.е. их скрытый характер.

Образ автора — это центральное понятие публицистики. В отличие от художественного текста, в котором образ автора и сам автор принципиально не совпадают, образ автора публицистического текста — это и есть сам автор-журналист, создатель текста. Но в то же время, как считает Г.Я. Солганик (Солганик 2010), уникальность авторства в публицистике определяется тем, что за определенным автором-журналистом необходимо видеть человека публичного, являющегося выразителем идей определенного общества в определенный исторический период его развития.

Именно образ автора сохраняет преемственность публицистики с древнерусской словесностью и позволяет определить публицистику как документальную литературу, а также перебросить мостик в новейшую историю публицистики, которая расширила свои границы и стала включать в себя блогжурналистику. Современный автор-блогер и автор-летописец Древней Руси предоставляют читателю свое видение мира и высказывают свою авторскую позицию.

Современный публицистический стиль — самый влиятельный в системе стилей русского литературного языка. Именно в нем зарождаются основные тенденции современной речи, он оказывает сильное воздействие на русский литературный язык в целом. Как пишет Г.Я. Солганик: «Если ранее, в XIX в., понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает газетно-публицистический стиль, шире — язык журналистики, массовой коммуникации (МК). Актуальность мас-

совой коммуникации определяется во многом глубоким общественным интересом к ее содержанию, имеющему отношение ко всем в целом и к каждому в отдельности» (Солганик 2010).

Усложнение и уточнение современной системы функциональных стилей свидетельствует об усложнении и развитии современного русского языка. Наиболее полно литературный русский язык репрезентировался в публицистическом стиле, но с возникновением интернета публицистический стиль подвергся качественным изменениям, что, в свою очередь, неизбежно отражается на состоянии русского языка.

3. Интернет-стиль: эволюция или революция в современном языке?

Под влиянием Интернета формируется современная медиакультура, которая оказывает сильное влияние на все сферы общественной жизни, и на функционирование языка в том числе.

Интернет повлиял на все авторские, жанровые, лингвостилистические параметры медиатекстов.

Коммуникативные роли адресанта и адресата традиционного публицистического текста в интернет-коммуникации приобрели особый характер: адресат интернет-текста — активный участник коммуникации, а не пассивный реципиент, что «оспаривает» уникальность автора как создателя,демиурга своего произведения. Интернет-коммуникация становится принципиально диалогичной, а медиатекст — это не авторский монолог с учетом «гипотезы об адресате», а реплика в диалоге с читателем/читателями, которые могут по-разному интерпретировать прочитанный текст. То есть «классический» компонент публицистики — ярко выраженная *авторская позиция* — в интернет-коммуникации корректируется авторскими позициями адресатов, что нередко приводит к полемике и речевой агрессии, которая противоречит русскому риторическому идеалу, сложившемуся еще в древнерусской словесности.

Трансформировался и образ автора. Автором в глобальной сети теперь может стать самый неподготовленный и безграмотный «пользователь». Публицистику формируют блогеры, которые сегодня все чаще прибегают к манипулятивным стратегиям, сенсационности и скрытой рекламе для увеличения количества подписчиков и лайков, что влияет на их популярность и рейтинг в Сети. Тем не менее эти серьезные отступления от зародившегося еще в древнерусской словесности и складывающегося на протяжении нескольких веков риторического идеала показывают амплитуду языковой моды и языкового вкуса, но не отменяют публицистику как явление не только лингвистическое, но и социальное.

Текст в Интернете — принципиально другой, по сравнению с традиционным классическим текстом: он становится интерактивным, незавершенным, нелинейным, мультимедийным и поликодовым. Эти новые характеристики медиатекста позволяют автору усложнить коммуникацию с адресатом, дают дополнительные возможности выразить свои мысли не только с помощью вербального кода, но и визуального, дополнить языковую игру визуальными и интерактивными компонентами.

Жанровая система дополняется новыми интернет-жанрами: лонгридом, пабликом, твитом, постом и др. Короткий комментарий превращается в самостоятельный сетевой жанр. Появляются макрожанры (форум, блог). Можно говорить о становлении новой жанровой системы, манифестирующей интернет-стиль, который способствует развитию и трансформации публицистического стиля в современных условиях.

И если развитие публицистики от древнерусской словесности до цифровой эпохи было эволюционным, то в информационную эпоху, эпоху Интернета, публицистика демонстрирует революционные изменения, в том числе и в русском литературном языке.

Устно-письменный характер интернет-коммуникации разрушает традиционную стилистику: даже в официальной сфере масс-медиа принято отступать от норм русского литературного языка (Клушина, Иванова 2017). Интернет позволяет передавать информацию в режиме практически реального времени (онлайн), что влияет на качество информационного продукта, создаваемого современным журналистом, в первую очередь обеспокоенного тем, чтобы новость была «свежей», «горячей» и привлекающей внимание читателя. Вопросы грамотности, стилистической оформленности, безупречного соблюдения норм языка в этом случае становятся второстепенными.

Литературные нормы в языке медиа расширяют границы варьирования как под давлением технологий, так и под давлением массового узуса, поскольку СМИ ориентированы на массового адресата и должны быть ему понятны. Поэтому наиболее перспективным авторам представляется понимание нормы в СМИ как расширительной и изучение ее как медийного варианта языковой нормы.

Заключение

Таким образом, в становлении и развитии русской публицистики можно выделить три периода: донаучный (формирование представлений о публицистичности и способах ее выражения в текстах изящной словесности), функционально-стилистический (оформление накопленных знаний в стройную систему функциональных стилей современного русского литературного языка) и современный период интернет-стилистики, в который происходят революционные воздействия на публицистику и на русский литературный язык в целом.

Первоначально вышедшая из «изящной словесности», публицистика не только потеряла в массовой коммуникации «изящность», она отошла даже от «словесности» как искусного творчества. Публицистика зародилась в недрах художественно-публицистического стиля и на протяжении длительного времени сохраняла черты данного стиля — экспрессивность, эмоциональность, образность, идиостиль автора и др. Но уже в конце XX века публицистический функциональный стиль был четко разделен на два подстиля — собственно-публицистический и информационно-публицистический. И если собственно-публицистический подстиль сохраняет некоторую преемственность с литературно-художественным стилем, то информационный подстиль резко ему противопоставит и по всем своим стилевым характеристикам сближается с официально-деловым стилем русского литературного языка.

Революционные для массмедиа интернет-технологии привели к серьезным изменениям в традиционной функциональной стилистике и создали предпосылки для формирования интернет-стилистики как особой области изучения языка и стиля массмедиа. Формирование интернет-стиля происходит на наших глазах и составляет отдельную научную проблему: является ли интернет-стиль самостоятельным функциональным стилем в современной функциональной стилистике или это особый подстиль публицистического стиля? Вопрос можно сформулировать и шире: можно ли выделять в отдельную область интернет-стилистику как самостоятельный раздел стилистики наравне с функциональной стилистикой или интернет-стилистика лишь ее часть? Эти дискуссионные вопросы стоят на повестке дня и требуют специального изучения.

Интернет — особый медиаканал, отличающийся от традиционных медиа, поскольку он не только транслирует информацию, но и преобразует ее согласно своим законам.

Интернет-текст отличается от других типов медиатекстов нелинейностью, гипертекстуальностью, интертекстуальностью и диалогичностью. Специфика Интернета влияет на трансформацию жанрового канона.

Массовый адресат в интернет-коммуникации стратифицируется по интересам и становится не массовым, а коллективным адресатом. То есть массовый адресат в интернет-коммуникации есть совокупность коллективных адресатов, объединенных по темам, по блогерам, чьими подписчиками они являются, по корпоративным сайтам и др.

Автор интернет-текста теряет власть над своим произведением, поскольку адресат может комментировать прочитанное и создавать другую интерпретацию и другой вектор развертывание первичного текста.

Изучение интернет-стилистики имеет широкие перспективы. Под влиянием Интернета традиционная культура вытесняется медиакulturой, что оказывает значительное воздействие на индивидуальное и массовое сознание. Эффекты медиакulturы могут быть как позитивными, так и негативными.

К *позитивным эффектам* авторы относят скорость (быстроту) распространения информации, ее общедоступность для массового адресата, бесцензурность, интерактивность (вовлеченность адресата в интернет-общение), возможность инверсии коммуникативных ролей адресанта и адресата (например, в интернет-комментариях), «обратимость» информации (возможность вернуться к ней через какое-либо время) и др. Но отмеченные позитивные эффекты в критическом осмыслении предстают как *потенциальные угрозы* интернет-коммуникации. К ним авторы относят избыточность информации и ее девальвацию, так как она становится общедоступной и легко добываемой. Акценты смещаются с достоверности, проверенности и качества (и стилистической тоже) на скорость, быстроту, первенство. Эти процессы порождают такие новые феномены интернет-стилистики, как *рейтинг*, *копиастинг*, *репостинг*, которые, в свою очередь, заостряют проблему авторства и плагиата в интернет-пространстве.

Поэтому перед формирующейся сегодня интернет-стилистикой стоит ряд важнейших задач, связанных не только с новой грамотностью, новыми жанрами и другими собственно лингвистическими темами, но и проблемами психолингвистическими, когнитивными и культурологическими.

Финансирование:

Статья написана в рамках гранта РФФИ № 17-04-00032.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.А.* Почему в Древней Руси не было диглоссии / Литературный язык Древней Руси. Л.: Наука, 1986. С. 3—11.
- Алексеев А.А.* Пути стабилизации языковой нормы в России XI—XVI вв. // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 31—45.
- Иванова М.В.* Авторское «я» в Житии Сергия Радонежского // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 109—117.
- Иванова М.В.* Историческая основа формирования публицистического стиля и языка первых русских СМИ / Язык СМИ: от Ломоносова до наших дней. Сб. докладов Междунар. конф. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. С. 77—82.
- Клушина Н.И., Иванова М.В.* Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 121—129.
- Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 242 с.
- Розенталь Д.И.* Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1968. 416 с.
- Солганик Г.Я.* Современная языковая ситуация и тенденции развития литературного языка // Вестник Московского университета им. М.В. Ломоносова. Серия 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 122—134.
- Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

© Иванова М.В., Клушина Н.И., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.11. 2017

Дата принятия к печати: 23.11.2017

Для цитирования:

Иванова М.В., Клушина Н.И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2018. Т. 16. № 1. С. 50—62. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62

Сведения об авторах:

Иванова Мария Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, декан очного факультета Литературного института им. А.М. Горького. *Сфера научных интересов:* теория и история языка, древнерусский язык, диалектология, история русского литературного языка, историческая грамматика, стилистика, язык СМИ. Неоднократно преподавала за рубежом. Автор 130 научных публикаций. *Контактная информация:* g-vinograd@mail.ru

Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов:* стилистика русского языка, медиалингвистика, медиастилистика, язык СМИ. Автор более 150 научных публикаций. Председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов (под эгидой ЮНЕСКО). *Контактная информация:* nklushina@mail.ru

PUBLICISM IN THE COURSE OF THE RUSSIAN LITERATURE LANGUAGE: FROM OLD RUSSIAN LITERATURE TO INTERNET COMMUNICATIONS

M.V. Ivanova

Maxim Gorky Literary Institute
(Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing)
Tverskoy blvd., 25, Moscow, Russia, 123104

N.I. Klushina

Moscow State Lomonosov University
Mohovaja str., 9, Moscow, Russia, 125009

The present article briefly studies the formation of Russian publicism and its development till present day in regards to the historic and linguistic aspect. The author distinguishes three stages in publicism formation. The first stage is “historic”. It represents the formation of publicism at the intersection of literary and business languages as the special form of the Russian language that includes the image of the author who is focused on the Russian rhetoric ideal. The author expresses his position and gives evaluation of established facts and these are constitutive features of publicism. The second stage is connected with the development of functional stylistics in national science. It describes and institutionalises the system of functional styles in the Russian language. This system consists of 5 equal styles. The publicistic style is defined through the system of publicistic genre and its peculiar features are *social evaluativity, author’s position, the image of the author and journalist and his typology, structure block “adressant/addressee”, ideologeme* and so on. The third stage — contemporary times when due to extralinguistic factors (especially the Internet), publicism transforms and adapts to new mediaculture. These transformations affect genre system of publicistic style as well as constitutive features of publicism in general. The author points out the formation of new internet style. The basis of this internet style is a particular type of text — mediatext.

Key words: publicism, journalism, norm, usage, history of the Russian literature language, mediatext, functional stylistics, internet-stylistics

The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 17-04-00032.

REFERENCE

- Alekseev A.A. (1986). Pochemu v Drevnei Rusi ne bylo diglossii. [Why there was no diglossia in Ancient Russia]. *Literaturnyi yazyk Drevnei Rusi. [Literary Language of Ancient Russia]*. 3—11. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ).
- Alekseev A.A. (1987). Puti stabilizatsii yazykovoi normy v Rossii XI—XVI vv. [The ways to stabilize the linguistics norm in Russia throughout XI—XVI centuries]. *Voprosy yazykoznanija. [Questions of Linguistic]*. 2, 31—45. (In Russ).
- Ivanova M.V. (2015). Avtorskoe “ya” v Zhitii Sergiya Radonezhskogo. [Author’s ego in Sergius of Radonezh hagiography]. *Vestnik slavyanskikh kultur. [Bulletin of Slavic Cultures]*. 2(36), 109—117. (In Russ).
- Ivanova M.V. (2007). Istoricheskaya osnova formirovaniya publitsisticheskogo stilya i yazyka pervykh russkikh SMI. [The historic basis for evolvement of publicism style and the first Russian media

- language]. *Yazyk SMI ot Lomonosova do nashikh dnei. [The Language of the Media from Lomonosov to the Present Day]. Proceedings of the International conference.* (pp. 77—82). Moscow: MGU Publ. (In Russ).
- Klushina N.I. & Ivanova M.V. (2017). Transformatsiya mediinykh zhanrov v kommunikativnom prostranstve Interneta. [Transformation of media genres in online communication space]. *Vestnik RFFI: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. [RFFI Bulletin: Humanities and Social Science]*. 3 (88), 121—129. (In Russ).
- Klushina N.I. (2008). *Stilistika publitsisticheskogo teksta. [Stylistics of publicism text]*. Moscow: MediaMir Publ. (In Russ).
- Rozental D.I. (1968). *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. [Practical stylistics of Russian language]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ).
- Solganik G.Ya. (2010). Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya literaturnogo yazyka. [The modern linguistic situation and development trends in literary language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. M.V. Lomonosova. Seriya 10. Zhurnalistika. [Bulletin of Moscow State University. 10. Journalism]*. 5, 122—134. (In Russ).
- Tolstoi N.I. (1988). *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov. [History and structure of Slavonic literary languages]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Uspenskii B.A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka XI—XIX vv. [The digest on the history of the Russian literary language of XI—XIX centuries]*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ).

Article history:

Received: 02.11.2017

Accepted: 23.11.2017

For citation:

Ivanova M.V., Klushina N.I. (2018) Publicism in the course of the Russian literature language: from Old Russian literature to internet communications. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 50—62. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62

Bio Note:

Ivanova Maria Valer'evna, Doctor of Philology, Full Professor, Dean at the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education the “Maxim Gorky Literary Institute” (Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing) (Russia). *Research interests*: theory and history of language, Old Russian language, dialectology, history of Russian literary language, historical grammar, stylistics, language of mass-media. Used to be a visited professor to numerous well-known universities. Author of about 130 scientific publications. *Contact information*: g-vinograd@mail.ru

Klushina Natalia Ivanovna, Doctor of Philology, Full Professor of the Stylistic Chair at the Faculty of Journalism, Moscow State Lomonosov University (Russia). *Research interests*: stylistics of Russian language, medialogistics, mediastylistics, the language of mass-media. Author of more than 150 scientific publications. The Head of Stylistics Commission of the International Slavonic scholars Committee (under the UNESCO egis). *Contact information*: nklushina@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90

УДК 811.1

РИТОРИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНТРАСТА В ТЕКСТЕ БЛОГА: СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ

И.В. Ковтуненко

Южный федеральный университет
Большая Садовая ул., 105/42, Ростов-на-Дону, Россия, 344006

RHETORICAL RELATIONS OF CONTRAST IN THE BLOG TEXT: MARKING MEANS, SEMANTICS, FUNCTIONS

I. V. Kovtunenکو

Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006

В статье анализируются риторические структуры с семантикой контраста и их функции в тексте блога, уделяется особое внимание отношениям контраста на стыке сообщения блогера и реактивных комментариев читателей, связи этих отношений с последующим разворачиванием текста. Риторические отношения контраста трактуются в исследовании как прагматический формат выражения несовместимости между рациональными установками участников виртуального общения при общности испытываемого ими эмоционально-волевого состояния. В рамках виртуального текста блога выделяется модель риторических отношений контраста, включающая в себя обоснование уместности контраста со стороны комментирующего читателя. Репрезентация проблемного положения дел в качестве стимулирующего сообщения предполагает реактивное разъяснение способов разрешения данного положения дел. Риторические отношения контраста в рамках стимулирующего сообщения блогера и реактивного комментирования читателя определяют связность совместно порождаемого виртуального текста, маркируемую посредством противительного союза «но» или самим контекстом общения. Контраст и его обоснование согласовывают модусные сферы блогера и читателя при явном различии в их взглядах на обсуждаемое положение дел. Продемонстрировано, что в блоговом тексте риторические отношения контраста последовательно ассоциируются с выражением несовместимых точек зрения, разделяемых каждым из собеседников. Прагматическая функция противительного союза «но» в данном случае заключается в том, чтобы соотнести выражаемые мнения в асинхронной временной плоскости и, следовательно, способствовать линейному разворачиванию совместно порождаемого текста. Конкретизирована функциональная значимость противительного союза «но» в интеракционном аспекте. Проиллюстрировано, что данный союз выступает в качестве своеобразного сигнала того, что читатель, реализующий реактивный комментарий, возлагает на себя обязательство по поддержанию совместного конструирования контрастных идей, воплощаемых в тексте блога.

Ключевые слова: текст блога, риторические отношения, контраст, противительный союз, текстовая когерентность, модус, диктум

The article analyzes the rhetorical structures with the contrast semantics and their functions in the blog text, special attention is paid to the contrast relations at the nexus of the blogger's message and the readers' reactive commentaries, connection of these relations with the further text deployment. The rhetorical contrast relations are interpreted in the article as the pragmatic format of expressing the incompatibility between the interlocutors' rational settings while having the same emotional and volitional state. Within the frameworks of the blog text we reveal the rhetorical contrast relation model which includes the justification of the contrast appropriateness from commenting readers. The problematic state of affairs representation as the stimulus presupposes the reactive explanation of the state of affairs resolution ways. The rhetorical contrast relations within the frameworks of the blogger's stimulus and the reader's reactive commentary predetermine the coherence of jointly generated virtual text which is marked by the adversative conjunction *but* or be the communicative context itself. The contrast and its reasoning coordinate the blogger and reader's modus spheres with the obvious differences in their views upon the state of affairs under discussion. It is demonstrated that in the blog text the rhetorical contrast relations are associated consistently with the expressing of incompatible points of view shared by the interlocutors. In this case the adversative conjunction *but* pragmatic function is to correlate the views expressed in the asynchronous time plane and, consequently, to contribute to the linear unfolding of jointly generated text. The functional importance of the adversative conjunction *but* is specified in the interactive aspect. It is illustrated that this kind of conjunction functions as a kind of signal that the reader realizing the reactive review undertakes the obligation of maintaining the joint design of the contrasting ideas embodied in the blog text.

Key words: blog text, rhetorical relations contrast, adversative conjunction, textual coherence, modus, dictum

Введение

В текущих лингвистических исследованиях, носящих преимущественно междисциплинарный характер, блоги рассматриваются как «сложные риторические гибриды», которые прослеживают свои дискурсивные истоки в более традиционных и признанных жанрах, таких как дневник, памфлет, редакционная статья, колонка мнений, интернет-каталог (Боженкова, Иванова 2012: 125, Гармашева 2015: 37, Кудряшов, Калашникова 2015(в): 28—29). Блоги как специфическая социальная деятельность являются результатом гармоничного смещения этих жанров, предопределяющим их семантическое, стилистическое и прагматическое своеобразие в сфере виртуального взаимодействия собеседников, относящихся к одной группе по интересам. Эмпирические изыскания демонстрируют, что лингвистические особенности компьютер-опосредованной коммуникации детерминируются целым рядом социальных факторов — синхронным/асинхронным характером взаимодействия собеседников, возможностью оформить сообщение как анонимное и сегментированное, субъективно-личностным характером освещаемой информации, доминированием плюрализма мнений в общении (Гармашева 2010, Кудряшов, Калашникова 2015(б), Макаров 2016).

Блогер задействует виртуальное пространство для отражения текущих мыслей и жизненного опыта, читатели — в целях личностного дополнения (комментирования) исходного сообщения. Блогер обнарудет личностную информацию, нацеленную на ответную реакцию со стороны множественного адресата, согласие/несогласие, дополнение/опровержение исходной информации. Личные записи создаются для массовой аудитории, публикуются в сети Интернет, платформе, которая предполагает широкую огласку и всеобщую доступность. Впоследствии

сообщения блогера модифицируются репликами читателей на интерактивной основе с доминированием эмоционального компонента общения (Максимова 2017, Панина 2017, Сенченко 2015). В результате блог можно рассматривать как гармоничное сочетание личных мыслей, связующих средств, комментариев и даже эссе. Блогосфера — источник личностной информации, дающий представление о разнообразии точек зрения по одной и той же проблеме и представляющий множественные смысловые позиции, исходя из самых различных источников. Блогер и реагирующие читатели взаимно вовлекаются в дискурсивную деятельность на основе общей попытки породить целостный текст, всесторонне освещающий актуальные проблемы и возможности их оптимального разрешения.

Проблемы виртуального функционирования текстов блогосферы системно рассматривались И.А. Кудряшовым и А.А. Калашниковой в аспекте обеспечения альтернативного канала массовой коммуникации (Кудряшов, Калашникова 2015(а)); Бобровой М.Е. и Шпильной Н.Н. с жанровой точки зрения (Боброва, Шпильная 2013); Житеневым А.А. с опорой на способы трансформации виртуального повествования и выявление специфики виртуальных прозаических форм (Житенев 2012) и многими др. Исследовательский акцент делается на дискурсивной специфике интерпретации речевого материала участниками виртуального общения, активации тех или иных грамматических правил в процессе взаимодействия блогера и адресатов его сообщений. Вместе с тем, современные подходы, которые связываются с дискурсивно-прагматическим анализом текстов блогов, в полной мере не задействуют методологию и лингвистико-теоретические концепции, нацеленные на анализ отдельных сегментов стимулирующих и реактивных реплик, устойчивых моделей, которые актуализуются в виртуальном общении при решении неречевых задач. Подобный ракурс языковедческих исследований проливает свет на прагматическую структуру текстов блогов, диапазон смысловых отношений между сообщениями на уровне одного, двух или нескольких речевых ходов.

Изучение риторических отношений и связующих средств в аспекте архитектоники текстов блогов выявляет исследовательскую значимость анализа функциональной организации виртуального взаимодействия собеседников:

1) в терминах формально выражаемых риторических отношений контраста и связующих средств, обеспечивающих эти отношения, с опорой на которые блогер акцентирует внимание потенциальных читателей на определенном фрагменте стимулирующего сообщения, манифестирует свое эмоционально-волевое состояние, коррелирующее с его речевым действием;

2) в аспекте значимых и смысловых отношений между стимулирующим высказыванием и реагирующими сообщениями адресатов, которые, реализуя контактоустанавливающую функцию, явно/неявно маркируют связующие средства, предопределяющие целостность совместно порождаемого текста.

Указанная перспектива изыскания дает оптимальную возможность определить прагматическую специфику риторических отношений контраста, их динамическую природу, которая проявляется на уровне совместно порождаемого целостного виртуального текста. Этим предопределяется актуальность проводимого автором изыскания.

В публикации демонстрируется, что в тексте блогов риторические отношения контраста неизбежно ассоциируются с мнениями, которые выражаются каждым из участников виртуального взаимодействия. Прагматическая нагрузка противительного союза «но» (как связующего средства) состоит в соотнесении манифестируемых точек зрения в единой структурной плоскости и таким образом способствованию тому, что совместно порождаемый виртуальный текст приобретает линейную организацию. Это, в свою очередь, обеспечивает возможности конкретизации функциональной значимости противительного союза «но» с интеракциональных позиций, выявлению того, что данное связующее средство выступает устойчивым сигналом того, что адресат, реализующий реагирующее сообщение, берет на себя обязательства по совместному конструированию выражаемых идей. Противительный союз «но» маркирует признание точки зрения блогера адресатом.

Результаты, полученные в данном изыскании, существенно детализуют актуальные для современной русистики концепции связной манифестации текста блогов на уровне комбинирования пропозиций стимулирующего и реагирующего сообщений в макропропозицию с опорой на определенные риторические отношения, которые предопределяют унифицированный характер совместно порождаемого виртуального текста, функционирующего как когерентный феномен опосредованной интернет-коммуникации. В исследовании разработана методика анализа когезии и когерентности в аспекте риторического семиозиса текста блога, контрастивной конфигурации поверхностных структур этого текста.

Прагматический анализ, предпринятый в публикации, проливает свет на проблематику, связанную с когерентностью, которая частично «внедрена» в смысловое содержание текста блога с опорой на лингвокультурные и коммуникативно-дискурсивные фоновые знания собеседников. В связи с этим риторические отношения контраста проанализированы автором как своеобразные коды в системе лингвокультурных значений, которые устойчиво соотносятся с коммуникативными целями участников виртуального общения. Выводы, достигнутые в данном исследовании, определенным образом уточняют современные представления о том, что текстовая когерентность и целостность достигается через формирование риторических отношений контраста внутри совместно порождаемого виртуального текста.

Цель

Цели исследования — определение прагматической специфики риторических структур с семантикой контраста в текстах блогосферы при явном/контекстуальном маркировании этой семантики, выявление функциональной нагрузки обоснования контраста в реактивной комментарии читателя.

Материалы и методы

Достижение целей, заявленных в публикации, предполагает применение следующих методов исследования, которые актуальны при прагматическом анализе контраста как текстообразующего фактора в речевой деятельности блогера и читателей:

- интерпретативный метод в процессе анализа прагматической специфики средств связности в тексте блога;
- контекстуальный метод — анализ линейной последовательности сегментов виртуального текста;
- метод моделирования риторических структур со значением контраста в аспекте связывания стимулирующего сообщения блогера и реактивных комментариев читателей.

Результаты

Тексты, порождаемые в рамках блогосферы, выявляют риторическую природу, поскольку базируются на речевом взаимодействии между собеседниками, которое системно отражается в коммуникативных целях виртуального текста. Цели предстают стимулами разворачивания любых коммуникативных процессов, которые, следовательно, предстают феноменами риторического порядка. Цель коммуникативного события «привязывается» к типизированному контексту.

Теория риторических структур дает возможность исследовать следующие проблемные узлы текстов блогосферы:

- прагматический и когнитивный анализ специфики текстопорождения;
- выявление смысловой структуры отношений, формируемых между отрезками текста, степени цельности и формальной выраженности данных отношений.

Риторичность текстов блогов предопределяет две конструктивные для авторского изыскания импликации:

- 1) связующие средства на стыке исходного сообщения и реагирующего высказывания — это яркий показатель реализации коммуникативной цели совместно порождаемого виртуального текста;
- 2) текст блогов как отдельного жанра виртуального общения предопределяет доминирование в совместном произведении тех или иных смысловых структур и языковых характеристик.

Понимание структур языка и речи, и прагматических закономерностей их дискурсивного комбинирования рассматривается автором как актуальная проблема многомерного анализа языка как социальной деятельности. Фокусируясь на функционировании языковых и речевых явлений в рамках текстов блогосферы, проводится анализ таких риторических структур, которые оказываются частотными в данном типе текста при решении участниками виртуальной коммуникации неязыковых задач. Авторские наблюдения свидетельствуют, что к подобным структурам относятся прежде всего таковые, которые формируют отношения контраста.

Обсуждение

Коммуникация в рамках блогов носит асинхронный характер, т.е. блогерам и читателям нет необходимости быть «онлайн» с целью динамически обмениваться актуальной информацией (Аннушкин 2016, Шаклеин 2011, Шаклеин, 2013). Другими словами, между инициированным сообщением и реагирующей ответной репликой (комментарием) обнаруживается временной разрыв, во многом предопределяющий сегментированный характер совместно порождаемого текста и, вместе с тем, смысловую целостность этого текста. Адресат, как правило, имеет

возможность реагировать на сообщения блогера и других читателей, которые занесены в архив.

В связи с этим виртуальные тексты проявляют тенденцию к потенциальному расширению: исходное высказывание с течением времени «обрастает» реагирующими сообщениями, которые, в свою очередь, дополняются/уточняются последующими реакциями. Совместный текст, таким образом, приобретает радикально-цепочечную связность, отдельный стимул и реакция формируют контекст сиюминутного взаимодействия собеседников, а поэтому их можно рассматривать в качестве единого речевого произведения (высказывания-текста), поскольку реакция непосредственно вводится связующим средством, предполагает элиминацию уже известной информации.

Теория риторических структур исследует специфику функционирования текста в контексте реального общения (Mann, Matthiessen, Thompson 1992), есть описательный лингвистический подход к широкому кругу явлений, которые связаны с текстовой организацией в аспекте смысловых отношений, устанавливаемых между сегментами текста. Данная теория объясняет прагматическую природу цельности речевого произведения с опорой на иерархические отношения между текстовыми сегментами. Постулируется, что каждый сегмент выполняет определенную смысловую функцию, связываясь с последующим сегментом.

Текстовая когерентность («дискурсивные отношения») определяется отношениями внутри речевого произведения, предполагает выявление интенционального использования отдельно взятого сегмента текста. Иерархия этих сегментов, в свою очередь, предполагает их соотношение на основе таких понятий, как «ядерность» и «разновидность смысловых отношений». Предлагается принцип композициональности: два текстовых сегмента связываются риторическими отношениями, которые проявляются между двумя существенными компонентами — ядром и его дочерними отношениями. В качестве конструктивной трактуется и обратная закономерность: в процессе выстраивания схемы риторической структуры текста дискурсивные отношения между двумя его важными сегментами возникают, если данные отношения прослеживаются внутри этих двух сегментов (Marcu 1996).

В анализируемой теории также прослеживается то, что лежит в основе организации иерархической структуры текста в процессе создания его когерентности, манифестируют ли связываемые текстовые сегменты цельное пропозициональное содержание. Источником когерентности текста, его целостного разворачивания выступает намерение говорящего субъекта оказать должное воздействие на адресата. Смысловые отношения и иерархия этих отношений между сегментами формируют риторические структуры текста, моделируют его когерентный характер.

Риторические отношения между текстовыми сегментами выявляют скрытое намерение субъекта речи, получают явное/неявное маркирование в речевом произведении. В этой связи активно обсуждается проблема актуализации данных отношений в когнитивной сфере собеседников (или же они предстают продуктом умозрительных заключений исследователя, анализирующего текст?). Риторические отношения и формирование когерентного характера текста оказываются феноменами когнитивного порядка, вследствие этого тракуются в качестве ког-

нитивных механизмов, к которым обращается субъект речи в целях связывания двух отрезков текста; адресат же распознает риторические отношения и когерентность данных отрезков в акте интерпретации текста.

Анализируя специфику интерпретации риторических отношений контраста, осуществляемую собеседниками, а также функции контраста в процессе совместного порождения виртуального текста, автор трактует их как прагматическую реализацию намерения реагирующего лица вовлечь большее количество собеседников в совместно порождаемый виртуальный текст, в том числе, вызвать ответную реакцию самого блогера. В рамках блогосферы создаются условия для эмоционально-личностной интерпретации обсуждаемой проблемы, исходя из самых разнообразных источников информации (Салихова 2011, Тарасенко 2012, Шмаков 2011). При элиминации известной информации контраст моделируется либо как эксплицитно выражаемая пропозиция, либо как контекстуально выводимый из смыслового содержания реагирующего сообщения (т.е. при отсутствии эксплицитных маркеров рассматриваемых отношений).

Ср. (здесь и далее для удобства сообщения блогера и реагирующих собеседников представляются в форме диалогических реплик):

«— (1) *Мне очень хочется пожаловаться... Детей у меня нет, потому что ... муж не способен их иметь. Вместо того, чтобы меня содержать, содержу мужа я... И еще, я ужасно выгляжу... Я ничего не успеваю... Господи, что у меня за жизнь? Почему я выбрала этого человека?.. Просто какое-то безвыходное положение.*

— (2) *Но имущественные потери в семейной жизни являются неизбежными.*

— (3) *Но Вы просто боитесь его бросить, жалеете, на самом деле некого жалеть...*

— (4) *Вы просто для себя решите: Вы замуж вышли, или усыновили? Нельзя быть Савраской, тянущей воз. Купите себе косметику и вещи*

— (5) *Как же Вы себя не цените! Зачем Вам такой муж, который паразитирует на Вас? Ему комфортно, все устраивает как есть, он не будет меняться ибо незачем. Таких людей постоянно надо пинать в светлое будущее, оно Вас надо?» (Живой журнал).*

Исходные высказывания блогера, тридцатисемилетней женщины, содержат пропозиции (1), которые порождают реактивное несогласие, по крайней мере, пяти (из ста тридцати пяти) читателей-собеседников. Основой данного несогласия выступают прежде всего жизненные установки блогера. Реагирующие высказывания (2)—(5) формируют смысловую оппозицию по отношению к стимулирующему сообщению.

В высказываниях (2)—(3) риторические отношения контраста маркируются явным образом посредством противительного союза «но»; в (4)—(5) контраст представлен формально, при отсутствии соответствующих маркеров. В рамках совместно порождаемого виртуального текста реагирующие высказывания противопоставляются стимулирующему сообщению не только в структурном плане (с опорой на маркер противительности), но и с точки зрения усиления эмотивно-оценочного компонента значения. В стимулирующем сообщении (1) превалирует модусный компонент, который манифестирует эмоционально-волевое состояние блогера в момент порождения сообщения. *Модус* — это факты аксиологического измерения виртуального общения собеседников (Гаврилова 2015: 47,

Шаклеин, Боженкова 2006: 204, Аннушкин 2001: 87). Формируя ответные реакции, читатели реагируют не столько на диктальное содержание сообщения блогера, сколько на его прагматическое отношение к этому содержанию, т.е. модусную составляющую сообщения.

Контраст, порождаемый в рамках совместного виртуального текста, прагматизируется преимущественно как модусная реакция на модусный стимул: читательские комментарии противопоставляются сообщению блогера именно на модусном основании, усиливают модусный компонент, заложенный в исходном сообщении, расширяют и детализуют его, исходя из иных аксиологических позиций. Исключение составляет комментарий (2), в котором контраст конструируется как диктальная реакция на диктальное же содержание сообщения блогера. Очевидно, что в этом случае читатель выражает беспристрастную позицию в плане той ситуации, в котором оказался блогер, объясняя, что в этой ситуации потери являются неминуемыми. Ответные комментирования (3)—(5) предстают чисто модусными реакциями, затрагивают сферу мотиваций и жизненных потребностей блогера. При этом основой ответного контрастного реагирования читателей становится один и тот же модусный план исходного сообщения, а именно неудовлетворенность женщины бездеятельностью своего мужа. Этот план, в свою очередь, выступает прагматическим механизмом последующего психологического контакта между собеседниками, предопределяет переход виртуального общения от диктальных форм отражения внеязыковой реальности к глубинным аффективно-ситуативным формам. Другими словами, контакт собеседников, реализуемый через контрастное представление точек зрения, выступает индикатором эмоциональной картины мира участников виртуального общения. Коннотативная категоризация фактов личной жизни в стимуле составляет фокус контрастного реагирования.

Контрастный модус, реализуемый реактивными комментариями (3)—(5), рассматривается автором как своего рода итог аксиологической активности читателей, точкой отчета для которой предстает образ блогера, его эмоционально-волевое состояние в момент инициации стимулирующего сообщения. Эмотивные оценки, выражаемые читателями, опосредуются теми стереотипными восприятиями феноменов материальной и идеальной сферы, которые оказываются действенными для данной социокультурной группы по интересам. В реактивных высказываниях (2)—(3) наблюдается элиминация посылки, которая косвенно содержится в стимулирующем высказывании, эти высказывания непосредственно вводятся связующим средством, маркирующим риторические отношения контраста. Появление эллипсиса в совместно порождаемом тексте объясняется следующими прагматическими причинами: в виртуальном общении на передний план выдвигается модусный компонент, реагирующий собеседник эмотивно выделяет те жизненные основания, по которым он манифестирует несогласие с блогером, не подчиняя выражаемую мысль строгим закономерностям иерархически организованной языковой системы. В эмотивной речи комментатора в этом случае отражаются кульминационные моменты всего выражения, репрезентирующего контраст. Элиминированные контрастирующие реплики неявно передают превалирование аффективного начала над рациональной стороной высказывания.

Общая схема прагматической действенности элиминированных конструкций, вводимых противительным союзом «но», объективируется с учетом того обстоятельства, что риторические структуры функционируют и интерпретируются в определенном коммуникативном контексте, заданном социально-культурном пространстве, субъектами которого выступают участники виртуального общения.

Указанные реактивные комментарии оказываются не свободными от эмоциональных переживаний субъектов: адресат испытывает те же эмоции, что и блоггер, но в рациональном плане придерживается иных позиций, что и получает прямое отражение в контрасте. Эмоции, испытываемые читателем в момент инициации комментария, иплицитно акцентируются эмфатическим акцентом на наиболее значимом в смысловом отношении компоненте пропозициональной структуры реактивного комментария.

При отсутствии эксплицитных маркеров контрастности [реактивные комментарии (4)—(5)] ответные действия читателей содержат в своей семантической структуре интенсификаторы выражаемой оценки в форме деонтической модальности (*нельзя, надо*). Данные компоненты придают комментариям декларативный характер: блоггер призван безоговорочно принять выражаемую оценку сложившегося положения дел, которая — с позиции субъективного восприятия читателей — отражает максимальное отклонение оцениваемого положения дел от естественной нормы своих существенных характеристик. Усиление модусного компонента значений реактивных комментариев реализуется также за счет введения неявного образного сравнения (*Нельзя быть Савраской, тянущей воз*), риторических вопросов (*Зачем Вам такой муж, который паразитирует на Вас?, ... оно Вас надо?*), которые манифестируют предельный характер отрицательного проявления существенных параметров оцениваемого положения дел.

Таким образом, модусные компоненты реагирующих комментариев, конструирующих контраст со стимулирующим сообщением, неизбежно влекут за собой эффект вторжения в сферу внутреннего «я» блоггера, а следовательно, и эмоциональное воздействие на его эмоционально-волевое состояние в целях изменения сложившегося положения дел. Наряду с диктумным содержанием модусные компоненты контрастирующих комментариев предоставляют читателям возможность подчеркнуть силу убеждения осуществляемого воздействия, апеллировать к разуму блоггера, установить и далее поддержать фатический контакт с ним. В результате блоггер, истолковывая «грамматику» оказываемого воздействия, выражает согласие с контрастным мнением читателей.

Интересно отметить, что, конструируя риторические отношения контраста, читатель-комментатор, преимущественно оппозиционирует себя — по сравнению с блоггером — как более рациональную личность, а поэтому контрастирующие комментарии, как правило, сопровождаются объяснением того, почему субъект комментирования выражает контраст [см. реактивные сообщения (3)—(5)]. Другими словами, читатель представляет свое личностное контрастное осознание ситуации, в котором оказался блоггер. Причем эта ситуация, с точки зрения читателя, настоятельно нуждается в позитивном разрешении с опорой на самые радикальные меры. Подобные обоснования выдвигают предварительно «смон-

тированную» контрастную риторическую структуру в сильную смысловую позицию реагирующих комментариев.

В аспекте риторического анализа прослеживается тот речевой факт, что несовместимость между сегментами виртуального текста заметно усиливается, если элиминированное сообщение читателя, инициированное противительным союзом «но», содержит объяснение уместности контраста. В этом случае риторические отношения контраста реализуются в рамках единого высказывания-текста, совместно порождаемого блогером и читателем.

Анализируя риторические действия читателя в контексте текущего виртуального общения, автор отмечает, что отношения контраста, усиливаемые объяснительным сегментом реактивного комментирования, задействуется как прагматическое средство убеждения блогера в необоснованности избранной им жизненной установки. В представленном на схеме (рис. 1) высказывании-тексте контраст функционирует в качестве прагматического формата репрезентации двух перспектив. *Первая перспектива* принадлежит блогеру и трактуется как эмотивное отражение несправедливого положения дел. *Вторая перспектива* высказывается читателем и содержит эмоционально-критическую оценку бездеятельности блогера. С опорой на данную риторическую комбинацию комментирующий читатель, фактически, заявляет о потенциальной несовместимости представленных перспектив, обеспечивает эту несовместимость поддержкой в форме разъяснения одного из полюсов высказывания-текста, манифестирующего риторические отношения контраста.

В виртуальной коммуникации контраст трактуется как такая проблемная позиция блогера, которая потенциально предполагает настоятельное разрешение в последующем ходе общения, т.е. получает выражение в блоках последующих реагирующих реплик, которые, в свою очередь, служат основой для таких коммуникативных действий, как обнаружение решения для проблемного положения дел. Более широкий контекст виртуального взаимодействия, вовлечение в него эмоциональных и оценочных факторов дискурсивной деятельности блогера и читателей, а также роли подобной деятельности в конструировании текста блога дает возможность пролить свет на то, как последующие ходы читателей служат средствами обоснования их контрастной позиции.

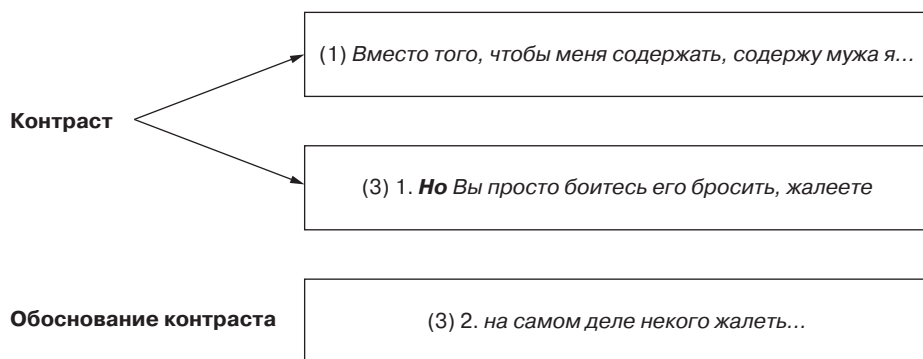

Рис. 1. Риторическая структура контраста в тексте блога (1)+(3)

В теории риторических структур отношения совместных поисков решений предполагает, что один из текстовых блоков выявляет проблемную ситуацию, а сама ситуация, манифестируемая в ином блоке, трактуется в качестве полного или частичного разрешения данной проблемы (Mann, Matthiessen, Thompson 1992: 72). Несмотря на тот факт, что в указанной теории не отражается обоснование риторических отношений контраста как модели, которая активизируется в обнаружении проблемной ситуации и нахождении разрешения этой ситуации, в ней подчеркивается, что проблемная сфера включает в себя условия, которые обладают неблагоприятными параметрами, в частности, фрустрацию (Mann, Matthiessen, Thompson 1992: 73).

Согласно авторским наблюдениям, с точки зрения реализации в виртуально порождаемом тексте, фрустрация потенциально влечет за собой опровержение ожиданий блогера. Представляется, что контраст предстает способом выражения проблемной ситуации, которая не соответствует ожиданиям блогера. Речевые формы выражения выхода из проблемной ситуации, которые сопровождают контраста в реагирующих действиях читателей, свидетельствуют именно о подобной трактовке контраста собеседниками.

В стимулирующем высказывании блогер задает проблемную ситуацию, реагирующий адресат реализует контраст, подкрепляемый оптимальным, по его мнению, способом выхода из проблемной ситуации, сложившейся в жизни блогера. В риторическом контексте общения предложение способа разрешения проблемной ситуации приобретает форму объяснения того, что сама проблема, обсуждаемая собеседниками, возникает вопреки предварительным ожиданиям. Ср.:

«— (1) *Я знаю про депрессию все... Чувствуешь, вот она, приближается, понимаешь головой, что нужно срочно свернуть, вернуться на последнюю развилку и пойти другим путем, но... не можешь. Тебя как будто окутывает липкой паутиной. И еще интересно, что чем больше ты о ней говоришь ..., стремясь “докопаться до правды”, чем больше ты вертишься, тем больше тебя окутывает эта паутина... я сейчас пишу, и подвергаю себя страшному риску провалиться в это зловонное болото апатии, лени и полнейшей подавленности...*

— (2) *У меня тоже часто бывают депрессии... Но для меня депрессия — индикатор “повышения чувства собственной важности”, такая процедура очищения души... А Вы попробовали в ситуации депрессии полностью отключаться от своей личности и начинать наблюдать за жизнью безоценочным наблюдателем, удерживать внимание “здесь и сейчас” на каких-то простых вещах?..*

— (3) *Депресняк тоже часто бывает, но мысли о сыне и маме всегда спасают. Думай о близких, ... говори сама себе, что ты не “тряпка”!*

— (4) *А мне кажется, стоит найти интересное занятие/хобби, чтобы жизнь заиграла новыми красками. И грустить будет некогда» (Живой журнал Британцевой).*

В реагирующем сообщении (2) контраст моделируется как выражение иного понимания обсуждаемой проблемы (рис. 2). Реализуя запрос о том, прибежал ли блогер к определенным типам деятельности для выхода из проблемной ситуации, реагирующий читатель, фактически, предлагает свое решение сложившегося положения дел. Делая акцент на данном решении (в форме вопросительного вы-

сказывания *А Вы пробовали..?*), адресат предлагает личностную интерпретацию контраста как речевого способа обнаружения возникшей проблемной ситуации, обнаружение решения для которой предстает оптимальным в текущем контексте виртуального взаимодействия. В реакции читателя последовательно выявляется контрастирующий сегмент и сегменты, указывающий на выход из создавшегося проблемного положения дел.

В реакциях (3)—(4) контраст и указание на решение проблемы, с которой столкнулся блогер, манифестируются одним и тем же высказыванием: контрастная позиция усматривается реагирующими читателями в бездействии блогера, предложении определенных мер по предотвращению возможного обострения внутренней проблемы в будущем. В ответном высказывании (3) эти меры затем дублируются в форме прямых императивных актов (*думай...*, *говори...*), подчеркивающих настоятельность и незамедлительный характер предлагаемого решения проблемы, негативную оценку адресата бездействия блогера. В (4) конструктивные предложения адресата выражаются в мягкой форме через косвенный императивный акт (*стоит найти...*), что снижает безапелляционность высказывания.

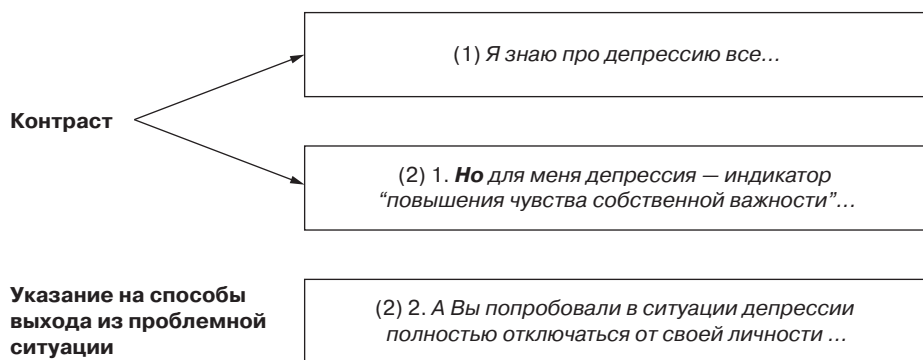

Рис. 2. Риторическая структура контраста в тексте блога (1)+(2)

Реагирующая императивная реплика характеризуется формальной структурой констативного речевого акта, выражающего эмоционально-волевое состояние читателя, который нейтрально оценивает отсутствие попыток блогера самостоятельно изменить сложившуюся в его жизни ситуацию. Очевидно, что в данном случае реагирующий читатель не акцентирует внимание блогера на контрасте как потенциальной теме последующего развития виртуального общения.

Прагматическое разнообразие речевых действий, пропозиция которых указывает на возможные способы выхода из проблемной ситуации, в которой оказался блогер, соотносится с вариативным характером коммуникативных стилей и регистров виртуального общения. Базовая схема их прагматической уместности моделируется с опорой на тот факт, что реагирующие высказывания функционируют, исходя из определенного риторического контекста, национально-культурной ситуации, участниками которой являются блогер и его адресаты. Данные контрастирующие реакции оказываются не свободными от эмоциональных переживаний и оценок участников общения.

Прямые и косвенные императивные акты, пропозиции которых содержат конструктивные предложения способов выхода из проблемной ситуации, задействуются адресатами преимущественно в целях представления симптоматических реакций на стимулирующее сообщение блогера. Автор статьи относит данные реагирующие высказывания к тем прагматическим механизмам, с опорой на которые адресатами реализуется оптимальное управление процессами развития виртуального общения. Для этих действий доминирующей оказывается базовая прагматическая функция установления и поддержания коммуникативного контакта с блогером.

Прямой императивный акт, обнаруживаемый в реакции (3), исключительно служит прагматическим средством выражения эмоционально-волевого состояния адресата в момент реагирования на стимулирующее сообщение блогера. Косвенный императивный акт, имеющий место в реакции (4), не только фиксирует эмоционально-волевое состояние читателя, не удовлетворенного положением дел блогера, но и указывает на то, что блогер (объект оценки) по своим личностным характеристикам не выявляет соответствия норме естественного состояния вследствие своей бездеятельности.

Заключение

В контексте виртуального взаимодействия собеседников контраст трактуется автором статьи как такая позиция комментирующего читателя, которая преимущественно предполагает разрешение в текущем ходе взаимодействия, т.е. последовательно отражается в блоках совместно порождаемого текста, в свою очередь, представляющие основу для последующего коммуникативного действия, такого как объяснение уместности моделирования риторических отношений контраста.

В условиях виртуальной коммуникации совместное комбинирование контрастирующих между собой текстовых сегментов оформляется как пропозиции, которые противопоставляются друг другу, отрицание модусной информации, исходно обнаруженной блогером. В сфере отрицания оказывается не столько диктумная составляющая стимулирующего сообщения блогера, сколько модус этого сообщения. Риторические отношения контраста способствуют выявлению специфики формирования эмоционального опыта читателя в обсуждаемом положении дел, характерные для него приемы мышления, с опорой на которые осуществляется познание окружающей действительности.

Как показало исследование, модель риторических отношений контраста в совместно порождаемом тексте блога включает в себя следующие сегменты:

- 1) утверждение о некоторой жизненной ситуации в стимулирующем сообщении блогера;
- 2) контрастирующее реагирующее высказывание читателя, вводимое противительным союзом «но», или не маркируемое, контекстуально обусловленное;
- 3) обоснование уместности контраста в текущей ситуации общения или указание причин того, почему положение дел, сложившееся в жизни блогера, оказалось возможным;
- 4) указание на способы выхода из той проблемной ситуации, с которой столкнулся блогер.

Второй сегмент рассматриваемых риторических отношений сосредоточивает внимание блогера на том факте, что его жизненная позиция предстает несовместимой с точкой зрения читателя, а сложившуюся в жизни блогера ситуацию следует решать противоположными способами. Указание на способ разрешения ситуации (третий сегмент) образует основу обоснования контрастной позиции читателя, в рамках которой, в свою очередь, объективируется еще один контраст: между сложившейся в жизни блогера критической ситуацией и необходимым положением дел.

Риторические отношения контраста интерпретируются автором как прагматический механизм, с опорой на который читатели осуществляют управление процессами разворачивания виртуального взаимодействия с блогером. Базовой прагматической функцией данных отношений предстает установление и поддержание фатического контакта с собеседником с опорой на актуализацию модусного компонента общения.

Контрастные реактивные высказывания фиксируют национально-культурные стереотипы, которые, в свою очередь, определяют материальную и идеальную сферу степени уместности оценочной деятельности адресата. Реализуя подобные речевые действия, реагирующие собеседники принимают во внимание не только общекультурные сценарии аксиологической деятельности, но и релевантные стереотипы подобной деятельности, которые задаются языковой системой. Контраст, обоснование контраста, указание на способы выхода из проблемной ситуации порождают личностную проекцию данных сценариев и стереотипов в языковом сознании блогера, облегчают процессы декодирования эмоционального содержания контраста и его неявных импликаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аннушкин В.И.* Риторика и риторическая культура // Мир русского слова. 2001. № 3. С. 87.
- Аннушкин В.И.* Современный статус риторики и ее важнейшие задачи / Риторика и речеведческие дисциплины в условиях реформы образования: материалы XX Междунар. науч. конф. М.: Тезаурус, 2016. С. 24—33.
- Баженкова Е.А., Иванова И.А.* Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 125—131.
- Боброва М.Е., Шпильная Н.Н.* Блог как жанр интернет-коммуникации / Наука. Технологии. Инновации: материалы Всеросс. науч. конф. молодых ученых. Новосибирск: НГТУ, 2013. С. 93—95.
- Гаврилова Г.Ф.* Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов н/Д: Академ-Лит, 2015. 412 с.
- Гармашева Т.М.* Проблема личностной идентификации блог-коммуникации // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3(63). С. 167—171.
- Гармашева Т.М.* Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 2(140). С. 36—40.
- Живой Журнал Британцевой* [Электронный ресурс]. URL: <http://britantseva.livejournal.com/15657.html> (дата обращения: 25.09.2017).
- Житенев А.А.* Блог как прозаическая форма: пути трансформации нарратива / Память и нарратив. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012. С. 25—35.

- Кудряшов И.А., Калашикова А.А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015(а). № 1(17). С. 24–31.
- Кудряшов И.А., Калашикова А.А. Блог как сфера реализации социокультурных стереотипов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015(б). № 2(18). С. 40–48.
- Кудряшов И.А., Калашикова А.А. Блог как сфера представления стереотипизированного образа носителя культурно-языковых ценностей // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015(в). № 3(19). С. 25–33.
- Макаров Ю.Н. Интернет-блог как элемент глобальной сети // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1–2. С. 39–40.
- Максимова Т.О. Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1(76). С. 124–131.
- Панина Т.С., Татарникова В.С. Блог как особый жанр интернет-коммуникации / Наука сегодня: опыт, традиции, инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Вологда: «Диспут», 2017. С. 89–91.
- Салихова Ю.Р. Блог и интернет-дневник: соотношение понятий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 1. С. 171–172.
- Сенченко Н.А. Блог как способ нарративного конструирования идентичности в условиях сетевой культуры // Евразийский союз ученых. 2015. № 1–2. С. 100–102.
- Тарасенко Т.В. Блог и гражданские медиа // PR и реклама: традиции и инновации. 2012. № 7–1. С. 50–53.
- Шаклеин В.М. Дифференциация русского языка в условиях новых информационных технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2011. № 1. С. 52–55.
- Шаклеин В.М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 6–12.
- Шаклеин В.М., Боженкова Н.А. О некоторых способах создания возможных лингвокультурных универсумов // Известия Тульского государственного университета. Язык и литература в мировом сообществе. 2006. № 9. С. 202–210.
- Шамаков А.А. Взаимодействие пользователей в блог-коммуникации: риторико-прагматический аспект // Социальные варианты языка. 2011. № 7. С. 340–343.
- Mann W.C., Matthiessen Ch.M.I.M., Thompson S.A. *Rhetorical Structure Theory and Text Analysis. Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1992. P. 39–78.
- Marcu D. *Building up Rhetorical Structure Trees* // *Proceedings of 13-th National Conference on Artificial Intelligence*. Portland, Oregon, 1996. Vol. 2. P. 1069–1074.

© Ковтуненко И.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 11.09.2017

Дата принятия к печати: 16.10.2017

Для цитирования:

Ковтуненко И.В. Риторические отношения контраста в тексте блога: средства маркирования, семантика, функции // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский*

и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. С. 63—90. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90

Сведения об авторе:

Ковтуненко Инна Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета. *Сфера научных интересов:* лингвистика текста, прагматические аспекты моделирования художественного и виртуального текстов, когнитивная поэтика, функциональный и семантический синтаксис русского языка, методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 20 научных публикаций. *Контактная информация:* iv.kovtunenko@yandex.ru

ENG

Introduction

In current linguistic researches, which are essentially interdisciplinary in nature, the blogs are interpreted as «complex rhetorical hybrids», which trace their discursive origins in more traditional and recognized genres, such as the diary, the pamphlet, the editorial, the opinion column, the online catalog (Bozhenkova, Ivanova 2012: 125, Garmasheva 2015: 37, Kudryashov, Kalashnikov 2015(c): 28—29). As a specific social activity blogs are the result of the harmonious blending of these genres that determines their semantic, stylistic and pragmatic uniqueness in the realm of interlocutors' virtual interaction. The empirical surveys show that the linguistic characteristics of computer-mediated communication are determined by a number of social factors, such as synchronous/asynchronous nature of the interlocutors' interaction, the possibility to issue a message as anonymous and segmented, the publicized information subjective nature, pluralism dominance in communication (Garmasheva 2010, Kudryashov, Kalashnikov 2015(b), Makarov 2016).

The blogger uses the virtual space to reflect the current thoughts and life experience, readers use it for the personal supplementing (commenting) the original message. The blogger discloses the personal information, focused on the response from the multiple recipient, agreement/disagreement, supplementing/rebutting the original information. The personal records are created for the mass audience, published on the Internet, a platform that involves the wide publicity and universal accessibility. Subsequently, blogger's messages are modified with the readers' replicas on the interactive basis with the dominance of the communication emotional component (Maksimova 2017, Panina 2017, Senchenko 2015). As a result, the blog could be viewed as a harmonious combination of the personal thoughts, cohesive means, commenting and even essays. The blogosphere is a source of the personal information, giving an idea of various perspectives on the same problem and representing the multiple semantic positions based on a variety of sources. The blogger and the reacting readers are mutually engaged into the discursive activities based on the common attempt to produce the coherent text, thoroughly covering the actual problems and their relevant solutions.

The problems of the virtual text functioning in the blogosphere are systematically considered by I.A. Kudryashova and A.A. Kalashnikova in the aspect of providing an alternative mass communication channel (Kudryashov, Kalashnikov 2015(a)); by M.E. Bobrova and N.N. Shpilnaya from the genre perspective (Bobrova, Shpilnaya 2013); by A.A. Zhitenev relying on the methods of virtual narrative transforming and identifying the virtual prose form specifics (Zhitenev 2012) and by many others as well. The research focus is made on the speech material interpretation discursive specifics, activating some grammatical rules in the process of interaction between the blogger and the recipients of his/her messages. However, the contemporary approaches, which are associated with the discourse-pragmatic blog text analysis, not fully employ the methodology and the linguistic-theoretical concept aimed at the analysis of the particular segments of stimulating and reactive replicas, sustainable models that are activated in the virtual communication while solving the nonverbal tasks. This linguistic research perspective sheds light on the blog text pragmatic structure, the range of semantic relations between the messages on the level of one, two or more speech moves.

The study of rhetorical relations and the cohesive means in the aspect of the blog text architectonics reveals the importance of analyzing the interlocutors' virtual interaction functional organization:

- 1) in terms of the formally expressed contrast rhetorical relations and the cohesive means ensuring these relations, based on which the blogger focuses attention of the potential readers on the particular fragment of the stimulating message, reveals his/her emotional state correlating with his/her verbal action;

- 2) in the aspect of the meaningful semantic relations between the stimulus and the recipients' reactive messaging that while implementing contact-establishing function, explicitly/implicitly mark the cohesive means together determining the shared text integrity.

This prospect provides the optimal opportunity for determining the pragmatic specifics of the contrast rhetorical relations, their dynamic nature, which manifests itself at the level of the integral virtual text jointly generated by the interlocutors. This predetermines the relevance of our research.

The publication demonstrates that in the blog texts the contrast rhetorical relations are invariably associated with the opinions expressed by each of the virtual interaction participants. The pragmatic charge of the adversative conjunction *no/but* (as a cohesive means) is manifested in the correlating of the opinions expressed in the single structural dimension and thus promoting the fact that the jointly generated virtual text acquires the linear organization. This, in turn, provides the possibility of specifying the functional significance of the adversative conjunction *no/but* from the interactive positions, revealing that this cohesive means acts as the strong signal that the recipient implementing the responsive message takes the commitment in the joint construction of the ideas. The adversative conjunction *no/but* marks the recognition of the blogger's perspective by the addressee.

The results obtained in this research detail significantly the relevant for the contemporary Russian studies concept of the blog text coherent on the level of combining propositions of the stimulating and responsive messages into the macropropositions based on specific rhetorical relations that determine the unified character of the jointly generated virtual

text, functioning as a coherent phenomenon mediated by the Internet communications. The study develops the methods of cohesion and coherence analysis in the aspect of the rhetorical blog text semiosis, the contrastive configuration of the text surface structures.

The pragmatic analysis undertaken in the publication sheds light on the problems associated with the coherence, which is partially “embedded” into the blog text semantic content based on the interlocutors’ linguistic-cultural and communicative-discursive background knowledge. In this regard, the contrast rhetorical relations are analyzed as a kind of codes in the linguistic and cultural value system that steadily correlate with the interlocutors’ communicative purposes. The conclusions reached in this study specify the contemporary ideas that the text coherence and integrity is achieved through the contrast rhetorical relations forming within the virtual text which is jointly generated.

Purpose

The aim of the study is to determine the specificity of the pragmatic rhetorical structures with the contrast semantics in the blogosphere texts with the explicit/contextual marking of the semantics, identify the functional charge of the contrast in the reasoning of the reader’s reactive comments.

Methods and materials

The goal stated in the publication involves the use of following research methods that are relevant in the pragmatic analysis of the contrast as the text forming factor in the blogger and readers’ speech activity:

- interpretative method in the analysis of the pragmatic nature of the cohesive means in the blog text;
- contextual method for the analysis of the linear sequences of the virtual text segments;
- method for modeling the contrast rhetorical structures in the aspect of linkage of the blogger’s simulative message and the readers’ reactive comments.

Results

The texts generated within the blogosphere reveal the rhetorical nature, as they are based on the verbal interaction between the interlocutors, which is reflected systematically in the virtual text communicative purposes. The goals appear to be incentives for expanding all communicative processes, which, therefore, appear phenomena of rhetorical nature. The communicative event purpose is “attached” to the typified context.

The rhetorical structure theory gives the opportunity to explore the following problematic nodes in the blogosphere texts:

- pragmatic and cognitive analysis of the text generation specifics;
- identifying the semantic structure of the relationships that are formed between the text segments, the integrity degree and the formal manifestation of these relations.

The rhetorical nature of the blog texts determines the two implications which are constructive for our research:

- 1) cohesive means at the junction of the original message and the reactive statements is a clear indication of the realization of communicative goals of the virtual text jointly generated by the interlocutors;

2) the blog texts as the particular genre of the virtual communication predetermine the dominance in the joint work of certain semantic structures and linguistic characteristics.

Understanding the language and speech structures and the pragmatic patterns of their combination is considered as an important problem of multivariate analysis of language as a social activity. Focusing on the functioning of the language and speech phenomena within the blogosphere texts, we analyze such rhetorical structures that are frequent in this type of text when the virtual communication participants solve the non-linguistic tasks. Our observations indicate that such structures are primarily those that form the relationships of the contrast.

Discussion

The communication in the framework of blogs is asynchronous in nature, i.e. there is no need for the bloggers and the readers to be «online» for exchanging the relevant information (Annushkin 2016, Shaklein 2011, Shaklein, 2013). In other words, between the initiated message and the reactive response (comment) there is a temporal lag, largely associated with the segmented nature of the jointly created text and, however, the text semantic integrity. The recipient generally has the capability to respond to the blogger and other readers' messages which are listed in the archive.

In this regard, the virtual texts show a tendency for potential expanding: over time the initial utterance «overgrows» with the responsive messages, which, in turn, are supplemented/specified by the subsequent reactions. The joint text, thus, acquires the radial-chain coherence, the individual stimulus and reaction form the immediate context of interlocutors' interaction, and therefore they can be considered as the unique speech work (utterance-text), since the reaction is introduced directly with the cohesive means, involves the elimination of already known information.

The rhetorical structure theory explores the specificity of text functioning in the real communication context (Mann, Matthiessen, and Thompson 1992), is considered to be the descriptive linguistic approach to a wide range of phenomena that are associated with text organization in the aspect of the semantic relations established between the text segments. This theory explains the pragmatic nature of speech work integrity based on the hierarchical relations between the text segments. It is postulated that each segment performs the specific semantic function, connecting with the subsequent segment.

The text coherence (“discursive relationship”) is determined by the relationship within the speech work, involves the identification of the intentional use of individual text segment. The hierarchy of these segments, in turn, suggests their correlation on the basis of such concepts as “nuclear”, and “the semantic relation type”. The theory offers the principle of compositionality: the two text segments are connected with the rhetorical relations that occur between the two essential components, that is the nucleus and its subsidiary relationships. As a constructive the opposite pattern is also interpreted: in the process of building a scheme of the text rhetorical structure the discourse relations between two of its important segments occur when these relationships are traced within these two segments (Marcu 1996).

The analyzed theory also traces what underpins the text hierarchical structure organization in the process of creating its coherence, whether the connected text segments

manifest the integral propositional content. The source of the text coherence, its integral unfolding is the speaker's intention to impact the recipient. The semantic relations and hierarchy of these relations between the segments form the text rhetorical structure, model its coherent nature.

The rhetorical relations between the text segments reveal the speaker's hidden intention; receive the explicit/implicit marking in the speech work. In this regard, the scholars discuss the problem of actualization of these relations in the interlocutors' cognitive sphere (or they appear the product of the researcher's speculation?). The rhetorical relations and the text coherent nature formation are cognitive phenomena, due to it they are interpreted as the cognitive mechanisms the speaker accesses to for linking the two text segments; the recipient also recognizes the rhetorical relations and the coherence of the segments in the act of the text interpretation.

Let's analyze first of all the specifics of the contrast rhetorical relation interpretation, carried out by the interlocutors, as well as the contrast function in the process of joint generating the virtual text. We interpret the contrast rhetorical relations as the pragmatic implementation of the reacting person's intentions to involve a greater number of interlocutors into the jointly generated virtual text, including causing the blogger's a reaction. Within the blogosphere, the conditions are created for the emotional and personal interpretations of the problems under consideration, proceeding from the most diverse information sources (Salikhova 2011, Tarasenko 2012, Shmakov 2011). With the elimination of the known information the contrast is modeled either as explicitly expressed proposition, or as contextually derived from the semantic content of the reactive (i.e. when there are no explicit markers of the relations under consideration).

Cf. (for the convenience hereinafter the blogger's message and the interlocutors' reactions are presented in the form of dialogical replicas):

«— (1) *Mne ochen' hochetsja pozhalovat'sja... Detej u menja net, potomu chto ... muzh ne sposoben ih imet'. Vmesto togo, chtoby menja sodержat', sodержu muzha ja... I eshhe, ja uzhasno vygljazhu... Ja nichego ne uspevaju... Gospodi, chto u menja za zhizn'? Pochemu ja vybrala jetogo cheloveka?.. Prosto kakoe-to bezvyhodnoe polozhenie. / I really want to complain... I have no children because my husband is not able to have them. Instead to support me, I support my a husband... And yet, I look awful... I don't have time... my God, what is my life? Why did I choose this person?.. Just some no-win situation.*

— (2) *No imushhestvennyye poteri v semejnoy zhizni javljajutsja neizbezhnymi. / But property losses in family life are inevitable.*

— (3) *No Vy prosto boites' ego brosit', zhaleete, na samom dele nekogo zhalet'... / But you're just afraid to leave him, feel sorry for him, there is actually no one to feel sorry for...*

— (4) *Vy prosto dlja sebja reshite: Vy zamuzh vyshli, ili usynovili? Nel'zja byt' Savraskoj, tjanushhej voz. Kupite sebe kosmetiku i veshhi. / You just decide for yourself: are you married or you adopted? You can be Savraska drawing the load. Buy yourself cosmetics and clothes.*

— (5) *Kak zhe Vy sebja ne cenite! Zachem Vam takoj muzh, kotoryj parazitiruet na Vas? Emu komfortno, vse ustraivaet kak est', on ne budet menjat'sja ibo nezachem. Takih ljudej postojanno nado pinat' v svetloe budushhee, ono Vas nado? / How you don't value yourself! Why do you need a husband who is a parasite on you? He is comfortable, happy with everything as it is, he won't change for no reason. Such people constantly have to be kicked into the bright future, do you need it?» (Live Journal).*

The blogger's initial statements, a woman who is thirty seven years old, contain the propositions (1), which generate the reactive disagreement of, at least, five (from one hundred and thirty five) readers-interlocutors. The basis for disagreeing are primarily the blogger's attitudes to life. The reactive statements (2)–(5) form the semantic opposition to the stimulating message.

In the statements (2)–(3) the contrast rhetorical relations are marked explicitly by means of the adversative conjunction *no/but*; in (4)–(5) the contrast is presented formally, there are no appropriate markers. In the framework of co-generated virtual text the reactive statements are opposed to the stimulating message not only in the structural terms (based on the adversative marker), but also from the point of view of strengthening the emotive-evaluative component. In the stimulus message (1) the modus component prevails, it manifests the blogger's emotional state at the moment of message generating. Modus is the facts of the virtual communication axiological dimension (Gavrilova 2015: 47, Shaklein, Bozhenkova 2006: 204, Annushkin 2001: 87). Forming the reactions, the readers respond not so much to the blogger's message dictum content, but to her pragmatic attitude to this content, i.e. the message modus component.

The contrast generated in the joint virtual text is pragmaticized primarily as a reaction to the modus incentive: readers' comments are contrasted with the blogger's message on the modus basis, strengthen the modal component inherent in the original message, expand it based on other axiological positions. The exception is the comment (2), in which the contrast is constructed as the dictum reaction to the same dictum content of the blogger's message. Obviously, in this case, the reader expresses an impartial stance in terms of the situation, in which the blogger turned out to be, explaining that in this situation, losses are inevitable. The reactive commenting (3)–(5) appear to be purely modus reactions, affect the scope of the blogger's motivations and necessities. The basis for the readers' contrast responses is the original message modus plane, namely, the woman's dissatisfaction by her husband's inaction. This plan, in its turn, represents the pragmatic mechanism of the subsequent psychological contact between interlocutors. It determines the virtual communication transition from the dictum forms of the extralinguistic reality reflection to the deep affective and situational forms. In other words, the contact between interlocutors, implemented through presentation of contrasting points of view, serve as an indicator of the interlocutors' emotional picture of the world. The connotative categorization of private facts in the stimulus is the focus of the contrast reactions.

We consider the contrasting modus implemented by the reactive comments (3)–(5) as the result of the readers' axiological activity, the reference point for which appears to be the blogger's image, her emotional state at the moment of the stimulating message initiating. The emotive evaluations expressed by the readers are mediated by the stereotypical perceptions of the material and ideal sphere phenomena, which are effective for the given socio-cultural groups. In the reactive statements (2)–(3) there is elimination of the premise, which is implicit in the stimulus statement. These statements are introduced with the cohesive means marking the contrast rhetorical relations. The ellipsis in the joint text is activated due to the following pragmatic reasons: the modus component comes to the fore in the virtual communication, the reacting interlocutor highlights emotionally

the life principles in which he/she manifests disagreement with the blogger, not subjecting the expressed idea to the strict laws of the hierarchically organized language system. In this case in the emotional commentator reflects the climactic moments of the entire expression representing the contrast. The contrasting replicas with eliminated components convey implicitly the prevalence of the affective over the rational side of the statements. The basic scheme of the pragmatic effectiveness of the constructions with the eliminated components, introduced by the adversative conjunction *no/but* is objectified given the fact that the rhetorical structures function and are interpreted in a certain communicative context, the given socio-cultural space, the subjects of which are the virtual communication participants.

These reactive comments are not free from the subjects' emotional experience: the addressee is experiencing the same emotions as the blogger, but in rational terms holds different position which gets the direct reflection in the contrast. The emotions experienced by the reader at the moment of commenting initiation are implied with the emphatic focus on the most meaningful component of the propositional structure of the reactive commenting.

In the absence of explicit contrast markers (the reactive comments (4)—(5)) the readers' responses contain the intensifiers in the form of the deontic modality (*nel'zja/impossible, nado/necessary*). These components give the commenting the declarative character: the blogger has to accept the assessment of the current state of affairs which — from the readers' subjective perspective — reflects the maximum deviation of the situation estimated from the natural norms of its essential characteristics. Strengthening the reactive commenting modus component is also implemented by introducing an implicit figurative comparison (*Nel'zja byt' Savraskoj, tjanushhej voz/Can't be Savraska pulling the load*), rhetorical questions (*Zachem vam takoj muzh, kotoryj parazitiruet na Vas?/Why do you need a husband who is a parasite on you?, ... ono Vas nado?/do you need it*), which manifest the ultimate nature of the negative manifestations of the estimated situation essential parameters.

Thus, the responsive comment modus components, constructive the contrast with the stimulating message, inevitably entail the effect of the invasion into the inner sphere of the blogger's "Ego", and consequently the emotive impact on her emotional state with the aim to change the current state of affairs. The modus components — along with the dictum content — of the contrasting comments provide the readers with an opportunity to emphasize the power of persuasion, appeal to the blogger's ratio, establish and continue to support the phatic contact with her. As a result, the blogger, interpreting the "grammar" of the impacts, expresses the agreement with the readers' contrast views.

It is interesting to note that, designing the contrast rhetorical relations, the reader-commenter, compared to the blogger mostly opposes himself/herself as a more rational person, and therefore, the contrasting comments, as a rule, are accompanied by an explanation of why the subject of the comment expresses the contrast (see reactive messaging (3)—(5)). In other words, the reader represents his/her personal contrasting awareness of the situation, in which the blogger turned out to be. Moreover, this situation from the readers' point of view is in urgent need of the positive resolution with support for the most radical measures. Such justification puts forward previously "mounted" contrast rhetorical structure in the strong semantic position of the responsive commentaries.

In the aspect of rhetorical analysis we reveal that the incompatibility between the segments of the virtual text is markedly enhanced if the reader's eliminated message initiated with the adversative conjunction *no/but* provides an explanation of the contrast appropriateness. In this case, the contrast rhetorical relations are realized within a single utterance-text, jointly generated by the blogger and the reader.

Analyzing the reader's rhetorical actions in the context of the current virtual communication, we note that the contrast relations, amplified with the reactive comment explanatory segment are used as the pragmatic means of persuading the blogger in the unreasonableness of her life attitudes. In the utterance-text presented in the Diagram 1 the contrast functions as the pragmatic format of the two perspectives representation. The first perspective belongs to the blogger and is interpreted as the emotive reflection of the unjust state of affairs. The second perspective is expressed by the reader and contains the emotionally-critical assessment of the blogger's inactivity. Based on this rhetorical combination the commenting reader actually declares the potential incompatibility of the proposed approaches, provides this incompatibility in the form of clarification of one of the poles of the utterance-text manifesting the contrast rhetorical relations.

In the virtual communication the contrast is treated as the blogger's problematic position, which potentially suggests an urgent resolution in the subsequent course of communication, i.e., receives expression in the blocks of the subsequent reactive remarks, which, in turn, are the basis for such communicative actions as finding solutions for the problematic situation. The wider context of the virtual collaboration, the involvement of the blogger and readers' discursive activity emotional and evaluative factors, and the role of such activities in the blog text constructing gives an opportunity to shed light on how the readers' next moves serve for justifying their contrasting positions.

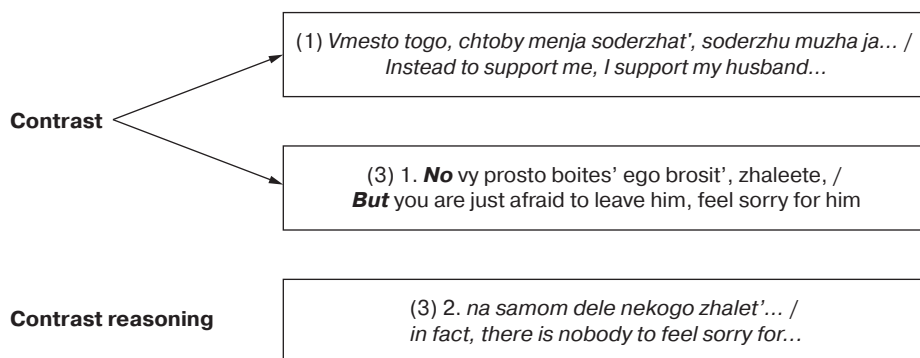

Diagram 1. Rhetorical contrast structure in the blog text (1)+(3)

In the rhetorical structure theory, the relations of the joint search for solutions suggests that one of the text blocks detects the problematic situation and the situation itself, manifested in another block, is treated as the complete or partial solution of the problem (Mann, Matthiessen, and Thompson 1992: 72). Despite the fact that this theory does not reflect the contrast rhetorical relation reasoning as a model that is activated in the problem situation manifestation and finding a resolution to this situation, it stresses that the problem scope includes conditions that have an unfavorable parameters, in particular, frustration (Mann, Matthiessen, and Thompson 1992: 73).

According to our observations, from the point of view of implementation in the virtual text, the frustration entails potentially the refutation of the blogger's expectations. The contrast appears to be a way of expressing the problem situation, which does not meet the blogger's expectations. The ways out of the problematic situations that accompany the contrast in the readers' reactive actions, indicate that the interlocutors interpret the contrast in this way.

In the stimulating message the blogger poses the problematic situation, reacting recipient realizes the contrast, in his/her opinion, supported by the optimal way out of the problem situation in the blogger's life. In the rhetorical context of the communication the ways of resolving the problem situation take the form of explaining that the problem being discussed by the interlocutors appears contrary to the preliminary expectations. Cf.:

«— (1) *Ja znaju pro depressiju vse... Chuvstvuesh', vot ona, priblizhaetsja, ponimaesh' golovoj, chto nuzhno srochno svernut', vernut'sja na poslednjuju razvilku i pojti drugim putem, no... ne mozhesh'. Tebja kak budto okutyvaet lipkoj pautinoj. I eshhe interesno, chto chem bol'she ty o nej govorish'..., stremjas' "dokopat'sja do pravdy", chem bol'she ty vertish'sja, tem bol'she tebja okutyvaet jeta pautina... ja sejchas pishu, i podvergaju sebja strashnomu risku provalit'sja v jeto zlovonnoe boloto apatii, leni i polnejshej podavlenosti... / I know all about depression... I feel here it is, approaching, understand the idea that we need urgently to roll back to the last fork and go the other way, but... I can't. You as if enveloped in a sticky web. And it is interesting that the more you talk about it ..., trying to "uncover the truth", the more you twist, the more you are enveloped in this web... I'm writing, and put myself at terrible risk of falling into this fetid swamp of apathy, laziness and utter depression...*

— (2) *U menja tozhe chasto byvajut depressii... No dlja menja depressija — indikator "povyshenija chuvstva sobstvennoj vazhnosti", takaja procedura ochishhenija dushi... A vy poprobovali v situacii depressii polnost'ju otkljuchat'sja ot svoej lichnosti i nachinat' nabljudat' za zhizn'ju bezocenochnym nabljudatelem, uderzhivat' vnimanie "zdes' i sejchas" na kakih-to prostyh veshhah?..*

I am, too, often in depression... But for me, the depression is the indicator of "increasing the sense of self-importance", such a procedure of purification of the soul... And have you tried it in a situation of depression to completely disconnect from your identity and begin to observe the life like an unbiased observer, to hold the attention "here and now" on some simple things?..

— (3) *Depresnjak tozhe chasto byvaet, no myslj o syne i mame vsegda spasajut. Dumaj o blizkih, ... govori sama sebe, chto ty ne "trjapka"! / The depression is too often, but the thought of son and mom always save. Think about loved ones ... tell yourself that you're not a sissy!*

— (4) *A mne kazhetsja, stoit najti interesnoe zanjatie / hobbi, chtoby zhizn' zaigrala novymi kraskami. I grustit' budet nekogda» / And I think you should find an interesting occupation / hobby, make life sparkle with new colors. There will be no time to be sad» (Live Journal).*

In the reactive message (2) contrast is modeled as expressing some different understanding of the discussed problem. Implementing the request if the blogger uses specific types of activities to exit from the problem situation, the reacting reader, in fact, offers her own solution to the current situation. Focusing on the solution (in the form of interrogative utterance *A vy poprobovali/have you tried..?*), the recipient offers the personal

interpretation of the contrast as a speech method of the problem situation actualizing, finding a solution which appears to be optimal in the virtual interaction current context. In her reaction the reader reveals consistently the contrasting segment and the segments indicating the way out of this problematic situation.

In reactions (3)—(4) the contrast and the indication of the decision for the problem faced by the blogger, are manifested with the same utterance: the contrast position is seen by the reacting readers in the blogger’s inaction, and the readers offer specific measures for preventing possible worsening of the internal problems in the future. In the reactive utterance (3) these measures are then duplicated in the form of the direct imperative acts (*dumaj..., govori.../think, say...*), emphasizing the urgent and immediate nature of the proposed solution, the negative evaluation of the blogger’s inactivity. In (4) the addressee’s constructive suggestions are expressed in a milder form through the indirect imperative act (*stoit najti.../it is necessary to find...*), which reduces the categoricalness of the utterance.

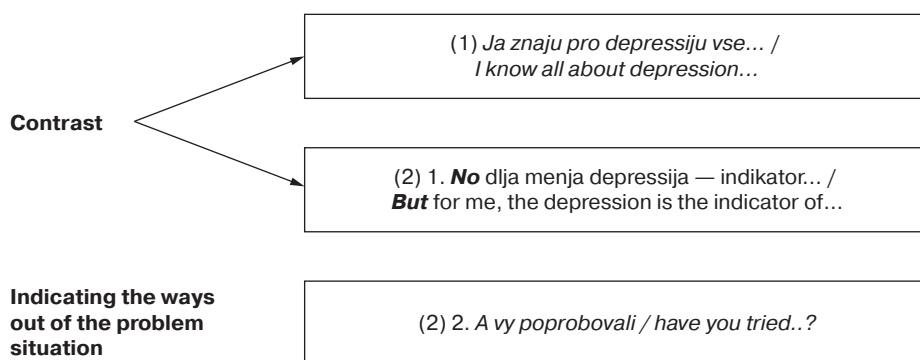

Diagram 2. Rhetorical contrast structure in the blog text (1)+(2)

The reacting imperative replica is characterized by the formal structure of the constative speech act expressing the reader’s emotional state. The reader herself evaluates neutrally the lack of the blogger’s attempts to change her life situation. Obviously, in this case, the responsive reader does not focus blogger on the contrast as a potential topic of the virtual communication further development.

The pragmatic diversity of speech acts, the proposition of which points to the possible ways out of the problematic situations related with the blogger correlates to the virtual communication variable nature of styles and registers. The basic scheme of their pragmatic appropriateness is modeled based on the fact that the reactive utterances operate in the specific rhetorical context, national-cultural situations. The blogger and her addressees are members of these situations. These kind of contrasting reactions are not free from the interlocutors’ emotional experiences and evaluations.

The direct and indirect imperative acts, propositions of which contain the constructive suggestions of ways out of the problematic situations are utilized primarily in order to provide the symptomatic reactions to the blogger’s stimulating message. We characterize the responsive utterances as the pragmatic mechanisms on the base of which the addressees implement the optimal control of the processes of virtual communication development. For these actions, the dominant is the basic pragmatic function of establishing and maintaining communicative contact with the blogger.

The direct imperative act found in reaction (3), serves as the pragmatic means of expressing the addressee's emotional state at the moment of responding to the blogger's stimulating message. The indirect imperative act that occurs in reaction (4), not only captures the emotional state of the reader who is not satisfied with the blogger's state of affairs, but also points out to the fact that blogger (the object of evaluation), her personal characteristics do not reveal the compliance with the norm of the natural state due to her inactivity.

Conclusion

In the context of the interlocutors' virtual interaction the contrast is treated as such the commenting reader's position, which primarily involves the resolution in the current course of the interaction, i.e. is reflected consistently in the blocks of the jointly generated text, which, in turn, are the basis for the subsequent communicative action such as explanation of the appropriateness of the contrast rhetorical relation modeling.

In the virtual communications, the joint combination of the contrastive text segments is formalized as the propositions that are opposed to each other, the negation of the modus information published primarily by the blogger. In the scope of the negation is not so much the dictum component of the blogger's incentive message, as the modus of this message. The contrast rhetorical relations contribute to identifying the specifics of the reader's emotional experience in the discussed situation, her characteristic methods of thinking, based on the knowledge of reality.

As shown by our study, the model of the contrast rhetorical relations in the jointly generated blog text includes the following segments:

- 1) the statement about certain life situations in the blogger's stimulating message;
- 2) the reader's contrasting reactive utterance introduced with the adversative conjunction *no/but*, or not labeled, contextually relevant;
- 3) justification of the appropriateness of the contrast in the current communicative situation or the indication of the reasons why the current state of affairs in the blogger's life turned out to be possible;
- 4) indicating the ways out of the problematic situation faced by the blogger.

The second segment of the contrast rhetorical relations focuses the blogger's attention on the fact that her position in life appears incompatible with the reader's point of view, and the situation established in the blogger's life should be resolved in opposite ways. The ways of resolving the situation (the third segment) forms the basis of justification for the reader's contrasting position, which, in turn, objectifies one more contrast: between the blogger's critical situation and the required state of affairs. The contrast rhetorical relations are interpreted in our article as the pragmatic mechanism based on which the readers manage the process of deployment of virtual interaction with the blogger. The basic pragmatic function of these relations is the establishment and maintenance of phatic contact with the interlocutor while actualizing the modus component.

The contrast reactive utterances capture the national cultural stereotypes that, in turn, determine the material and the ideal sphere of the relevance degree of the recipient's evaluation activities. Realizing this speech actions, the responsive interlocutors take into account not only the cultural scripts of the axiological activities, but also the relevant

stereotypes of such activities, which are defined by the language system. The contrast, the rationale for the contrast, indicating the ways out of the problem situations give rise to personal projection of the scripts, and stereotypes in the blogger's language consciousness, facilitate the processes of decoding the contrast emotional content and its implicit implications.

REFERENCES

- Annushkin V.I. (2001). *Ritorika i ritoricheskaĳa kul'tura [Rhetoric and rhetoric culture (p. 87)]* // Mir russkogo slova. 3. (In Russ.).
- Annushkin V.I. (2016). *Sovremennyy status ritoriki i ee vazhnejšie zadachi [Contemporary status of rhetoric and its important tasks (pp. 24–33)]* // Ritorika i rechevedcheskie discipliny v uslovijah reformy obrazovanija: Materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: Tezaurus. (In Russ.).
- Bazhenkova E.A., Ivanova I.A. (2012). *Blog kak internet-zhanr [Blog as virtual dairy (pp. 125–131)]* // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. (In Russ.).
- Bobrova M.E., Shpil'naja N.N. (2013). *Blog kak zhanr internet-kommunikacii [Blog as a genre of internet-communication (pp. 93–95)]* // Nauka. Tehnologii. Innovacii: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh. Novosibirsk: NGTU. (In Russ.).
- Garmasheva T.M. (2010). *Problema lichnostnoj identifikacii blog-kommunikacii [The problem of personal identification in blog-communication (pp. 167–171)]* // Nauchnaja mysl' Kavkaza. (63). (In Russ.).
- Garmasheva T.M. (2014). *Virtual'naja jazykovaja lichnost' v prostranstve blog-diskursa [Virtual language personality in the blog-discourse space (pp. 36–40)]* // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2014. 2(140). (In Russ.).
- Gavrilova G.F. (2015). *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost' [Sentence and text: consistence and functionality]*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
- Kudryashov I.A., Kalashnikova A.A. (2015). *Blog kak sfera realizacii sociokul'turnyh stereotipov [Blog as the sphere of social and cultural stereotype realization (pp. 40–48)]* // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. 2(18). (in Russ.).
- Kudryashov I.A., Kalashnikova A.A. (2015). *Blog kak sfera predstavlenija stereotipizirovannogo obraza nositelja kul'turno-jazykovyh cennostej [Blog as the sphere of the stereotypical cultural and linguistic values (pp. 25–33)]* // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. 3(19). (in Russ.).
- Kudryashov I.A., Kalashnikova A.A. (2015). *Verbal'no-semantičeskij uro-ven' funkcionirovanija jazykovoĳ lichnosti v internet-kommunikacii [Verbal and semantic level of the language personality functioning in the internet-communication (pp. 24–31)]* // Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki. 2015. (17). (In Russ.).
- Makarov Ju.N. (2016). *Internet-blog kak jelement global'noj seti [Internet-blog as an element of the global net (pp. 39–40)]* // Gumanitarnye, social'no-jeconomichekie i obshhestvennye nauki. 1–2. (In Russ.).
- Maksimova T.O. (2017). *Blog v internet-kommunikacii: struktura, funkcii, literaturnyj potencial [Blog in internet-communication: structure, functions, literary potential (pp. 124–131)]* // Vestnik Cherepovečskogo gosudarstvennogo universiteta. 1(76). (In Russ.).
- Mann W.C., Matthiessen Ch.M.I.M., Thompson S.A. (1992). *Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses of a Fund-Raising Text*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, pp. 39–78.
- Marcu D. *Building up Rhetorical Structure Trees (1996)* // Proceedings of 13-th National Conference on Artificial Intelligence. Portland, Oregon, Vol. 2, pp. 1069–1074.

- Panina T.S., Tatarnikova V.S. (2017). *Blog kak osobyj zhanr internet-kommunikacii [Blog as a peculiar genre of internet-communication* (pp. 89—91)] // *Nauka segodnja: opyt, tradicii, innovacii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Vologda: «Disput». (In Russ.).
- Salihova Ju.R. (2011). *Blog i internet-dnevnik: sootnoshenie ponjatij [Blog and internet-diary: correspondence of notions* (pp. 171—172)] // *Intellekt. Innovacii. Investicii*. 1. (In Russ.).
- Senchenko N.A. (2015). *Blog kak sposob narrativnogo konstruirovaniya identichnosti v uslovijah setevoj kul'tury [Blog as a way of narrative constructing the identification in the conditions of the web culture* (pp. 100—102)] // *Evrazijskij sojuz uchenyh*. 1—2. (In Russ.).
- Shaklejn V.M. (2011). *Differenciacija russkogo jazyka v uslovijah novyh informacionnyh tehnologij [Differentiation of the Russian language in the conditions of new information technologies* (pp. 52—55)] // *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika i pedagogika. 2011. 1. (In Russ.).
- Shaklejn V.M. (2013). *Sovremennaja paradigma lingvokul'turologicheskikh issledovanij [Contemporary paradigm of lingual and cultural investigations* (pp. 6—12)] // *Vestnik Rossijskogo universiteta Druzby Naro-dov*. Serija: Russkij i inostrannyj jazyki i metodiki ih prepodavaniya. 1. (In Russ.).
- Shaklejn V.M., Bozhenkova N.A. (2006). *O nekotoryh sposobah sozdaniya vozmozhnyh lingvokul'turnyh universonov [On some ways of creating the possible lingual and cultural universes* (pp. 202—210)] // *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Jazyk i literatura v mirovom soobshhestve. 9. (In Russ.).
- Shmakov A.A. (2011). *Vzaimodejstvie pol'zovatelej v blog-kommunikacii: ritoriko-pragmaticeskij aspekt [Users' interaction in blog-communication: rhetorical and pragmatic aspect* (pp. 340—343)] // *Social'nye varianty jazyka*. 7. (In Russ.).
- Tarasenko T.V. *Blog i grazhdanskije media [Blog and the civil media* (pp. 50—53)] // *PR i reklama: tradicii i innovacii*. № 7—1. (In Russ.).
- Zhitenev A.A. (2012). *Blog kak prozaicheskaja forma: puti transformacii narrativa [Blog as a prosaic form: Ways of transforming the narrative* (pp. 25—35)] // *Pamjat' i narrativ*. Voronezh: Nauka-Junipress. (In Russ.).
- Zhivoj Zhurnal Britancevoj [Britantseva's Live Journal]. Retrieved September 25 2017 from: // <http://britantseva.livejournal.com/15657> (In Russ.).

Article history:

Received: 11.09.2017

Accepted: 16.10.2017

For citation:

Kovtunen I.V. (2018) Rhetorical relations of contrast in the blog text: marking means, semantics, functions. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 63—90. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90

Bio Note:

Kovtunen Inna Victorovna, candidate of philological science, head of the Russian language for foreign students department, Southern Federal University. *Research interests*: text linguistics, literary and virtual text pragmatic analysis, cognitive poetics, Russian functional and semantic syntax, Russian as a foreign language methodology. The author of more than 20 scientific publications. *Contact information*: iv.kovtunenko@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-91-108

УДК 808.5

ДИСКУРСИВНАЯ ЭТИКА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ РЕЧЕВОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

З.И. Курцева, Е.Л. Ерохина

Московский педагогический государственный университет
Малая Пироговская ул., 1, стр. 1, Москва, Россия, 119991

Актуальность данной статьи проявляется в том, что философская проблема дискурсивной этики рассматривается с позиции коммуникативно-речевого развития и формирования личности будущего специалиста в области образования, авторами сделан акцент на коммуникативно-нравственную сторону взаимодействия партнеров. В статье уточнена связь философской дефиниции «дискурсивная этика» с областью педагогического речеведения и определена специфика *дискурсивной этики* применительно к педагогическому общению. Настоящий подход позволил соотнести все уровни дискурсивной этики (микро-, мезо- и макромораль) с *речевым поступком*, который есть отражение нравственной характеристики личности и в то же время неперемнная составляющая ситуации *эффективного* педагогического взаимодействия коммуникантов. В статье представлены основные признаки, отличающие речевой поступок от речевого действия и обоснована значимость коммуникативной категории «речевой поступок» в дискурсивной этике. Дискурсивная этика в условиях педагогического общения рассмотрена на материале исследовательского обучения школьников. В статье обосновано, что взаимодействие учителя-научного руководителя и ученика-исследователя должно осуществляться в соответствии с нормами, традициями, ценностями академической культуры. Понятие *академическая культура* уточнено применительно к школьному учебно-научному дискурсу. В статье актуализированы ценностный и этический компоненты академической культуры, которым уделяется недостаточно внимания в практике организации исследовательской деятельности школьников. Представлена модель речевой личности учителя-научного руководителя, которая положена в основу разработки и реализации учебного модуля, направленного на формирование и развитие коммуникативной компетенции студентов педагогического университета как будущих организаторов исследовательской деятельности школьников.

Ключевые слова: дискурсивная этика, речевой поступок, коммуникативно-нравственное развитие, академическая культура, культурно-речевая среда, речевая личность будущего учителя

Введение

В современной образовательной системе третьего тысячелетия оказались проблемными вопросы, связанные с недостаточным вниманием к коммуникативно-речевому и духовно-нравственному развитию личности. В связи с этим в данной статье делается акцент на речевую личность педагога, его речевые поступки (РП) как коммуникативного лидера. Подтверждением актуальности этой проблемы служит также и то, что возникли идеи принятия профессионального стандарта педагога, разработки кодекса чести ученого и др.

Общеизвестно, что деятельность учителя, воспитателя, преподавателя, руководителя образовательного учреждения относится к профессиям повышенной речевой ответственности. Авторы педагогических, философских, лингвистических, речеведческих исследований¹ обращаются к вопросам речевого взаимодействия участников коммуникации, в частности учителя и учащихся, значимости роли педагога в создании комфортных условий для «выращивания» (выражение А.А. Леонтьева) обучаемого, однако проблема *дискурсивной этики*, в основе которой лежат *речевые поступки* участников коммуникации (а не речевые действия! — это авторская принципиальная позиция), в образовательной системе специально не рассматривалась.

Крайне важной в эпоху глобализации является готовность будущего специалиста ориентироваться в потоке научной информации, в проблемах современного мира, отстаивать нравственные нормы и принципы, а также быть готовым осуществлять коммуникативную деятельность в иной культурно-речевой социальной среде, учитывая национальную специфику адресата.

Рассматривая дискурсивную этику как «этику идеальной языковой ситуации», основанную на нормах коммуникации, ученые полагают, что только коллективная ответственность за поступки будет способствовать эффективному решению глобальных проблем и вызовов современности (Апел К.-О. 1988).

Назарчук А.В. вслед за К.-О. Апелем отмечает, что понятие дискурсивной этики отражает «корни всех этических отношений, а главное, решение этических проблем, следует искать в дискурсе и коммуникации субъектов» (Назарчук 2002: 21). При этом делается акцент на аргументированном дискурсе: К.-О. Апель дискурсивную этику соотносит именно с аргументированным дискурсом как особой областью коммуникации (Апел К.-О. 1988).

Идея дискурсивной этики крайне важна для нас, поскольку речевой поступок личности, отражающий речевое поведение коммуниканта, осуществляется в дискурсе, в котором, по К.Ф. Седову, явно прослеживается этический компонент, соблюдение или несоблюдение принципов кооперации (Седов 2003: 197).

Проблема речевого поступка, несмотря на то что существуют немало работ, предметом которых является данное понятие, остается актуальной с точки зрения выявления существенных признаков *речевого* поступка и его отличия от речевого действия: исследователи эти понятия не различают (Михальская 1996, Гольдин, Дубровская 2002, Шмелева 2003 и др.).

Интересным ракурсом изучения дискурсивной этики в педагогическом общении служит анализ особенностей взаимодействия учителя и ученика в процессе организации исследовательской деятельности школьников. Исследовательское

¹ Авторы педагогических исследований: Е.И. Артамонова, Л.П. Илларионова, И.Л. Федотенко и др.; философских, психологических: К.-О. Апель, Р.Г. Апресян, В.П. Болотов, М.Л. Гаспаров, С.В. Голубков, А.А. Гусейнов, О.Г. Дробницкий, Г. Йонас, Л.В. Максимов, А.В. Назарчук, И.В. Пешков, Ф.А. Селиванов, А.П. Скрипник, С.В. Соловьёва и др.; лингвистических, речеведческих: Л.Г. Антонова, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, К.Ф. Седов, А.П. Сквородников, В.Б. Черник и др.

обучение подробно рассмотрено в трудах педагогов, психологов и методистов¹, однако сегодня необходимо осмыслить его с позиции философии образования. Необходимо определить сущность этого феномена в образовании, его место в системе образовательных парадигм, его культурологическую основу. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть коммуникативный аспект исследовательского обучения, охарактеризовать условия, правила, нормы, ценности взаимодействия субъектов исследовательской деятельности.

Цель

Основные цели данной статьи следующие:

- уточнить связь философской дефиниции «дискурсивная этика» с областью педагогического речеведения и определить специфику дискурсивной этики применительно к педагогическому общению;
- обосновать значимость коммуникативной категории «речевой поступок» в дискурсивной этике педагогического взаимодействия и представить основные признаки, отличающие речевой поступок от речевого действия;
- выявить и описать специфику дискурсивной этики в ситуации исследовательского обучения;
- охарактеризовать речевую личность учителя-научного руководителя, прежде всего в аспекте реализации им нравственно-этических норм академической культуры в процессе взаимодействия с учеником-исследователем.

Материалы и методы

Для исследования дискурсивной этики и реализации речевых поступков личности будущего учителя в процессе педагогического общения, а также в ситуации взаимодействия субъектов исследовательского обучения были использованы теоретические методы: изучение, анализ и сравнительный анализ философской, культурологической, психолого-педагогической, речеведческой, методической литературы, лексико-семантический анализ речеведческих терминов, а также диагностические методы: опрос и анкетирование учителей, школьников, студентов; беседы (с протоколированием) с учителями-научными руководителями и учащимися-исследователями; анализ устных и письменных текстов, созданных субъектами исследовательского обучения; анализ экспертных протоколов научно-практических конференций школьников; изучение и обобщение педагогического опыта.

Результаты

Опираясь на труды ученых, рассматривающих дискурсивную этику как философское понятие (Ареп К.-О. 1988, Назарчук 2002, Ситникова 2008 и др.), авторы экстраполировали данный термин в образовательную среду и пришли к заключению, что *дискурсивная этика в процессе педагогического взаимодействия пред-*

¹ Н.Г. Алексеев, С.Г. Воровщиков, А.О. Карпов, М.В. Кларин, А.В. Леонтович, А.С. Обухов, А.Н. Подъяков, Е.С. Полат, А.И. Савенков, Г.К. Селевко и др.

писывает участникам общения соблюдение этических, коммуникативно-нравственных норм и стремление к созданию идеальной языковой и речевой ситуации, транслятором которой прежде всего является педагог и его речевые поступки.

Дискурсивная этика, направленная на эффективное общение коммуникантов, стратегической задачей которых служит установка на сотрудничество, кооперативное речевое взаимодействие (Апел К.-О. 1988), предполагает решение нравственных проблем благодаря лично ответственным *речевым* поступкам участника диалога. Основы поступка (вербального и невербального) — *нравственность и ответственность.*

В понимании авторов «*речевой поступок — это намеренно созданное высказывание, отражающее нравственную позицию коммуниканта, цель которого — воздействовать на адресата (в том числе и на себя) в кризисной ситуации общения (повлиять на мнение, на отношение к чему-либо или кому-либо, на принятие решения и т.п.)*» (Курцева 2011: 26).

В настоящей статье представлены результаты исследования дискурсивной этики в пространстве академической культуры: уточнено определение понятия *академическая культура* и конкретизировано его наполнение применительно к исследовательскому обучению школьников; дана характеристика культурно-речевой среды, необходимой для формирования и развития нравственно-ценностной составляющей речевой личности субъекта исследовательского обучения; описаны важнейшие приемы и способы инкультурации субъектов исследовательского обучения; представлена трехуровневая модель речевой личности учителя-научного руководителя.

Обсуждение

Для дискурсивной этики характерны установка на нормотворчество, предполагающее включение универсальных коммуникативно-речевых механизмов этического содержания в процессе взаимодействия коммуникантов (Назарчук 2002: 23); внутренняя потребность личности моральной самооценки; по словам К.-О. Апеля, способности разумного познания и понимания принципа благого и должного, а также преодоление в коммуникации монологического характера (Апел К.-О. 1998) и готовность к эффективному диалогу.

Теория трех измерений морали, предлагаемая К.-О. Апелем в дискурсивной этике, имеет непосредственное отношение к речевому поступку. Философ выделяет первый уровень морали как микромораль, включающую в себя такие морально-нравственные законы, которые являются непреложными и соблюдаемыми человеком независимо от времени (мораль заповедей). Мезомораль, по Апелю, имеет другой уровень: если в первом случае имелись в виду так называемые «ближние», то мезомораль характерна процессу коммуникации представителей различных сообществ и институтов (например, ответственность политика, руководителя за общественное благополучие в государстве) (Апел К.-О. 1998, Назарчук 2002). Вспомним идеи Аристотеля, который ратовал за высоконравственного государственного деятеля.

Следующий, самый высокий уровень морали — макромораль, суть которой сводится к ответственности личности за судьбу всего человечества, причем эта

ответственность не ограничивается одним поколением, одной эпохой, предполагается готовность личности достойно противостоять глобальным кризисам, вызовам и угрозам (Назарчук 2002: 24–25). Не случайно К.-О. Апель подчеркивает особую значимость этого уровня морали: «Общая экологическая судьба должна наполнить жителей Земли чувством солидарности, подобном чувству сидящих в одной лодке, и побудить к тому, чтобы подчинить все различные интересы общему интересу выживания» (Апель К.-О. 1998, Назарчук 2002: 25).

Идеи философов (Апель К.-О. 1988, Назарчук 2002, Хаузер 2008) приводят к мысли о том, что крайне важно на современном историческом этапе сделать акцент на планетарной макроэтике, этике ответственности.

Не менее актуальна идея М. Хаузера о *моральной грамматике*, которая дает возможность освоить какую-либо моральную систему точно так же, как овладеть чужим языком, при этом у человека возникает чувство отчетливого осознания того, что представители разных культур и народов понимают друг друга (Хаузер 2008: 589).

В ситуации педагогического общения установка на дискурсивную этику выражается в том, что личность педагога служит примером человека, готового и умеющего строить оптимальные отношения внутри определенной группы (учащихся, коллег, родителей), а также способного понимать, что, транслируя знания и воспитывая учащихся, он фактически выполняет особую миссию, становясь посредником между прошлым, настоящим и будущим, что всецело соответствует теории трех измерений морали К.-О. Аделя.

И, вне всякого сомнения, определяющее значение в дискурсивной этике имеет речевой поступок, который наряду с речевым актом и речевым действием является составляющей речевой деятельности. В процессе исследования данных дефиниций, используемых современными учеными, оказалось, что понятие речевого поступка — абсолютный синоним речевого акта, речевого действия, речевого события.

В частности, авторы отмечают, что в неориторике и прагматике *речевой акт*, *речевой поступок* и *речевое действие* — синонимы (Михальская 1996: 56), что серия речевых актов есть словесные поступки (Шмелева 2003: 572) и в целом все целенаправленные действия коммуникантов являются поступками (Гольдин, Дубровская 2002: 7). Как видим, авторы справедливо отмечают характерные черты, присущие как речевому действию, так и речевому поступку, однако не обнаруживают характерного признака речевого поступка, проявляющегося прежде всего в нравственной смысловой наполненности, что и отличает РП от речевого действия.

Ту же картину наблюдаем и в речеведческих словарях, в которых речевой поступок представлен как проявление речевой деятельности (Матвеева 2003), или трактовка этой дефиниции вовсе отсутствует (Педагогическое речеведение. Словарь-справочник 1998, Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник 2003, Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник 2005), но чаще всего речевой поступок включен в словарную статью в целях толкования других понятий (речевое действие, речевой акт, речевое событие).

Проведенные наблюдения над лексемами *действие* и *по поступок* с точки зрения их сочетаемости с другими частями речи показали, что в словосочетаниях существительное «*по поступок*» с оценочными прилагательными-определениями явно выражены этические коннотации, например: *по поступок хороший, честный, низкий, подлый* и др. (Словарь сочетаемости русского языка 1983). Следовательно, приведенное обоснование отличия *по поступка* от *действия* отчетливо демонстрирует сущность речевого *по поступка*, который напрямую связан с нравственной стороной речевой деятельности личности.

Совершающие речевые *по поступки* всегда воздействуют на других, в результате могут измениться как взгляды, так и взаимоотношения участников коммуникации определенного социального круга. Размышления Н.И. Жинкина довольно точно отражают идею исследовательского обучения и роли педагога-наставника в процессе взаимодействия с учениками: «Мысль вырабатывается не отдельным человеком, а в совместной человеческой деятельности. Для того чтобы участвовать в дальнейшей разработке некоторой системы мыслей, необходимо результаты интеллектуальной работы одного человека “транспортировать” в голову другого. Таким “транспортёром” мысли является язык, а его реализатором — речь» (Жинкин 1998: 149).

Учитель, наставник возлагает на себя ответственность за совершенный речевой *по поступок*, всегда осуществляет оценку его, самоанализ, речь педагога служит образцом, примером для учеников, воспитывая в них как общую культуру личности, так и культуру мысли, культуру речевого «*по поступления*».

Воздействующая сила речевого *по поступка* проявляется в умелой и уместной аргументации, т.е. ее эффективность предопределяет, насколько учитываются динамические процессы определенной речевой ситуации, а также социальные взаимоотношения коммуникантов, в частности восприятие адресатом речевых действий говорящего (Гусейнов 2002: 16). Как правило, об удачном аргументировании можно говорить только в том случае, если адресат будет убежден.

Таким образом, можно утверждать, что конститутивными признаками речевого *по поступка* есть прежде всего *этическая основа*, его *воздействующая (со стратегией на взаимодействие)* функция и выбор коммуникантом эффективных действий (вербальных и невербальных) в *ситуации проблемного общения*.

Для выявления уровня коммуникативно-нравственной культуры личности будущего учителя авторы определили три критерия, которые предполагают

— во-первых, осознанную опору на полученные студентами знания о речевом *по поступке* в различных коммуникативных ситуациях;

— во-вторых, способность студентов (на первоначальном уровне) находить наиболее удачные варианты речевого поведения учителя, используя этически организованные речевые жанры;

— в-третьих, потенциальную психологическую готовность будущих учителей применять в реальной коммуникативной ситуации не только свои знания о речевом *по поступке*, но и главное — умения строить эффективный диалог с вероятным адресатом (Курцева 2011: 40—41).

Значительную роль в развитии личности будущего учителя, его общей культуры играют проблемные коммуникативно-нравственные задачи, цель которых

найти оптимальный вариант решения неоднозначных коммуникативных ситуаций, содержащих как реальные, так и смоделированные типичные ситуации педагогического общения.

Успех решения коммуникативно-нравственных задач зависит от того, насколько будущий учитель готов проанализировать представленную ситуацию с точки зрения условий, мотива коммуникативной ситуации, цели ее участников, используемых ими вербальных и невербальных средств общения; удастся ли студенту прогнозировать результат, к которому может привести сложившаяся коммуникативная ситуация; и может ли будущий учитель сделать выбор наиболее приемлемого в данной ситуации варианта речевого поведения (вид речевого поступка, речевой жанр) для достижения цели и получения достойного результата в процессе обсуждаемой нравственной проблемы, возникшей спонтанно либо предложенной предварительно.

Включение в процесс обучения будущих учителей коммуникативно-нравственных задач можно сравнить с «этической гимнастикой» (выражение И. Канта), так как подобные упражнения являются своеобразной «тренировкой» характера личности, способной поступать согласно принятому решению, ориентированному на достижение консенсуса. В качестве таких коммуникативно-нравственных задач использовались «ситуации неопределенности и риска», что вызывало интерес со стороны студентов, активизировало их как речевую деятельность. Кроме этого, авторы стремились учитывать интересы учащихся, связанные с их будущей профессиональной деятельностью.

Речевой поступок личности, транслирующий дискурсивную этику педагогического общения, в целом отражает особенности той социальной среды, в которой человек пребывает, развивается. Крайне важно, чтобы будущий учитель понимал, что он не есть единично взятый субъект, что «все словесное в поведении человека (равно и внешняя и внутренняя речь) <...> принадлежит не ему, а его социальной группе (его социальному окружению)» (Бахтин 1993: 85).

Реалии современного образовательного процесса свидетельствуют о том, что дискурсивная этика способна, словно магнит (воспользуемся ярким сравнением А.А. Гусейнова), создавать поле напряжения, притягивающее речевые и неречевые поступки (Гусейнов 2002). Иначе говоря, речевые поступки участника определенной социальной группы значительно влияют на речевые поступки его окружения (в нашем случае — это влияние РП учителя на речевые поступки обучаемых), на представление о нравственном и безнравственном и в результате — на стиль жизни. По справедливому утверждению Ю.В. Рождественского, речь имеет непосредственное отношение к общественному прогрессу, именно в речи проявляется то, каковы правила этоса (моральные и нравственные правила, административные установления и законы) в данном обществе (Рождественский 1995: 8–9).

Дискурсивная этика и ее реализация в речевом поступке особым образом проявляется в условиях исследовательского обучения — в пространстве академического курса.

Авторы разделяют убеждение тех коллег, которые предлагают рассматривать исследовательское обучение широко, не ограничивая его задачей отобразить и под-

готовить перспективных учеников к профессиональной научной деятельности. Об элитарности исследовательского обучения говорит, в частности О.А. Карпов (Карпов 2011). В широком понимании исследовательское обучение — это процесс формирования у всех обучающихся общеобразовательной школы поисковой активности, потребности в реализации познавательного интереса, развития умения пользоваться исследовательским методом познания жизни (Савенков 2007).

В то же время авторы понимают исследовательское обучение не как совокупность исследовательских методов, применяемых время от времени в ходе традиционных уроков или учебных занятий, и тем более не как организацию исследовательской деятельности школьников с сугубо прагматичными целями (получение грамоты на научно-практической конференции), а как особый вид обучения.

В настоящей статье актуализирован ценностно-смысловой аспект этого обучения, которому, к сожалению, уделяется недостаточное внимание в специальной педагогической литературе и в практике обучения школьников исследовательской деятельности.

С философско-методологических позиций исследовательское обучение — это приобщение обучающихся к основам академической культуры: системе ценностей, норм, правил, образцов поведения, способов деятельности, принципов общения, основанной на педагогически адаптированном опыте научной познавательной деятельности (Ерохина 2015-2: 298).

Сделаем акцент на важном для настоящего исследования утверждении: формирование и развитие академической культуры актуально не только для учащихся-исследователей, но и для учителей-научных руководителей. Речевое поведение научного руководителя является тем образцом, без которого невозможно приобщение ученика к академической культуре. Поэтому в содержание курсов педагогической риторики для бакалавров и магистров педагогического университета (будущих учителей) включен модуль «Академическая культура субъектов исследовательского обучения».

Отталкиваясь от трехуровневой модели культуры (М.С. Каган), авторы определяют *когнитивный* уровень академической культуры как знание о традициях и способах познавательной деятельности в ситуации исследования, владение нормами проведения научного исследования и фиксации его результатов; *операциональный* уровень — как совокупность умений, обеспечивающих успешное взаимодействие субъектов исследовательской деятельности в ходе проведения научной работы; сегодня этот аспект академической культуры принято называть академической грамотностью — *academic literacy* (Hartley J. 2008); *ценностный* уровень — как осознание и принятие субъектами исследовательского обучения смысла и целей исследовательской деятельности, ориентация на нравственный идеал человека науки. В основе ценностного аспекта академической культуры лежат этические принципы науки, сформулированные в 1942 году Робертом Мертоном.

В работах современных исследователей императивы Мертона уточняются и развиваются. Это те ценности академической культуры, осознание которых обязательно для учащегося-исследователя: в основе научной деятельности признание

ценности истины, именно в поиске и обосновании истины цель и смысл исследования (Богатов 2008: 145); интерсубъективность научного результата, его независимость от мотивов деятельности и личности ученого (Дружинин 1997: 17); объективное отношение к собственному исследованию (в частности, признание своих ошибок и заблуждений), непредвзятая оценка результатов, полученных другими учеными (Богатов 2008: 146); понимание непрерывности научного знания: новый результат невозможен без результата предшествующего; уважение предшественника и благодарность ему (Богатов 2008: 152); стремление к Истине, Добру, Красоте как главные ценностные установки Ученого (Склярова 2006: 28).

Освоение субъектами исследовательского обучения нравственно-ценностного компонента академической культуры играет важнейшую роль в формировании их коммуникативной компетенции, так как определяет речевой идеал не только в пространстве академического дискурса, но и за его пределами. Идею о том, что культура формируется и транслируется в процессе общения, выражал Ю.М. Лотман, утверждая, что культура — это форма общения, о культуре можно говорить только в такой ситуации, когда люди общаются (Лотман 1994: 5). Согласимся с утверждением Г.М. Андреевой о том, что для общения необходимы не только общая лексическая и синтаксическая система, но и одинаковое понимание коммуникантами ситуации общения, включение их в общую систему деятельности (Андреева 1999: 83). Ипполитова Н.А. называет социокультурный аспект одним из важнейших в методике обучения речевым жанрам (и шире — эффективному общению), так как жанр речи и есть компонент культуры. Создавать текст определенного жанра — значит строить свою речь в соответствии со сложившимися в определенной культуре нормами, канонами, правилами речевого поведения (Ипполитова 2012: 4).

Утверждение о сущностной связи культуры и общения легло в основу авторской идеи о том, что формирование ценностного аспекта академической культуры должно осуществляться в специально организованной коммуникативно-речевой среде, в которую, по образному определению Б.М. Гаспарова, «говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» (Гаспаров 1996: 297). Образовательная коммуникативно-речевая среда создает такое «социальное и пространственно-предметное окружение» личности, которое способно влиять на нее, создавать условия для ее развития и формировать ее по заданному образцу (Ясвин 2001: 14).

Важно погрузить ученика-исследователя в такую ситуацию «языкового существования» (Б.М. Гаспаров), в которой он, с одной стороны, постоянно испытывал бы потребность реализовывать свой познавательный интерес, открывать для себя мир, обмениваться впечатлениями, а с другой стороны, находился в совершенно определенной (академической) культурно-речевой среде: «Всякий акт употребления языка... представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта»; «важнейшей его частью является постоянное соприкосновение с другими говорящими личностями... Все поступающие извне языковые впечатления органически вырастают в языковой мир личности» (Гаспаров 1996: 10;15).

Культурно-речевая среда исследовательского обучения, как полагают авторы, состоит из трех подпространств:

– культурно-речевая среда урока, формирующаяся в том случае, если учитель использует средства диалогизации образования и исследовательские методы обучения;

– пространство внеурочной деятельности учеников-исследователей (экспедиции, конференции, форумы, работа школьных научных обществ и др.), целенаправленно формирующее академическую культуру учащихся;

– все иные формы речевого взаимодействия субъектов образовательной деятельности, если это взаимодействие основано на ценностях и традициях академической культуры.

Взаимосвязь всех уровней культурно-речевой среды обеспечивается реализацией следующих принципов: признание ценности личности каждого субъекта исследовательского обучения; субъект-субъектное взаимодействие; приоритет познавательной активности и познавательного интереса субъектов образования; осознание значения «научного стиля мышления» для постижения истины; соблюдение этических норм общения, признание и уважение научного авторитета; фасилитация как ведущий стиль педагогического общения.

Разделяя идею М.С. Кагана о том, что ценности «усваиваются переживанием, а не логическим пониманием и запоминанием» (Каган 2007: 231), и утверждение И.Я. Лернера, что «опыт ценностного отношения к изучаемому миру... может быть получен только в ходе реальных переживаний» (Лернер 1987: 65), авторы приходят к выводу: необходимы особые педагогические приемы, которые направлены на формирование нравственных основ личности обучаемых в соответствии с ценностями академической культуры.

Поэтому значительное место на занятиях по формированию коммуникативной компетенции будущих учителей-научных руководителей авторы отводят чтению, обсуждению, анализу и интерпретации текстов (прежде всего художественных), воздействуя таким образом не только на когнитивную сферу обучаемых, но и на их эмоции. Обсуждения и дискуссии дают возможность каждому студенту соотнести содержание изученного с собственными интересами, потребностями, мотивами и ценностями.

Кроме того, важную роль в инкультурации обучаемых играют образцы. Общеизвестно, что в процессе освоения культуры ее ценности и смыслы не только осознаются человеком, но присваиваются им с ориентацией на образцы поведения окружающих.

Одним из таких образцов в условиях исследовательского обучения «является речевая личность учителя-научного руководителя, стиль его общения с учеником-исследователем... Общение учителя-научного руководителя с учеником-исследователем должно не просто создавать условия для мотивации, а пробуждать собственную инициативу обучающегося в организации своей познавательной деятельности» (Ерохина 2015: 168).

Исследование авторов статьи позволило создать трехуровневую модель речевой личности учителя-научного руководителя. Первый ее уровень — осознанное владение учителем *средствами риторизации* — способами «переосмысления органи-

зации образовательного процесса как полноценного диалогового общения по канонам риторики» (Тихонов 2005: 125), причем не только на уровне ее приемов и технологий, но (главное!) на уровне осознания ее сущности, ибо диалогическое общение — единственный путь поиска и постижения истины.

Второй уровень модели — владение учителем риторикой организации *творческого взаимодействия* с обучающимися (А.А. Мурашов). Ситуация творческого взаимодействия, как утверждает А.А. Мурашов, предполагает наличие у учителя «коммуникативного вдохновения», владение учителем искусством «речевого инициирования» (Мурашов 1999: 60).

То есть, риторика организации творческого взаимодействия — не просто искусство риторизации учебного процесса, но умение, по К.С. Станиславскому, «играть своего партнера», вставить на его точку зрения, понимать его мотивы, видеть окружающее его глазами (Мурашов 1999: 225). Для этого учителю необходимо овладеть импровизационными умениями, научиться переступить через границы собственной концепции, принимать образ мысли другого (в нашем случае ученика-исследователя) в стремлении осмыслить объективный мир и дать ему оценку (Мурашов 1999: 38).

Третьим, вершинным, уровнем модели является владение учителем *фасилитационными* умениями. Коммуникативные умения учителя-фасилитатора определяются его педагогической позицией доверия к обучающемуся, признание ученика равноправным и равнозначным партнером по общению: учитель-фасилитатор, по утверждению К. Роджерса, «доверяет ученику развиваться». Именно ситуация исследования, когда ученик и учитель становятся со-искателями истины, принципиально меняет их коммуникативные роли, модифицирует суть коммуникативного лидерства учителя. К. Роджерс отмечает, что фасилитаторы не исполняют практически никаких функций учителя: фасилитаторы — «катализаторы, побудители; они предоставляют ученикам свободу и возможность учиться и, что самое важное, — учатся вместе с ними» (Роджерс 2002: 244).

Фасилитационные умения учителя определяются ядром его речевой личности, проявляющимся в естественности и открытости учителя в общении; в его способности к саморазвитию и самосовершенствованию; в эмпатии, «доверии» к ученику; в развитости механизмов внушения, заражения и подражания; в его рефлексивных умениях. Иными словами, учитель-фасилитатор должен уметь определять и принимать подлинные ценности педагогической деятельности (не подменять их практически-утилитарными, сугубо прагматичными, эгоистическими); децентрироваться с собственных личностных проблем на проблемы ученика; проектировать этапы педагогической поддержки на основе анализа определенной педагогической ситуации, особенностей ученика, объективной оценки собственных возможностей, возможностей ребенка и других участников образовательного процесса (Михайлова 1998), овладеть речевыми жанрами, не входящими в традиционный жанровый репертуар учителя: дружеская беседа, совет, дискуссия, обмен мнениями, совещание и др.

Фасилитационная позиция учителя-научного руководителя проявляется в использовании им определенных *речевых тактик* (выделены авторами на основе

системы методических приемов реализации научного альянса, подробно описанной Л.Б. Эрштейном). Речь идет о доверительной коммуникации, позитивных суждениях и поддержке, конструктивной критике, ориентации на взаимный интерес, определении оптимальной дистанции взаимодействия, дискуссии, мозговом штурме, обмене ролями между субъектами исследовательского обучения; вскрытии коммуникативных проблем и др. (Эрштейн 2011: 41—44). В ходе освоения модуля «Академическая культура субъектов исследовательского обучения» студенты решают риторические, коммуникативно-нравственные задачи, требующие использования этих тактик в процессе взаимодействия с учеником-исследователем в различных коммуникативных ситуациях. Нередко это взаимодействие приобретает проблемный характер, когда учитель-научный руководитель совершает речевые поступки для деликатного разрешения конфликтной ситуации.

Заключение

Отличительная черта современной системы образования заключается в международном культурном обмене, когда межкультурная коммуникация становится неотъемлемой составляющей процесса обучения студентов. В связи с этим теория дискурсивной этики и практическая реализация всех ее уровней оказывает значительное влияние на развитие и формирование будущих специалистов в области образования в соответствии с теми нормотворческими этическими законами, которые представляют микро-, мезо- и макромораль.

Дискурсивная этика в пространстве исследовательского обучения проявляется в готовности, способности и умении учителя-научного руководителя и ученика-исследователя осуществлять целенаправленное взаимодействие в соответствии с ценностями, нормами, правилами и традициями академической культуры.

Реалии современного социума свидетельствуют, что представители разных культур испытывают дискомфорт вследствие «различных культурно-специфических взглядов на мир» (Шаклеин 2012). В связи с этим приоритетной задачей современной теории межкультурной коммуникации является изучение коммуникативно-речевых проблем с порой на лингвокультурологию, дискурсивную этику.

Только благодаря установке личности на кооперативную коммуникативную стратегию, реализуемую в речевых поступках, возможны эффективная коммуникация и оптимальное решение определенной речевой ситуации. Моральная грамматика, осознание миссии учителя-научного руководителя в педагогическом общении, роли речевого поступка в профессиональной коммуникации, вне всякого сомнения, станут тем спасательным кругом, которым сможет воспользоваться любой студент независимо от национальной принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1999. 375 с.
Бахтин М.М. (Волошинов В.Н.). Фрейдиизм. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.
Богатов В.В. Этика в научной деятельности // Вестник ДВО РАН. 2008. № 1. С. 144—157.

- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Гольдин В.Е., Дубровская О.Н.* Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. Саратов. 2002. С. 5–17.
- Гусейнов А.А.* Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. Вып. 3. М.: ИФ РАН. 2002. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/elib/EM3_1.html (дата обращения: 09.04.2014).
- Демьянков В.З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 13–40.
- Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология. М.: ИНФРА-М, 1997. 318 с.
- Ерохина Е.Л.* Академическая культура субъектов исследовательского обучения: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2015. 426 с.
- Ерохина Е.Л.* Методологические подходы к обучению субъектов исследовательской деятельности основам академической культуры // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4. Ч. 2. С. 298–300.
- Жинкин Н.И.* Язык — речь — творчество: избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. 364 с.
- Ипполитова Н.А.* Методический аспект учения о речевых жанрах // Начальная школа плюс До и После. 2012. № 8. С. 1–4.
- Каган М.С.* Некоторые вопросы взаимосвязи философии и педагогики / М.С. Каган. Избр. тр. Т. 3. СПб.: Петрополис, 2007. С. 231–241.
- Карпов О.А.* Как организовать исследовательское обучение школьников // Народное образование. 2011. № 2. С. 36–42.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
- Курицева З.И.* Коммуникативно-нравственный аспект риторического образования: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 50 с.
- Лернер И.Я.* Человеческий фактор и функции содержания образования // Советская педагогика. 1987. № 11. С. 60–65.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб.: Искусство-СПб., 1994. 758 с.
- Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта; Наука, 2003. 432 с.
- Михайлова Н.Н.* Квалификационные требования к педагогу, работающему в сфере педагогической поддержки // Народное образование. 1998. № 6. С. 25–31.
- Михальская А.К.* Основы риторики: мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
- Мурашов А.А.* Творческое взаимодействие учителя и учащихся: риторическое обеспечение: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 372 с.
- Назарчук А.В.* Этика глобализирующегося общества. М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. 381 с.
- Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Изд. испр. и доп. / под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. М.: Флинта; Наука, 1998. 312 с.
- Роджерс К., Фрейберг Д.* Свобода учиться. М.: Смысл. 2002. 528 с.
- Рождественский Ю.В.* О термине «риторика» // Риторика. 1995. № 1. С. 7–13.
- Савенков А.И.* Детское исследование как метод обучения старших дошкольников // Дошкольное образование. 2007. № 21. [Электронный ресурс]. URL: http://dob.lseptember.ru/view_article.php?ID=200702117 (дата обращения: 09.04.2015).
- Седов К.Ф.* Этическая составляющая типологии культур / Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 193–201.

- Ситникова Е.И. Обоснование дискурсивной этики К.-О. Апелем // Вестник вятского государственного университета. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. № 4 (4). С. 41—45.
- Склярова А.М. Этические нормы и принципы научной деятельности. М.: БИБЛИОСФЕРА, 2006. № 3. С. 26—29.
- Словарь сочетаемости русского языка: Ок. 2500 словар. ст. / П.Н. Денисов, Н.К. Зеленова, Е.М. Кочнева [и др.]; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983. 686 с.
- Тихонов С.Е. Риторика, риторизация и общение в школе: осмысление и воплощение в период модернизации образования. М.: Прометей, 2005. 271 с.
- Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создала наше универсальное чувство добра и зла / пер. с англ. Т.М. Марютиной. М.: Дрофа, 2008. 639 с.
- Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.
- Шмелева Т.В. Речевой акт / Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 571—572.
- Эрштейн Л.Б. Научное руководство: теория, принципы, практика. СПб.: СПбГУНИПТ, 2011. 76 с.
- Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: ООО «Агентство КРПА Олимп», 2005. 960 с.
- Ясвин В.Я. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.
- Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung: Das Problem des Übergangs zur postkonventionellen Moral. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.
- Hartley J. Academic Writing and Publishing: A practical guide. London and New York: Routledge, 2008.

© Курцева З.И., Ерохина Е.Л., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.09.2017

Дата принятия к печати: 15.10.2017

Для цитирования:

Курцева З.И., Ерохина Е.Л. Дискурсивная этика как основа развития речевой личности будущего учителя // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. С. 91—108. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-91-108

Сведения об авторах:

Курцева Зоя Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и культуры речи Московского педагогического государственного университета. *Сфера научных интересов:* речевая культура личности, культура общения, речевой поступок личности, риторика и этика, педагогическая риторика, методика преподавания риторики, вопросы непрерывного риторического образования (предшкольное образование — начальная школа — основная школа — старшая школа — высшая школа — последипломное образование). Автор более 150 научных публикаций. *Контактная информация:* zikurts@gmail.com

Ерохина Елена Ленвладовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и культуры речи Московского педагогического государственного университета. *Сфера научных интересов*: риторика, педагогическая риторика, теория коммуникации, теория и методика преподавания риторики, теория и методика преподавания русского языка, философия образования. Автор более 100 научных публикаций. *Контактная информация*: lenusha@rambler.ru

DISCOURSE ETHICS AS A FOUNDATION FOR DEVELOPMENT OF THE SPEECH PERSONALITY OF A FUTURE TEACHER

Z.I. Kurtseva, E.L. Erokhina

Moscow State Pedagogical University
M. Pirogovskaya str., 1/1, Moscow, Russia, 119991

The relevance of this article is in the approach to addressing the philosophical issue of discourse ethics from the perspective of communicative development and the personality development of the future education professional. The authors emphasized the communicative and ethical part of the interaction between partners. The study presented in the article has following objectives: to clarify the relation between the philosophical definition of “discourse ethics” and the field of pedagogical speech studies and to define the specificities of discourse ethics in pedagogical communication; to justify the significance of the communicative category of “speech act” in the discourse ethics of pedagogical interaction and to present the main features that distinguish the speech act from the speech activity; to identify and describe the specificity of discourse ethics in case of inquiry based learning; to characterize the speech personality of the teacher (academic advisor) primarily through the aspect of the moral and ethical norms of the academic culture, which he exercises. The study used the following theoretical methods: examination, analysis and comparative analysis of philosophical, culturological, psychological-pedagogical, speech-study, and methodical literature, language-semantic analysis of speech terms, as well as diagnostic methods: interview and questionnaire of teachers, schoolchildren, students; conversations (recorded) with teachers (academic advisors) and students-researchers; analysis of oral and written texts created by the subjects of inquiry based learning; analysis of the expert protocols of the school scientific and practical conferences; examination and summary of pedagogical experience. As a result of the study, the authors conclude, that in the course of pedagogical interaction the discourse ethics requires the participants to observe ethical, communicative and moral standards and to aim at creating an ideal language and speech situation, which the teacher and his speech acts ultimately broadcasts. The article introduces the main features that distinguish speech act from the speech action and justifies the importance of the “speech act” communicative category in discourse ethics. As a result of the review of the discourse ethics in the dimension of inquiry based learning the definition of the concept of “academic culture” is specified with regard to school academic discourse; the definition is given to the cultural and speech environment, essential for the formation and development of the moral and value component of the speech personality of the subject of the inquiry based learning; the most important techniques and methods for enculturation of the subjects of inquiry based learning are described; the three-tier model of the teacher’s (academic advisor’s) speech personality is presented. The authors note the importance of the stated problem in connection with the expansion of cross-

cultural contacts and underline the significance of the theory of discourse ethics and its implementation at all its levels, which have an important influence on the communicative and moral development of future education professionals.

Key words: Discourse ethics, speech act, communication and moral development, academic culture, culture and speech environment, speech personality of the future teacher

REFERENCE

- Andreeva G.M. (1999). *Sotsial'naya psikhologiya*. [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ).
- Bakhtin M.M. (Voloshinov V.N.). (1993). *Freidizm*. Kommentarii V. Makhlina. [Freudism. Comments by V. Makhlin]. Moscow: Labirint Publ. (In Russ).
- Bogatov V.V. (2008). Etika v nauchnoi deyatel'nosti. *Vestnik RAN*. [Ethics in scientific activity. *Herald of the RAS*]. 1. 144—157. (In Russ).
- Gasparov B.M. (1996). Yazyk, pamyat', obraz. *Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya*. [Language, memory, image. *Linguistics of language existence*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ).
- Gol'din V.E. & Dubrovskaya O.N. (2002). Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsial'nykh vzaimodeistvii. *Zhanry rechi*. [Genre organization of speech in the aspect of social interactions. *Genres of speech*]. (pp. 5—17). Saratov Publ. (In Russ).
- Guseinov A.A. (2002). Tseli i tsennosti: kak vozmozhen moral'nyi postupok? *Eticheskaya mysl'*. [Goals and values: how is a moral act possible? *Ethical thought*. 3]. Retrieved April 9 2016 from: https://iphras.ru/elib/EM3_1.html
- Dem'yankov V.Z. (1989). Effektivnost' argumentatsii kak rechevogo vozdeistviya. *Problemy effektivnosti rechevoi kommunikatsii*. [Effectiveness of argumentation as a speech influence. *Problems of the effectiveness of speech communication*]. (pp. 13—40). Moscow: INION AN SSSR Publ. (In Russ).
- Druzhinin V.N. (1997). *Eksperimental'naya psikhologiya*. [Experimental psychology.] Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ).
- Erokhina E.L. (2015). *Akademicheskaya kul'tura sub'ektov issledovatel'skogo obucheniya*. [Academic culture of subjects of research training]. (Author's abstr. d-ra ped. diss. Moscow). (In Russ).
- Erokhina E.L. (2015). Metodologicheskie podkhody k obucheniyu sub'ektov issledovatel'skoi deyatel'nosti osnovam akademicheskoi kul'tury. [Methodological approaches to teaching subjects of research activities to the basics of academic]. *Kazan academic journal*. 4, 2. 298—300. (In Russ).
- Zhinkin N.I. (1998). Yazyk — rech' — tvorchestvo. [Language — speech — creativity]. *Selected works*. Labirint Publ. (In Russ).
- Ippolitova N.A. (2012). Metodicheskii aspekt ucheniya o rechevykh zhanrakh. [The methodical aspect of the teaching of speech genres]. *Primary school plus before and after*. 8, 1—4. (In Russ).
- Kagan M.S. (2007). Nekotorye voprosy vzaimosvyazi filosofii i pedagogiki. *Izbrannye Trudy*. [Some issues of the relationship between philosophy and pedagogy. *Selected works*. 3]. 231—241. Saint Petersburg: Petropolis Publ. (In Russ).
- Karpov O.A. (2011). Kak organizovat' issledovatel'skoe obuchenie shkol'nikov. [How to organize research training for schoolchildren. 2]. *Public education*. 36—42. (In Russ).
- Ivanova L.Yu., Skovorodnikova A.P. & Shiryayeva E.N. (2003). Kul'tura russkoi rechi. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik*. [Culture of Russian speech. *Encyclopedic dictionary-reference*]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russ).
- Kurtseva Z.I. (2011). *Kommunikativno-nravstvennyi aspekt ritoricheskogo obrazovaniya*. [Communicative-moral aspect of rhetorical education]. (Author's abstr. d-ra ped. diss. Moscow). (In Russ).

- Lerner I.Ya. (1987). Chelovecheskii faktor i funktsii sodержaniya obrazovaniya. *Sovetskaya pedagogika*. [The human factor and the functions of the content of education. *Soviet pedagogy*]. 11. 60–65. (In Russ).
- Lotman Yu.M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva*. [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the russian nobility]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb., 758 s (In Russ).
- Matveeva T.V. (2003). *Uchebnyi slovar': russkii yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika*. [Educational dictionary: russian language, speech culture, style, rhetoric]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Mikhailova N.N. (1998). Kvalifikatsionnye trebovaniya k pedagogu, rabotayushchemu v sfere pedagogicheskoi podderzhki. *Narodnoe obrazovanie*. [Qualification requirements for a teacher working in the field of pedagogical support. *Public education*]. 6. 25–31. (In Russ).
- Mikhal'skaya A.K. (1996). *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo*. [The Basics of Rhetoric: thought and word]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ).
- Murashov A.A. (1999). *Tvorcheskoe vzaimodeistvie uchitelya i uchashchikhsya: ritoricheskoe obespechenie*. [Creative interaction of teachers and students: rhetorical support]. (Author's abstr. d-ra ped. diss. Moscow). (In Russ).
- Nazarchuk A.V. (2002). *Etika globaliziruyushchegosya obshchestva*. [The ethics of a globalizing society]. Moscow: Directmedia Publ. (In Russ).
- Ladyzhenskaya T.A. & Mihal'skaja A.K. (1998). Pedagogicheskoe rechevedenie. *Slovar'-spravochnik*. [Pedagogical Speech. *Dictionary-reference*]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Rodzher K. & Freiberg D. (2002). *Svoboda uchit'sya*. [Freedom to learn]. Moscow: Smysl Publ. (In Russ).
- Rozhdestvenskii Yu.V. (1995). O termine « ritorika ». *Ritorika*. [About the term “rhetoric”. *Rhetoric*]. 1. 7–13. (In Russ).
- Savenkov A.I. (2007). Detskoe issledovanie kak metod obucheniya starshikh doshkol'nikov. *Doshkol'noe obrazovanie*. [Children's study as a method of teaching older preschoolers. *Preschool education*. 21]. Retrieved September 9 2016 from: http://dob.1september.ru/view_article.php?ID=200702117
- Sedov K.F. (2003). Eticheskaya sostavlyayushchaya tipologii kul'tur. *Problemy rechevoi kommunikatsii*. [Ethical component of the typology of cultures. *Problems of verbal communication*]. (pp. 193–201). Saratov: Sarat. Un-ta Publ. (In Russ).
- Sitnikova E.I. (2008). Obosnovanie diskursivnoi etiki K.-O. Apelem. [Rationale for the discursive ethics of K.-O. Apel. *Vestnik Vyatka State University*]. 4(4). 41–45. Kirov Publ. (In Russ).
- Sklyarova A.M. (2006). Eticheskie normy i printsipy nauchnoi deyatel'nosti. *Bibliosfera*. [Ethical norms and principles of scientific activity. *Bibliosphere*]. 3. 26–29. Moscow Publ. (In Russ).
- Denisov P.N., Zelenova N.K. & Kochneva E.M. (1983). *Slovar' sochetaemosti russkogo yazyka*. [Dictionary of compatibility of the russian language]. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russ).
- Tikhonov S.E. (2005). *Ritorika, ritorizatsiya i obshchenie v shkole: osmyslenie i voploshchenie v period modernizatsii obrazovaniya*. [Rhetoric, ritorizatsiya and communication in school: comprehension and implementation in the period of modernization of education]. Moscow: Prometei Publ. (In Russ).
- Khauzer M.D. (2008). *Moral' i razum: Kak priroda sozdala nashe universal'noe chuvstvo dobra i zla*. [Morality and Reason: How nature created our universal sense of good and evil]. Moscow: Drofa Publ. (In Russ).
- Shaklein V.M. (2012). *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii: monografiya*. [Lingvokulturologiya: traditions and innovations: monograph]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ).
- Shmeleva T.V. (2003). Rechevoi akt. *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik*. [Speech act. *Culture of Russian speech. Encyclopaedic dictionary-reference*]. (pp. 571–572) Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).

- Ershtein L.B. (2011). *Nauchnoe rukovodstvo: teoriya, printsipy, praktika*. [Scientific direction: theory, principles, practice]. Saint Petersburg: SPbGUNIPT Publ., 76 s (In Russ).
- Panov M.I. (2005). *Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika. Slovar'-spravochnik*. [Effective communication: history, theory, practice. Dictionary-reference]. Moscow Publ. (In Russ).
- Yasvin V.Ya. (2001). *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu*. [Educational environment: from modeling to design]. Moscow: Smysl Publ. (In Russ).
- Apel K.-O. (1988). *Diskurs und Verantwortung: Das Problem des Ubergangs zur postkonventionellen Moral*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Publ. (In Russ).
- Hartley J. (2008). *Academic Writing and Publishing: A practical guide*. London and New York: Routledge.

Article history:

Received: 13.09.2017

Accepted: 15.10.2017

For citation:

Kurtseva Z.I., Erokhina E.L. (2018) Discourse ethics as a foundation for development of the speech personality of a future teacher. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 91—108. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-91-108

Bio Note:

Kurtseva Zoya I., Doctor of Pedagogy, Professor, Department of rhetoric and culture of speech, Moscow state university of education. *Research interests*: speech culture of a person, culture of speech, speech act of a person, rhetoric and etic, pedagogical rhetoric, methods of teaching rhetoric, problems of continuous rhetorical education (preschool education — elementary school — secondary school — high school — university — post graduation education). Author of more than 150 scientific publications. *Contact information*: zikurts@gmail.com

Erokhina Elena L., Doctor of Pedagogics, Professor of the department of rhetoric and speech culture of MSPU. *Research interests*: rhetoric, pedagogical rhetoric, communication theory, theory and methodology of teaching rhetoric, theory and methodology of teaching Russian, education philosophy. Author of more than 100 scientific publications. *Contact information*: lenusha@rambler.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-109-123

УДК 81'37

РИСКОГЕННОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Д.В. Соловьева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, 23, Нижний Новгород, Россия, 603950

В статье исследуются медийные тексты общественно-политической направленности с позиций культуры речи. Одним из факторов рискогенности современной массовой коммуникации является экспрессивное словотворчество. Новообразования в текстах СМИ создают целый ряд коммуникативных рисков: искажают смысл информационного сообщения, порождают ненужные смысловые оттенки, затрудняют понимание текста, раздражают читателя, нарушают этические нормы и др. Медiateксты анализируются с точки зрения эффективности речевого взаимодействия адресата и адресанта. Актуальность статьи обусловлена потребностью российского общества в осмыслении возникающих коммуникативных рисков, которые зачастую становятся причиной острых социальных конфликтов. Материалы исследования могут быть использованы в разработке новых аспектов преподавания лингвистических дисциплин студентам высших учебных заведений, обучающимся по специальности «Журналистика», а также в журналистской практике при подготовке медiateкстов. Источниками словообразовательных неологизмов для исследования стали материалы общественно-политической направленности центральных российских газет.

Ключевые слова: рискогенность, коммуникативные риски, медiateкст, словообразовательные неологизмы, культура речи

Введение

Изучение языка современных средств массовой информации особенно актуально в контексте **теории культуры речи**, центральным понятием которой является понятие нормы.

«Нормы охватывают разные уровни языка» (Стрельчук 2013: 59). При этом внимание современных исследователей сосредоточено на «коммуникативных нормах и их важнейших составляющих, таких, как ориентация на ценность, этические нормы и нравственные императивы» (Лисицкая 2009: 85–89).

Концентрация усилий при изучении медiateкстов обусловлена тем, что СМИ обладают огромной силой массового воздействия: они формируют общественное мнение, создают идеологический фон, пропагандируют определенные ценности, изменяют языковую норму. Общие тенденции, происходящие в языке современной прессы, многочисленные факторы, влияющие на эти изменения, а также активные процессы в коммуникативном пространстве современного общества

рассматриваются в работах М.Н. Володиной, М.А. Кормилицыной, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, В.М. Лейчика, Л.В. Рацибурской, О.Б. Сиротининой и др.

Для современного медийного дискурса характерна повышенная оценочность, гипертрофированная воздействующая функция, усиление личностного начала: «Либерализация общественной жизни и провозглашение свободы слова породили массу конфликтов, связанных с использованием продуктов речевой деятельности. Это конфликты, порожденные вербальными оскорблениями, клеветой, распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию» (Петрова 2011).

Нарушение коммуникативных норм в текстах СМИ, обусловленное обозначенными процессами, приводит к полному или частичному непониманию высказывания адресатом. Таким образом, коммуникативное намерение говорящего оказывается нереализованным. Сбои в коммуникации включаются в поле внимания лингвистов, исследуются такие явления, как *речевая агрессия, языковой конфликт, коммуникативная неудача, лингвистическая безопасность, рискогенность современной коммуникации*.

Понятие «рискогенности» только начинает входить в сферу коммуникативистики. В частности, проблемой рискогенности коммуникации занимаются представители Саратовской лингвистической школы.

Цель исследований саратовских ученых — «обнаружение реально создавшихся рисков и выявление даже возможности их проявления» (Байкулова 2015), в связи с тем, что сегодня «речь перестает выполнять свое функциональное предназначение: из-за пронизанности рискогенностью страдает ее коммуникативная эффективность» (Сиротинина 2017: 31).

Одной из самых рискогенных сфер человеческого общения являются средства массовой информации. Сегодня меняется коммуникативная парадигма социума: носители языка формируют оценки происходящих в общественной жизни событий, в процессе коммуникации преследуют определенные цели, руководствуются личными интересами и идеями.

По мнению ученых, стремление журналистов быть ближе к читателю приводит к процессу стилистической контаминации в средствах массовой коммуникации. В СМИ наравне используются книжные, разговорные, жаргонные лексемы, стилистически разнородные конструкции, смешивается высокое и сниженное, старое и новое, разрешенное и запрещенное. Авторы текстов начинают забывать, что «употребление иностилевых элементов оправданно в том случае, когда они используются для выполнения особых прагматических функций, для создания особой экспрессии, помогающей успешнее воздействовать на массового адресата» (Кормилицына 2008: 27—28).

Оценочность становится главной стилевой характеристикой современных медиатекстов, особенно тех, которые имеют отношение к социально-политической сфере. Огромную роль в выборе тех или иных языковых ресурсов играет *коммуникативная (информационная) политика* издания. Посредством СМИ коммуникативное пространство превращается в важнейший фактор влияния на социум, сферой его языковой манипуляции.

К факторам рискогенности относятся: негативный посыл передаваемой информации (недостоверность, неопределенность, неточность, неполнота и др.), излишняя категоричность высказываний автора текста, частое и нецелесообразное использование выразительных средств языка, бездоказательные оценки. Между тем, совокупность определенных качеств речи (богатство (разнообразие), точность, логичность, чистота, выразительность (Головин 1980: 33)), при соблюдении норм литературного языка способны оказать оптимальное воздействие на адресата. Одним из факторов рискогенности является и современное медийное словотворчество.

Работы последних лет (Е.А. Земская, Е.В. Маринова, Р.Ю. Намитокова, Н.А. Николина, Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, В.Н. Шапошников и др.) указывают на глубокий интерес ученых к исследованию словообразовательных неологизмов (узуального и неузуального происхождения). Активизация словотворчества в медийной речи приводит к появлению огромного количества новообразований, которые становятся ярким экспрессивно-эмоциональным средством в текстах СМИ: «Оценочность — очевидное и закономерное свойство неологизма, обусловленное его прагматической функцией: новообразование содержит информацию не только о денотате, но и об отношении автора к нему» (Марьянчик 2006: 111). Отметим, что при изучении словообразовательных единиц наибольшее внимание уделяется их формальной стороне, описанию структурных особенностей в отрыве от содержательного аспекта словопроизводства. Между тем, отношения, которые возникают при появлении словообразовательных лексем в связанном медийном тексте, на взгляд автора, заслуживают отдельного внимания со стороны лингвистического сообщества.

В современные деривационные процессы активно вовлекаются заимствования, сниженная лексика, снижено-маркированные словообразовательные средства, деривационные модели, характерные для разговорной речи и др. Ресурс словообразования становится еще одной **речевой зоной коммуникативного напряжения**: «Чрезмерное стремление к экспрессивному «словомейкерству» не всегда уместно и не всегда положительно отражается на впечатлении адресата о статье. При создании нового «эффектного» слова журналист должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и нравственными законами» (Рацибурская 2015: 181).

Цель

Цель статьи заключается в привлечении внимания лингвистов, а также практикующих журналистов к проблеме рискогенности современной коммуникации, которая в данном случае связана с употреблением словообразовательных неологизмов. Узуальные нормы современного русского языка находятся под сильнейшим влиянием средств массовой информации, стремящихся к безграничной свободе. Современные медиатексты все больше засоряются ненужными заимствованиями, жаргонизмами, неоправданными новообразованиями и др. Возникает реальный риск обеднения системы национального языка при кажущемся обогащении. Только люди со специальной журналистской подготовкой смогут предотвратить угрозы литературному русскому языку. Материалы исследования вно-

сят вклад в дальнейшее изучение медийного дискурса и словообразовательной неологии. Они могут быть использованы в разработке новых аспектов преподавания лингвистических дисциплин студентам высших учебных заведений, обучающимся по специальности «Журналистика», а также непосредственно в журналистской практике при подготовке медиатекстов.

Методы и материалы

Источниками словообразовательных неологизмов для данного исследования стали материалы общественно-политической направленности центральных российских газет — «Аргументы и факты», «Новая газета», «Завтра», «Московский комсомолец», «Коммерсант».

В работе используются следующие **методы исследования**: теоретический анализ и обобщение научных концепций в области изучения языка СМИ, описательный и сравнительный методы, метод контент-анализа, заключающийся в выборочном изучении содержания текстового материала. Сравнительный метод предполагает сопоставление текстов печатных изданий между собой, выявление их значимых сходств и различий с точки зрения языкового представления.

Результаты

В качестве основных рисков, связанных с употреблением новообразований, можно назвать опасность **непонимания** материала или **неполного понимания, а также риск спровоцировать читательское раздражение**.

Причина подавляющего количества рискогенных элементов в текстах СМИ — нецелесообразное использование экспрессивных средств языка. С одной стороны, разнообразные выразительные средства содействуют раскрепощенному общению автора и читателя, позволяют создателю текста передать его эмоциональное состояние, реализовать воздействующую функцию, привлечь адресата, заставит его размышлять в иной ментальной плоскости. С другой стороны, неуместное, «бездумное» употребление «некодифицированной единицы» может привести к рискам взаимодействия с читателем. Неминуемо страдает качество передаваемого сообщения, оно становится неточным или неопределенным, а стремление автора обратить на себя внимание в действительности производит противоположный эффект.

Экспрессивное словотворчество может отрицательно отражаться на коммуникативном процессе, препятствовать эффективности речевой коммуникации. Для журналиста первостепенным становится желание произвести впечатление на публику, передать личное отношение к происходящему, а не сделать так, чтобы адресат полностью освоил материал. Страдает **коммуникативная прозрачность текстов СМИ** — сообщение становится недоступно или только частично доступно аудитории. Кроме того, современные журналисты зачастую не считаются с нравственными законами — многие риски связаны с **нарушением этических норм речевого поведения**. Новообразования, нарушающие словообразовательные правила и призванные привлечь массовую аудиторию, создают целый ряд взаимосвязанных коммуникативных рисков: искажают смысл информационного сообще-

ния, порождают ненужные смысловые оттенки, затрудняют понимание текста, раздражают читателя, шокируют его своей абсурдностью, нелогичностью, необоснованностью, служат средством манипулирования аудиторией.

Зачастую появление рискогенных элементов на страницах массовой печати обусловлено **характером издания**, т.е. его редакционной политикой. Как правило, стремление привлечь максимальное количество читателей снижает требования к журналистскому тексту. Также нельзя не отметить зависимость данного явления от уровня **коммуникативной компетентности** создателя текста и его морально-нравственных установок. Чтобы процесс коммуникации успешно реализовался, журналист должен видеть грань между дозволенным и недозволенным, допустимым и недопустимым: «Соблюдение журналистами этических норм особенно важно и актуально в наше время, поскольку демократизация российского общества и интеграция его в глобальное информационное пространство опережают динамику ценностных установок, которые более инерционны, связаны с бессознательным» (Байкулова 2015: 69).

Обсуждение

Новообразования нестандартной словообразовательной структуры, созданные по неузואльным словообразовательным моделям, обладают высокой степенью экспрессивности. Гибриды, созданные путем контаминации с произвольным совмещением формально тождественных частей, обладают большой семантической емкостью (значение нового слова может объединять семантику двух и более слов), вносят в текст игровое начало, привлекают аудиторию своей оригинальностью: *Трубка мира не раскуривается* (*Курилы + раскуривать*) (Коростиков 2017) — материал посвящен развитию дипломатических отношений между Россией и Японией; *Кара невестная* (*небесная + невеста*) (Плахов 2017) — автор рассуждает об общественном резонансе вокруг отечественной киноленты «Матильда»; *Товарищ Северсталин* (*Северсталь + Сталин*) (Косачева 2017) — статья о назначении врио губернатора Новосибирской области мэра Вологды — выходца из «Северстали» Андрея Травникова. Рассмотренные примеры особенно выразительны, так как авторы актуализируют определенные прецедентные ситуации — *раскурить трубку мира — заключить мирное соглашение; кара небесная — суровое наказание, возмездие; Сталин — тирания*. Заметим, что обращаясь к фоновым знаниям адресата, его культурной, исторической осведомленности, журналист обязан хорошо знать кругозор своей потенциальной аудитории. Усложненный с помощью прецедентных феноменов текст нередко доступен весьма ограниченному кругу лиц, а стремление журналиста показать свою эрудицию оказывается бесполезным и неоправданным. Подобная интеллектуализация, когда окказионализм встраивается в определенную прецедентную ситуацию, пользуется популярностью в заголовочных комплексах журналистских материалов. Так, в заголовке «*Не смеши-те наши випизны*» (Мартынов 2017) неологизм образован от иноязычной аббревиатуры VPN (англ. Virtual Private Network — виртуальная частная сеть). Данное понятие стало широко обсуждаться сравнительно недавно, поэтому часть аудитории с ним может быть незнакома. Но автор не дает никаких комментариев или

пояснений по поводу неологизма, активизируется риск полного непонимания обсуждаемой в материале проблемы и авторского к ней ироничного отношения.

Слишком сложные заголовочные комплексы могут навредить тексту, ввести читателя в заблуждение: «Журналисты не только не помогают читателю разобраться в сути дела, но фактически создают впечатление невозможности разобраться в ситуации, тем самым создавая напряжение в обществе» (Байкулова 2015: 37). При прочтении заголовка «Разводка *boy'em*» (Латынина 2017) в сознании читателя сразу возникает крылатое выражение «разедка боем», однако прямой связи между этими двумя выражениями в содержании текста не прослеживается. Кроме того, даже после прочтения объемного материала, с огромным количеством различных фактографических данных, сложно понять, почему при создании деривата используется английское существительное «*boy*», так как в статье задействовано множество политических фигур. Для читателя заголовок превращается в настоящий ребус, страдает точность формулировки авторского замысла. Позиция журналиста скорее вызовет читательское недоумение, чем отклик.

Во всех исследованиях, посвященных проблемным вопросам функционирования языка в текстах СМИ, отмечается, что общий тон современных медийных текстов — ироничный, пафосный, а подчас и агрессивный. Пропасть между журналистом и читателем увеличивается по мере усиления эмоциональной тональности текста.

Словообразовательные неологизмы в публикациях о современных общественно-политических событиях, как правило, обладают негативно-оценочной семантикой. При их создании задействованы как узуальные, так и незузуальные способы словообразования.

Ироничное, пренебрежительное отношение к освещаемому событию или явлению журналисты нередко передают с помощью диминутивных дериватов: «Впрочем, особенно смешны “обидки” Трампа на злых русских (которые, может, вмешивались, а может, и не вмешивались в выборы президента США, где Трамп одержал неожиданную и трудную победу над Хиллари Клинтон) выглядят на фоне совсем иного события» (Анпилогов 2017); «И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование “Америчкой”, столь свойственное нашей новой элите. Нам не нужна навязчивая антиамериканская пропаганда» (Костиков 2017); «Это выглядит очень специфично для нашего “толерантенького” мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем» [Тукмаков 2016]. Диминутивные номинации лиц с уничижительными суффиксами становятся эффективным средством воздействия на общественное сознание: *Штурмовички* «Почему активисты “антимайдана” и поджигатели “за Матильду” на самом деле не союзники Кремля» (Латынина 2017).

Для усиления отрицательных смысловых оттенков иногда журналист характеризует распространенные в современном медийном дискурсе неологизмы. Например, новообразования, созданные по словообразовательной модели: имя собственное + компоненты -мания, -фобия: «Возможно, потому, что *трапомания*, *трапмофобия* и прочие социально-психологические эксцессы, с его фигурой связанные, явно перехлестывают через край и внутри США, и во всем мире» (Коньков 2017).

Циничные, «стебные» интонации буквально пронизывают тексты изданий любого типа — качественного или массового, становятся приметой современно-

го медиастилия. Ярким оценочным средством выступают окказионализмы, созданные путем заменительной (субститутивной) деривации, когда в узуальных словах заменяется та или иная морфема. Чаще всего встречается замена корневой основы: «**Кадротрясение**» (ср. исходное *землетрясение*). *Почему Путин меняет губернаторов? «Судя по экспертным оценкам и по утечкам в СМИ из “осведомленных источников”, “кадротрясение” в обозримом будущем могут пережить еще 10–12 регионов»* (Отдел политики). Обсуждая злободневную и серьезную тему, а именно — ряд отставок региональных губернаторов, журналист выбирает ироничную манеру повествования, не задумываясь о том, что развязность тона может навредить качеству передаваемого сообщения. Подчеркнем, что в данном примере риск вызвать читательское недовольство снижается, так как автор использует кавычки при окказионализме, указывающие на незуальность слова. Однако чаще ерничанье современных авторов не знает пределов. Вероятно, подобная стратегия обусловлена одной из главных задач журналистики — достичь максимальной близости с массовой аудиторией: *Отдай вагон завод «“Ростех” хочет забрать у ФГК вагоны Уралвагонзавода»* (замена первой части узуального *Уралвагонзавод* на глагол повелительного наклонения) (Скорлыгина 2017).

Усилению негативной оценки освещаемого в журналистском тексте события способствуют уникальные контаминированные образования: *Пленники Киевлага (Киев + Гулаг) «Почему Украина не возвращает на родину граждан России?»* (Мирная 2017). В материале речь идет о россиянах, которые находятся в украинских СИЗО и тюрьмах, а также об отказе киевских властей от их обмена. Вопросительный подзаголовок материала во многом помогает адресату лучше понять коммуникативный замысел автора. Но стремление автора воздействовать на читательскую публику приводит к усилению категоричности медийного текста. При этом возникшее ассоциативное поле никак не поясняется, в тексте автор лишь ограничивается краткими историями о судьбах граждан России на Украине в период 2014–2016 гг.

Определенное миропонимание буквально навязывается аудитории, в сознании адресата формируется искаженная картина действительности, что может увеличить пропасть между адресатом и адресантом: *Упекуны (опекун + упечь) «Государство не вытащит семью из ловушки бедности, а заберет себе детей, превратит в залог или даже — в политический актив»* (Тарасов 2017); *Слабовики* (по образцу силовики) «“Дело Немцова”: правоохранительные органы и спецслужбы России бессильны перед “чеченскими силовиками”» (Соколов 2017); *Губернаторопад* «<...> Конечно, в этом случае “губернаторопад” нужен для того, чтобы продемонстрировать народу, что центральная власть “держит руку на пульсе” и наказует виновных» (Семин 2015). В данном случае неологизм «губернаторопад» образуется по типу сложных существительных нулевой суффиксации — *листопад*, *снегопад* и др. Односторонний взгляд на события действует на аудиторию угнетающе, приводит к росту в обществе антипатриотических взглядов, снижению уровня доверия населения к власти.

Содержание огромного количества материалов явно демонстрирует разобщенность внутри российского общества, его «конфликтогенность»: *«Про форум “национал-предателей”, состоявшийся на прошлой неделе в Вильнюсе, сказано практи-*

чески все. Запротоколировано каждое заявление. Измерен на “рукопожиметрах” уровень вражды к России» (Тукмаков 2016). В данном случае перед нами появляется новая единица измерения длины, вместо привычных сантиметров или километров. Автор редуцирует существительное «рукопожатие» и присоединяет к получившейся основе «-метр», чтобы передать негодование, направленное на участников слета российской оппозиции, состоявшегося в Вильнюсе. Возможна и другая трактовка: авторский неологизм создается путем сложения словосочетания «руки пожимать» со словом «метр» с наложением частей.

В свою очередь, сатирические выпады в сторону политических противников России способствуют консолидации общественных взглядов: *Будет Трамп-пам-пам. Что сделает новый президент, вступив в должность?* (Кожина 2017) — контаминация: *Трамп+трам-пам-пам*; *Очень страшная история* (Тарасенко 2017) — контаминация узуальных слов: *страж + страшная*. Материал о новой стратегии президента США Дональда Трампа в отношении Ирана, а именно — введение санкций против Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

Современные журналисты позволяют фамильярность не только при изложении серьезных, но и драматических событий: *Травительный падеж* (Мельман 2017). Типовое новообразование «*травительный*» воспроизводит словообразовательную структуру падежей с затемненной внутренней формой — *именительный, родительный* и др. Поводом для написания статьи стало покушение на журналистку Юлию Латынину. Авторская экспрессия, выраженная в ярком заголовке, усиливается последующим контекстуальным окружением: «*Сначала Латынину облили дерьмом. Потом опрыскали ее дом и автомобиль неизвестным газом. <...> Теперь автомобиль сгорел. Совпадение? Не думаю. <...> Ну и нужно ли тогда рвать землю, чтобы выйти на дерьмометов Латыниной? <...> Вы же сами породили эту ситуацию, эту бешеную «патриотическую» гопоту. Гопота рвет за вас поджилки, она вам социально близка, и если вы вдруг начнете ее прессовать, она же может обидеться в лучших чувствах*». Возмущение автора по поводу случившегося не оправдывает употребление грубой, бранной лексики. Он рискует вызвать этическое неприятие медиатекста. Появление на страницах массовых изданий сниженных лексем создает риск проникновения их в область литературного языка, «негласного» разрешения читателю использовать их в повседневной жизни.

Та же опасность актуализируется при создании новообразований высокой степени оценочности на базе разговорной, просторечной, жаргонной лексики: *Лжесть* (ложь + жесть (жарг.)) «*Рассерженные ученые перешли к действиям — отлавливают и награждают всех мракобесов*» (Гликман 2017); *Стройблат* (стройбат + блат (жарг.)) «*Авторитетные застройщики из Ставрополя дарят квартиры силовикам — и ничего не боятся*» (Жилин 2017); *Быдл-класс* (быдло (прост., бранн.) + класс) *поднялся с колен «Почему насилие стало нормой для российского общества»* (Малюкова, Шенкман 2017); *Колобок как метафора «Избивший журналиста футбольный хулиган хочет добазариться* (исходное жарг. *базарить* — говорить)» (Гутионтов 2017). В текстах СМИ начинает явно превалировать разговорная, жаргонная составляющая вербальной коммуникации.

Позиция, противоположная общественно-политическим воззрениям журналиста, провоцирует на страницах изданий не конструктивный диалог, а враждебность, агрессивность. Тексты перенасыщаются вербализированной негативной

информацией, нарушается всякое представление об этической и эстетической норме. Для автора важнее оказывается не информативно-номинативная функция новообразований, а функция воздействия, граничащая с манипулятивной: «*Там нет распятых мальчиков и укрофашистов это все осталось на родине и применяется для нашего неприятельного зрителя*» (Мельман 2017) — украинские фашисты; «*Казалось бы, нам давно пора перестать реагировать на каждый чих, доносящийся со стороны “прибалтийских вымиратов”, что с удовольствием трактуется нашими западными партнерами как “фантомные имперские боли”*» (Маслов 2017) *Вымираты* — результат контаминации слов *вымирать* и *эмираты*. Прямая оценка всегда рискогенна. Пренебрежительное, оскорбительное отношение к объекту повествования с огромной степенью вероятности вызовет читательское неприятие, раздражение, и, как следствие, провал коммуникации.

Особенно шокируют читателя окказионализмы, которые переключаются с узualmente-альными словами пейоративного и обценного характера: «*Стоит напомнить, что ни Киев, ни Львов, ни какой-либо иной населенный пункт вне “зоны АТО” не подвергся за эти годы ни одной атаке со стороны “российско-террористических сил”, как любят называть “майданутые” ополченцев Донбасса*» (Маслов 2017); «*Разве история множества “других” — например, вынужденных переселенцев, — не знает унижения неологизмом “Даунбасс” (даун + Донбасс), когда приходится скрывать, откуда ты родом, чтобы снять жилье или получить работу?*» (Мусафирова 2016); *К такой-то дипломатери* «*Слова Сергея Рябкова прозвучали в Сямэне как последнее китайское предупреждение американским властям*» (Колесников 2017) — междусловное наложение на основе омонимичного сходства частей слов *дипломат* + *матери*. В публикации рассматриваются дипломатические вопросы, обсуждаемые на саммите БРИКС.

Заимствованные слова включаются в сомнительные словообразовательные эксперименты, мотивированные только желанием журналиста четко обозначить свою категоричную, «непримиримую» позицию по рассматриваемому вопросу: «*Если босс пристаёт к тебе — дай пощечину. Не помогает — уйди. А если ты поощряешь это, чтобы сделать карьеру, не нужно потом рассказывать, как он тебя захарассил*» (Латынина 2017). В материале обсуждается проблема так называемого «харассмента» (англ. harassment — сексуальное домогательство). Автор образует окказиональную глагольную форму на основе не до конца освоенного русским языком заимствования. Новообразование выражает авторское презрение к объекту высказывания, однако необычная словообразовательная игра скорее препятствует пониманию журналистского замысла. Эксплуатируется агрессивный характер окказионализма, обусловленный его переключкой с обценной лексикой, что вновь поднимает вопрос об этической стороне медиатекста.

Заключение

Словообразовательные неологизмы в современном медийном дискурсе не только средство экспрессивизации текста, но и фактор его рискогенности. Изучение рискогенности словообразовательных неологизмов в медиатекстах необходимо сейчас потому, что язык масс-медиа продолжает оставаться эталонным

для современной аудитории. Однако сегодня, как показывает данное исследование, на страницах массовых изданий происходит прямое нарушение законов успешной коммуникации. Посредством СМИ обществу предлагаются неправильные, порочные образцы речевого поведения. Перенасыщенность текстов СМИ рискогенными словообразовательными элементами оказывает отрицательное влияние на речевую культуру носителей языка и на культуру общества в целом. Авторы медиатекстов должны помнить, что достоверная, объективная, легко декодируемая информация может не только достигнуть поставленной коммуникативной цели, но и способна снять социальное напряжение в обществе.

Развитие коммуникативной компетенции участников процесса общения поможет преодолеть возникающие в информационном пространстве коммуникативные риски. Перспектива изучения рискогенности современных медийных текстов видится в выработке определенных правил «гармонизирующей» коммуникации, которые будут способствовать преодолению непонимания в обществе, снижению уровня агрессии, решению социальных конфликтов и др.

Последовательное и компетентное изучение рискогенности словообразовательных единиц в медийном дискурсе в дальнейшем также позволит выработать методические рекомендации по преподаванию этого аспекта русского языка студентам гуманитарных специальностей, связанных с изучением языка масс-медиа («Филология», «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» и др.). Современные учащиеся должны быть популяризаторами грамотной, эстетичной и выразительной русской речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анпилогов А.* Киберпутин // Завтра [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/blogs/kiberputin/> (дата обращения: 01.09.2017).
- Байкулова А.Н.* Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2015. 188 с.
- Володина М.Н.* Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академический Проект, 2011. 332 с.
- Гликман Е.* Лжесть // Новая газета. 2017. № 109.
- Головин Б.Н.* Основы культуры речи: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1980. 335 с.
- Гутионтов П.* Колобок как метафора // Новая газета. 2017. № 84.
- Жилин И.* Потом он выстрелил мне в голову // Новая газета. 2017. № 57.
- Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 328 с.
- Кожина Н.* Будет Трамп-пам-пам. Что сделает новый президент, вступив в должность? // Аргументы и Факты. URL: http://www.aif.ru/politics/world/budet_tramp_pam_pam_chto_sdeltaet_novuyu_prezident_vstupiv_v_dolzhnost/ (дата обращения: 10.10.2017).
- Колесников А.* К такой-то дипломатери // Коммерсант. 2017. № 163.
- Коньков Н.* Трампутин // Завтра [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/blogs/tramputin/> (дата обращения: 10.08.2017).
- Кормилицына М.А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. научн. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 13–33.

- Коростиков М.* Трубка мира не раскуривается // *Коммерсант*. 2017. № 163.
- Косачева Т., Павлова О., Перцев А., Хамраев В., Джумайло А.* Товарищ Северсталин // *Коммерсант*. 2017. № 187.
- Костиков В.* С Европой или Штатами? // *Аргументы и Факты*. 2017. № 39.
- Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971. 265 с.
- Крысин Л.П.* Языковая норма и речевая практика // *Отечественные записки*. 2005. № 2. С. 483–497.
- Латынина Ю.* Разводка bou'ем // *Новая газета*. 2017. № 76.
- Латынина Ю.* Секс-инквизиция // *Новая газета*. 2017. № 125.
- Латынина Ю.* Штурмовички // *Новая газета*. 2017. № 104.
- Лейчик В.М.* Интеллектуализация и демократизация — противоположные тенденции в развитии современного русского языка / *Русский язык на рубеже веков: активные процессы*. М., 2003. С. 45–60.
- Лисицкая Л.Г.* Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // *Вестник Адыг. гос. ун-та*. 2009. Вып. 1. С. 85–89.
- Малюкова Л., Шенкман Я.* Быдл-класс поднялся с колен // *Новая газета*. 2017. № 95.
- Маринова Е.В.* Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. / *Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография*. М.: Флинта; Наука, 2015. С. 36–133.
- Мартинов К.* Не смешите наши випиэны // *Новая газета*. 2017. № 109.
- Марьянчик В.А.* О словаре медиа-политических неологизмов современной эпохи // *Русская академическая неография (к 40-летию научного направления)*. СПб., 2006. С. 111–115.
- Маслов А.* Лимитрофы-трансформеры // *Завтра*. 2017. № 5.
- Маслов А.* Смертный приговор «минскому процессу» // *Завтра*. 2017. № 8.
- Мельман А.* Свободу нашей «Раше!» // *Московский комсомолец*. 2017. № 27511.
- Мельман А.* Травительный падеж // *Московский комсомолец*. 2017. № 27487.
- Мирная Е.* Пленники Киевллага // *Аргументы и Факты*. 2017. № 41.
- Мусафировва О.* «Бунтуй, кохай, права не вйдавай!» // *Новая газета*. URL: <https://www.povayagazeta.ru/articles/2016/06/13/68924-buntuy-kohay-prava-ne-viddavay> (дата обращения: 10.11.2017).
- Намитоква Р.Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1986. 156 с.
- Николина Н.А.* Словообразование современного русского языка: учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 160 с.
- Отдел политики. «Кадротрясение». Почему Путин меняет губернаторов? // *Аргументы и Факты*. 2017. № 40.
- Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 160 с.
- Плахов А.* Кара невестная // *Коммерсант*. 2017. № 172.
- Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гузунава Д.В.* Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта; Наука, 2017. 168 с.
- Рацибурская Л.В.* Активные деривационные процессы в современном русском языке (на материале медийных текстов) / *Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. ст. по материалам междунар. конф. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 365–369.*

- Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М.: Флинта; Наука, 2015. 136 с.
- Семина К. Балласт // *Завтра*. 2015. № 49.
- Сиротинина О.Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // *Экология языка и коммуникативная практика*. Саратов 2017. № 1. С. 25—37.
- Сиротинина О.Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2007. Вып. 7. С. 11—25.
- Скорлыгина Н. Отдайвагонзавод // *Коммерсант*. 2017. № 170.
- Соколов С. Слабовики // *Новая газета*. 2017. № 40.
- Стрельчук Е.Н. Русская речевая культура иностранных бакалавров негуманитарных специальностей: монография. М.: Флинта; Наука, 2013. 208 с.
- Тарасенко П., Черненко Е. Очень страшная история // *Коммерсант*. 2017. № 192.
- Тарасов А. Колбаса или мать // *Новая газета*. 2017. № 5.
- Тукмаков Д. «Царь, из Литвы пришла нам весть...» // *Завтра*. 2016. № 11.
- Тукмаков Д. Схождение во ад // *Завтра*. 2016. № 30.
- Шапошников В.Н. Словообразование 1990-х / *Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 90—102.

© Соловьева Д.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.09.2017

Дата принятия к печати: 16.11.2017

Для цитирования:

Соловьева Д.В. **Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности** // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2018. Т. 16. № 1. С. 109—123. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-109-123

Сведения об авторе:

Соловьева Дарья Владимировна, аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского. *Сфера научных интересов:* словообразование, медиалингвистика. *Контактная информация:* solovyova_dariya@mail.ru

WORD-FORMATIVE NEOLOGISMS' RISKOGENICS IN MODERN MEDIA TEXTS OF SOCIAL AND POLITICAL ORIENTATION

D.V. Solovyova

Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod
av. Gagarina, 23, Nizhny Novgorod, Russia, 603950

This article is devoted to the study of media texts of social and political trend from the positions of speech culture. Expressive word creation is one of the modern mass communicational riskogenics

factors. Neologisms in media texts create a variety of communicative risks: they distort a message sense, generate unnecessary meaning shades, obstruct understanding, annoy readers, break ethic norms, etc. Media texts are being analyzed from the effectiveness of talk exchange between audience and addresser position. Timeliness of the article is caused by Russian society demand in understanding coming up communicative risks which often become a cause of mass public order disruptions. Study materials can be used for developing new aspects of teaching linguistic disciplines for academic students studying journalism and journalistic practice in writing media texts. Socially and politically trend materials of central Russian newspapers were used as sources of word-formative neologisms.

Key words: riskogenics, communicative risks, media text, word-formative neologisms, speech culture

REFERENCES

- Anpilogov A. Kiberputin. *Tomorrow*. Retrieved September 01 2017 from: <http://zavtra.ru/blogs/kiberputin/>
- Bajkulova A.N. (2015). *The risk of modern communication and the role of communicative competence in overcoming it*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ. (In Russ).
- Volodina M.N. (2011). *Language and discourse of the media in the 21st century*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ).
- Glikman E. (2017). Lzhest'. [Falseness]. *New Newspaper*, 109. (In Russ).
- Golovin B.N. (1980). *Osnovy kul'tury rechi: uchebnoe posobie. [Basics of the culture of speech: textbook]*. Moscow: Vyssh. Shkola Publ. (In Russ).
- Gutiontov P. (2017). Kolobok kak metafora. [Kolobok as a metaphor]. *New Newspaper*, 84. (In Russ).
- Zhilin I. (2017). Potom on vystrelil mne v golovu. [Then he shot me in the head]. *New Newspaper*, 57. (In Russ).
- Zemskaya E.A. (2006). *Sovremennyy russkii yazyk. Slovoobrazovanie: uchebnoe posobie. [The modern Russian language. Word formation: textbook]*. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russ).
- Il'yasova S.V. (2002). *Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazyka sovremennykh SMI. [The word-formation game as a phenomenon of the language of modern media]*. Rostov-na-Donu: RGU Publ. (In Russ).
- Kozhina N. (2017). Budet Tramp-pam-pam. Chto sdelat novyi prezident, vstupiv v dolzhnost'? [It will be Trump-pam-pam. What will the new president do when he takes office?]. *Arguments and Facts*. Retrieved October 10 2017 from: http://www.aif.ru/politics/world/budet_tramp_pam_pam_chno_sdelat_novyj_prezident_vstupiv_v_dolzhnost/
- Kolesnikov A. (2017). K takoi-to diplomateri. [To such and such a diplomat]. *Kommersant*, 63. (In Russ).
- Kon'kov, N. Tramputin. *Zavtra*. Retrieved August 10 2017 from: <http://zavtra.ru/blogs/tramputin/>
- Kormilitsyna M.A. (2008). Nekotorye itogi issledovaniya protsessov, proiskhodyashchikh v yazyke sovremennykh gazet. Problemy rechevoi kommunikatsii. [Some results of the research of processes occurring in the language of modern newspapers. Problems of speech communication]. *Interuniversity collection of scientific*. (8, pp. 13–33) Saratov. (In Russ).
- Korostikov M. (2017). Trubka mira ne raskurilivaetsya. [The pipe of the world does not smoke]. *Kommersant*, 163. (In Russ).
- Kosacheva T., Pavlova O., Percev A., Hamraev V. & Dzhumailo A. (2017). Tovarishch Severstalin. [Comrade Severstalin]. *Kommersant*, 187. (In Russ).
- Kostikov V. (2017). S Evropoi ili s Shtatami? [With Europe or the States?]. *Arguments and Facts*, 39. (In Russ).
- Kostomarov V.G. (1971). *Russian language on the newspaper page*. Moscow: MGU Publ. (In Russ).
- Krysin L.P. (2005). Yazykovaya norma i rechevaya praktika. [Language norm and speech practice]. *Domestic notes*, 2. (In Russ).

- Latynina Yu. (2017). Razvodka boy'em. [Breeding by the boy] *New Newspaper*, 76. (In Russ).
- Latynina Yu. (2017). Seks-inkvizitsiya. [Sex Inquisition]. *New Newspaper*, 125. (In Russ).
- Latynina, Yu. (2017). Shturmovichki. [Storm Trooper]. *New Newspaper*, 104. (In Russ).
- Lejchik V.M. (2003). Intellektualizatsiya i demokratizatsiya — protivopozhnyye tendentsii v razvitiu sovremennogo russkogo yazyka. *Russkii yazyk na rubezhe vekov: aktivnye protsessy*. [Intellectualization and democratization — the opposite tendencies in the development of the modern Russian language. *Russian language at the turn of the century: active processes*]. (pp. 45—60). Moscow. (In Russ).
- Lisickaya L.G. (2009). Kommunikativnye normy i lingvisticheskaya bezopasnost' sovremennykh mediatekstov. *Vestnik Adyg. gos. Un-ta*. [Communicative norms and linguistic security of modern media texts. *Bulletin of Adyghe State University*]. 1, 85—89. (In Russ).
- Malyukova L. & Shenkman Ya. (2017). Bydl-klass podnyalsya s kolen. [The pugilist rose from their knees]. *New Newspaper*, 95. (In Russ).
- Marinova E.V. (2015). *Osvoenie novykh zaimstvovaniy i soputstvuyushchie protsessy v russkom yazyke nachala XXI v. Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka*. [The development of new borrowings and related processes in the Russian language at the beginning of the 21st century. *New Trends in Russian at the Beginning of the 21st Century*]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russ).
- Martynov K. (2017). Ne smeshite nashi vipieny. [Do not mix our Vipians]. *New Newspaper*, 109. (In Russ).
- Mar'yanchik V.A. (2006). O slovare media-politicheskikh neologizmov sovremennoi epokhi. *Russkaya akademicheskaya neografiya (k 40-letiyu nauchnogo napravleniya)*. [About the dictionary of media-political neologisms of the modern era. *Russian academic neography (to the 40th anniversary of the scientific direction)*]. Saint Petersburg. (In Russ).
- Maslov A. (2017). Limitrofy-transformery. [Limitotrophs-transformers]. *Tomorrow*, 5. (In Russ).
- Maslov A. (2017). Smertnyi prigovor «minskomu protsessu». [Death sentence to the “Minsk process”]. *Tomorrow*, 8. (In Russ).
- Mel'man A. (2017). Svobodu nashei «Rashe»! [Freedom for our “Rashe”!]. *Moscow's comsomolets*, 27511. (in Russ).
- Mel'man A. (2017). Travitel'nyi padezh. [The etching case]. *Moscow's comsomolets*, 27487. (In Russ).
- Mirnaya E. (2017). Plenniki Kievlaga. [Prisoners of Kievgal]. *Arguments and Facts*, 41. (In Russ).
- Musafirova O. (2016). «Buntuy, kohaj, prava ne viddavaj!». [Buntui, okay, do not give up!]. *New Newspaper*. Retrieved November 11 2017 from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/06/13/68924-buntuy-kohay-prava-ne-viddavay>
- Namitokova R.Yu. (1986). *Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyi aspekt*. [Author's neologisms: word-formation aspect]. Rostov to Don Izd-vo Rostovskogo un-ta Publ. (In Russ).
- Nikolina N.A. (2005). *Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobie*. [Word formation of modern Russian language: textbook]. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ).
- Otdel politiki (2017). «Kadrotryasenie». Pochemu Putin menyayet gubernatorov? [“Lightning”. Why Putin Changes Governors?]. *Arguments and Facts*, 40. (In Russ).
- Petrova N.E. & Ratsiburskaya L.V. (2011). *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoi agressii: uchebnoe posobie*. [The language of modern media: means of speech aggression: textbook]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Plahov A. (2017). Kara nevestnaya. [Caranal]. *Kommersant*, 172. (In Russ).
- Popova T.V., Ratsiburskaya L.V. & Gugunava D.V. (2017). *Neology and neography of the modern Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Ratsiburskaya L.V. (2016). Aktivnye derivatsionnye protsessy v sovremennom russkom yazyke (na materiale mediinykh tekstov). Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznanija. [Active derivational processes in the modern Russian language

(based on media texts). B.N. Golovin's scientific heritage in the light of topical problems of modern linguistics]. *(to the 100th anniversary of the birth of B.N. Golovin): Collected papers on the materials of the International Conference*. N. Novgorod: DEKOM Publ. (In Russ).

- Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A. & Shumilova A.V. (2015). *Specificity of modern media word-making*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Semin K. (2015). Ballast [Ballast]. *Tomorrow*, 49. (In Russ).
- Sirotnina O.B. (2017). Chto meshaet ehffektivnosti sovremennoi kommunikatsii? [What hinders the effectiveness of modern communication?]. *Ecology of language and communicative practice*. 1, pp. 25–37. Saratov. (In Russ).
- Sirotnina O.B. (2007). Faktory, vliyayushchie na razvitie russkogo yazyka v XXI veke. [Factors affecting the development of the Russian language in the 21st century]. *Problems of speech communication*. 7, pp. 11–25. Saratov. (In Russ).
- Skorlygina N. (2017). Otdaivagonzavod. [Otdayvagonzavod]. *Kommersant*, 170. (In Russ).
- Sokolov S. (2017). Slaboviki. [Weak-fighters]. *New Newspaper*, 40. (In Russ).
- Strel'chuk Ye.N. (2013). *Russkaya rechevaya kul'tura inostrannykh bakalavrov negumanitnykh spetsial'nostey: monografiya [Russian speech culture of foreign bachelors of non-humane specialties: monograph]*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ).
- Tarasenko P. & Chernenko E. (2017). Ochen' strazhnaya istoriya. [Very terrible story]. *Kommersant*, 192. (In Russ).
- Tarasov A. (2017). Kolbasa ili mat'. [Sausage or mother]. *New Newspaper*, 5. (In Russ).
- Tukmakov D. (2016). «Car', iz Litvy prishla nam vest'...». [King, the news came from Lithuania ...]. *Tomorrow*, 11. (In Russ).
- Tukmakov D. (2016). Skhozhdenie vo ad. [Conjunction in hell]. *Tomorrow*, 30. (In Russ).
- Shaposhnikov V.N. (2010). Slovoobrazovanie 1990-h. Russkaya rech' 1990-h: *Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii*. [Word formation of the 1990s. Russian speech of the 1990s: *Contemporary Russia in linguistic representation*]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ. (In Russ).

Article history:

Received: 05.09.2017

Accepted: 16.11.2017

For citation:

Solovyova D.V. (2018) Word-formative neologisms' riskogenics in modern media texts of social and political orientation. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 109–123. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-109-123

Bio Note:

Solovyova Dariya Vladimirovna, Graduate student of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics of the Institute of Philology and Journalism of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. *Research interests*: word-formation, media linguistics. *Contact information*: solovyova_dariya@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-124-128

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА ТЕКСТА»: РЕФЕРАТ

О.А. Сенаторова

Владимирский государственный университет
ул. Горького, 87, Владимир, Россия, 600000

16–17 октября 2017 года в Сочи состоялся IV Международный педагогический форум «Текст культуры и культура текста». Организаторами форума выступили Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), Общество русской словесности, Российская академия образования, фонд «Русский мир», Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Ассоциация учителей литературы и русского языка (АССУЛ), Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Московский педагогический государственный университет, Ассоциация преподавателей живых языков (FIPLV).

В работе форума приняли участие более 600 представителей федеральных и региональных объединений русистов, преподавателей русского языка и литературы средних и высших учебных заведений, работающих как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Всего на форуме были представлены 32 страны мира, 60 регионов России, более 200 научных, образовательных и культурно-просветительских учреждений. Кроме российских специалистов в работе форума приняли участие ученые из Армении, Великобритании, Германии, Испании, Казахстана, Китая, Молдовы, США, Финляндии и других стран.

Форум проводился в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также в целях продвижения ценностей Русского мира за рубежом.

Работа форума была направлена на привлечение ведущих российских и зарубежных специалистов к совместному обсуждению педагогических проблем, выявление и анализ инновационных форм преподавания русского языка и литературы в России и за рубежом, освещение основных событий в области преподавания русского языка и литературы в мире, а также установление профессиональных связей между преподавателями русского языка и литературы.

Пленарное заседание открыл и.о. ректора РГПУ им. А.И. Герцена доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования С.И. Богданов. Он зачитал приветствие президента Российской академии образования, президента Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), президента Санкт-Петербургского государственного университета, председателя попечительского совета фонда «Рус-

ский мир», заместителя председателя Общества русской словесности, доктора филологических наук, профессора Л.А. Вербицкой, пожелавшей участникам форума плодотворной работы. С видео-приветствием к собравшимся обратилась заместитель председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец. Приветствовали собравшихся педагогов также руководитель департамента образования г. Сочи О.Н. Медведева, декан факультета повышения квалификации преподавателей РКИ Российского университета дружбы народов И.А. Пугачёв, председатель координационного совета Ассоциации учителей литературы и русского языка Л.В. Дудова.

Большой интерес на пленарном заседании вызвали доклады доктора филологических наук, профессора В.М. Алпатова (Институт языкознания РАН) «Языковая политика в современной России», и доктора философии, профессора русского языка и литературы Хельсинкского университета, вице-президента МАПРЯЛ Арто Мустайоки «Русский язык как *lingua franca*».

Дальнейшая работа форума была организована по секциям: «Текст культуры и культура текста»; «Билингвальное образование в России и за рубежом: история и перспективы»; «Система подготовки и аттестации учителя-словесника»; «Словари и современная языковая норма»; «Русский язык в международном образовательном пространстве». Отдельные дискуссионные площадки в формате круглых столов были посвящены актуальным вопросам преподавания русского языка в условиях мультилингвизма и межкультурного диалога, сочетанию традиционных и инновационных средств в обучении русскому языку, функционированию научно-методических журналов по русскому языку и литературе, а также социолингвистическим исследованиям в области русского языка.

На секции «Русский язык в международном образовательном пространстве» преподаватели русского языка обсудили существующие тенденции в преподавании русского языка в ряде зарубежных стран.

Модератором секции выступила Ван Синь, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка и литературы Пекинского университета иностранных языков. С докладами выступили Хуан Мэй, доктор филологии, декан факультета русского языка и литературы Пекинского университета; Ибраева Жанар Кулматовна, доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби; Мангус Инга, доктор педагогических наук, президент Эстонской ассоциации преподавателей русского языка и литературы; Зубрицкий Александр Николаевич, президент Азиатско-тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Сквозной темой выступлений стала тема «нового стандарта», принимаемого в ходе реформирования систем образования в разных странах.

Доклад доктора филологии из Китая Хуан Мэй был посвящен вопросу создания новой линейки учебников и методических пособий для изучения русского языка в системе среднего образования КНР. В докладе отмечалась возросшая потребность в квалифицированных русистах в Китае. Их нехватка является результатом сократившейся в последние годы подготовки преподавателей русского языка. Если в начале 1980-х годов китайские вузы ежегодно выпускали 300 тыс. преподавателей, то впоследствии их число сократилось до 70 тыс. человек, пре-

подавание русского языка в школах полностью прекратилось. В настоящее время активно развивающееся сотрудничество между Россией и Китаем диктует необходимость возвращения в учебные программы средней школы русского языка. В настоящее время почти 150 вузов Китая ведут подготовку специалистов со знанием русского языка, создаются различные, в том числе и адаптированные, учебники, но учебник для школ существует только один. Докладчик подчеркнул необходимость создания новых современных учебных комплексов. Над созданием такого комплекса работают коллективы преподавателей Пекинского университета иностранных языков, Пекинского университета, Цзинаньской школы иностранных языков, Чанчуньской школы иностранных языков, Центрального университета национальностей, Второго пекинского института иностранных языков.

Этот комплекс включает книгу для учеников с обязательным и факультативным компонентами, книгу для учителя и аудиоприложение. Материалы комплекса отражают требования нового образовательного стандарта и современной концепции образования. В качестве редакторов к работе над комплексом привлекаются российские специалисты.

О реформе образования в Казахстане и непростою выборе языка, который приходится делать многим родителям, преподавателям и руководителям учебных заведений, говорила в своем докладе доктор филологических наук Ибраева Жанар.

В Казахстане принята дорожная карта развития трехязычного образования на 2015—2020 годы. В связи с этим вопрос выбора родителями языка обучения для своего ребенка приобретает особую остроту. По результатам опроса, в русскую школу отдадут своего ребенка 39,2% родителей первоклассников, в казахскую — 31,5%, остальные родители предпочли обучение на других языках и обучение на дому.

Изменение статуса русского языка в Казахстане вызывает необходимость решения вопросов, связанных с особенностями преподавания русского языка в условиях мультилингвизма. Реформа школьного образования предполагает введение «нового стандарта» преподавания, диктует необходимость создания учебников нового поколения. Профессор Ибраева уверена, что это означает отказ от классических приемов и отработанных методик и заставляет переводить преподавание на «кембриджскую технологию», которая в существующих условиях не обещает успешного результата.

Инга Мангус, президент ЭСТАПРЯЛ, выделила три образа русского языка в современной Эстонии: русский язык как родной (изучается в русскоязычной школе), русский язык как иностранный (изучается в эстонской школе), и третий вариант — когда ребенок из русскоязычной семьи учится в эстонской школе.

Говоря об изучении русскоязычными детьми государственного языка, профессор Мангус отметила, что изучение эстонского позволяет детям получить высшее образование, так как в настоящее время высшее образование осуществляется только на эстонском языке. Это дает молодым людям возможность повысить свою конкурентоспособность на рынке труда, создает условия для успешности их социальной адаптации.

Участники форума сошлись во мнении, что система школьного филологического образования текстоцентрична: именно тексты являются главным инстру-

ментом обучения и воспитания, и их необходимо рассматривать как способ сохранения «культурных кодов» для воспитания подрастающих поколений, совершенствования их литературного кругозора. Роль научно-популярного текста в учебном процессе должна быть расширена; передача знаний должна осуществляться в рамках модели «от читающего и пишущего учителя-словесника — к читающему и пишущему ученику». Стимулировать творческую активность педагогов на данном направлении могут как частные инициативы (гранты, конкурсы), так и системные — например, открытие диссертационных советов по методике преподавания литературы, совершенствование методической культуры учителей по работе с материалами словарей, в том числе электронных.

Неотъемлемым компонентом содержательной программы каждого педагогического форума является конкурс педагогических проектов. В этом году на суд экспертов были представлены инициативы, выполненные тандемами «учитель — ученик». К очному туру конкурса было допущено 40 проектов в 4 номинациях: «человек читающий», «русский язык и риторика», «преподавание русского языка в условиях мультилингвизма», «культурно-просветительские мероприятия и пособия по русистике». Дипломы победителям конкурсной программы вручал специальный гость педфорума — председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по образованию и науке, председатель Правления фонда «Русский мир» В.А. Никонов.

На торжественной церемонии закрытия форума В.А. Никонов сказал: «Профессия педагога — тяжелый, но, наверное, самый благодатный и благодарный труд, особенно когда речь идет о преподавателях русского языка, которых собрал этот представительный форум... Русский язык звучит действительно гордо и завоевывает планету благодаря вашим усилиям».

© Сенаторова О.А., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.12.2017

Дата принятия к печати: 20.12.2017

Для цитирования:

Сенаторова О.А. IV Международный педагогический форум «Текст культуры и культура текста»: реферат // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2018. Т. 16. № 1. С. 124–128. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-124-128

Сведения об авторе:

Ольга Анатольевна Сенаторова, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой русского языка как иностранного Владимирского государственного университета. *Сфера научных интересов*: лингвострановедение, лингвокультурология, лингвокультурная и социокультурная адаптация иностранных учащихся, межкультурная коммуникация. Автор более 50 научных публикаций. *Контактная информация*: senatorova-olga@mail.ru

Article history:

Received: 08.12.2017

Accepted: 20.12.2017

For citations:

Senatorova O.A. (2018) International Pedagogical Forum “Text of the Culture and Culture of the Text”. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 124–128. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-124-128

Bio Note:

Senatorova Olga A., Ph.D. of Pedagogy, Head of Russian as a foreign language department of Vladimir State University. *Research interests*: linguistic culture studies, linguoculturology, lingvocultural and sociocultural adaptation of foreign students, intercultural communication. Author of over 50 scientific publications. *Contact information*: senatorova-olga@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-129-132

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ РУСИСТОВ «БРАТИСЛАВСКИЕ ВСТРЕЧИ ПОД ТАТРАМИ»: РЕФЕРАТ

М. Буйняк

Школа и гимназия для одаренных детей
ул. Теплицкая, 7, Братислава, Словакия, 831027

24–27 октября 2017 г. в г. Ружомбероке (Словакия) состоялся VII Международный Форум русистов «Братиславские встречи под Татрами». Он был организован ассоциацией русистов Словакии (АРС) в сотрудничестве с посольством Российской Федерации в Словацкой Республике, Российским фондом культуры, Российским центром науки и культуры в Братиславе, Фондом «Русский мир», Российским университетом дружбы народов в Москве и Католическим университетом в Ружомбероке.

В Форуме приняли участие ученые из разных стран мира: России, Австрии, Германии, Чехии, Венгрии, Польши, Литвы, Латвии, Болгарии, Сербии и Великобритании.

Цель конференции заключалась в разработке концепции создания новых учебников русского языка для учащихся в условиях отсутствия языковой среды.

Как отмечали организаторы конференции, система образования третьего тысячелетия требует новых подходов к обучению иностранному языку. В европейском контексте и пространстве Европейского Союза Европейская комиссия поставила перед собой цель: содействие языковому обучению и языковому разнообразию в Европе в целях улучшения базовых языковых навыков. В сообщении 2008 года «Многоязычие: обмен иностранной валюты для Европы» явно выражен приоритет: помощь странам Европейского союза в разработке новых учебных инструментов для обеспечения языковых навыков в период окончания обучения в школе. Цель состоит в том, чтобы продвигать знания более чем одного иностранного языка, что должно привести к повышению шансов на рынке труда. Желание Европейского союза быть единым в разнообразии является основой всего европейского проекта. Это также включает гармоничное сосуществование многих языков в Европе, которые могут связывать людей, делать иностранные языки доступными для других стран и культур, давать им возможность лучше понимать друг друга.

В этом духе Ассоциация русистов Словакии поставила вопрос о посредничестве в преподавании русского языка в качестве второго иностранного языка.

Одним из основных инструментов посредничества служит учебник. Существуют два типа учебников для обучения иностранному языку: универсальные учебники, по которым ученики учатся языку и культуре, а также национальные учебники, по которым можно получить знания языка через «культурный диалог».

В Словакии созданы национальные учебники русского языка для 5, 6, 7, 8 и 9 классов (авторы Э. Ковачикова и В. Глендова), а также для средних школ «Встречи с Россией» (авторы Э. Колларова и Л.Б. Трушина). С момента их публикации прошло много лет. Поэтому участники Форума должны были решить следующие вопросы.

1. Какой учебник лучше: универсальный или национальный?
2. Вектор движения: новая дидактика — новый учебник — новый учитель.

В рамках Форума были организованы круглые столы.

Круглый стол № 1 вели Ирина П. Лысакова, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. Герцена в Санкт-Петербурге, автор около 500 научных трудов и десятков учебно-методических материалов, и Лилия Л. Вохмина, член кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. Пушкина, автор учебника «Русский класс». В настоящее время этот учебник доступен бесплатно для учеников и учителей Словакии благодаря поддержке Посольства Российской Федерации в Словацкой Республике.

Проф. Лысакова затронула проблематику написания учебника для возрастной целевой аудитории (возраст 11—14 лет). Коллектив авторов должен включать преподавателей университетов, людей разных поколений, носителей языка и культуры, представителей национального языка.

Лилия Л. Вохмина подняла вопрос о социальном заказе на новый учебник для получения поддержки со стороны Министерства образования, для разработки концепций новых форм учебника, будь то учебник для каждого школьного класса или учебник по уровню европейской нормы владения языком, которая должна связать русский как иностранный язык и родной язык учащегося.

Прозорова О., генеральный директор дошкольной академии «Топ-Топ», представила участникам Форума журнал для дошкольников и их родителей «Топ-Топ». Директор издательства «Русский язык» С.Ю. Ремизова предложила книгу «Диалог культур», в которой рассмотрена аналогия русской и европейской культур, а также книгу «Русский сувенир», в которой напечатаны короткие тексты, примеры бытовой лексики, диалогическая речь, грамматика.

Участники Круглого стола № 2 рассматривали тему: «Учебник для подростка (5—18 лет, В1—В2)». Ведущими стали Президент АРС проф. Э. Колларова, автор учебников «Встречи с Россией», и В.В. Прозоров, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Архангельская Э.М. из Латвии поддержала идею создания авторских коллективов. Она также отметила, что учебник должен развивать самостоятельность ученика и быть национально ориентированным. Вегвари В. из Печского университета проанализировала ситуацию с русским языком в Венгрии, где русский язык можно изучать в гимназиях и проводить обучение только по национально ориентированному учебнику «Шаг за шагом». Наумович Г. из Сербии показала фильм «Русские беженцы в Сербии», созданный сербскими студентами и поре-

комендовала посмотреть еще около 200 видеопроектов, которые можно найти в интернете. Бирова И. из Болгарии рекомендовала книгу «Игра в обучении русскому как иностранному». Прозоров В.В. говорил о национально-художественно-культурном учебнике.

26 октября 2017 года участники форума приняли участие в работе Круглого стола № 3 на тему: «Учебник в вузовской подготовке будущего учителя. Оптимизация иноязычного дидактического образования». Ведущим круглого стола стал проф. Института международных экономических связей Айзенштадта (Австрия) А.Л. Бердичевский. Он акцентировал внимание на билингвальном обучении, роли учителя как учителя языков. Маркова Е.М. говорила о расширении лингвистического и культурологического кругозора во внеклассной работе с учащимися в историческом контексте славянских языков.

В конце каждого круглого стола были подведены итоги. Так, в частности, участники Круглого стола №3 приняли следующие решения.

1. Нет абсолютного сомнения в поддержке создания национальных учебников по русскому языку в качестве иностранного языка.

2. Необходимо оптимизировать содержание всех форм обучения русскому языку в рамках РКИ.

3. Необходимо оптимизировать глобальную цель подготовки будущего преподавателя в рамках вузовской подготовки посредством методики и дидактики.

4. Необходимо изменить современный формат всех типов вступительных экзаменов по русскому языку для претендентов на обучение русскому языку как иностранному. В основу вступительных экзаменов должна лечь и проверка качественных характеристик претендента, посредством которых можно последовательно формировать требуемые психологические, педагогические, методические и дидактические навыки будущего преподавателя.

5. Учебники по методике преподавания для будущих преподавателей должны быть профессионально направленными, т.е. должны быть педагогизированы.

6. Необходимо сосредоточить внимание на совместной работе вузов, средних и основных школ в целях создания компактной системы сотрудничества, направленного на решение проблем вузовского образования и образования средних и основных школ.

7. Приглашать на конференции вузовских методистов, которые преподают методику и дидактику по русскому языку как иностранному.

В своем заключительном слове первый секретарь Посольства РФ в Словакии В.Г. Куликов, обобщая итоги круглых столов, рекомендовал обратиться в Министерство образования СР с просьбой о завершении создания национального учебника русского языка. В связи с необходимостью финансирования создания национальных учебников необходимо обратиться к Фонду «Русский мир» за финансовой поддержкой.

© Буйняк М., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.11.2017

Дата принятия к печати: 30.11.2017

Для цитирования:

Буйняк М. VII Международный Форум русистов «Братиславские встречи под Татрами»: реферат // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2018. Т. 16. № 1. С. 129–132. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-129-132

Сведения об авторе:

Буйняк Милан, доктор философии, учитель русского языка и литературы, заместитель директора Школы и Гимназии для одаренных детей в Братиславе, член Ассоциации русистов Словакии. *Контактная информация:* mbujnak@spmndag.sk

Article history:

Received: 15.11.2017

Accepted: 30.11.2017

For citations:

Bujnak M. IV (2018) VII International Forum of Russianists “Bratislava Meetings in the Tatras”. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (1), 129–132. DOI 10.22363/2313-2264-2018-16-1-129-132

Bio Note:

Bujnak Milan, PhDr., a teacher of Russian Language and Literature, deputy director of the School for Gifted children and Grammar School in Bratislava, a member of the Association of Russianists in Slovakia. *Contact information:* mbujnak@spmndag.sk

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36433

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Количество комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36433

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
